

Наталья САФРОНОВА

Д Е В И Ч Н И К

Литературное агентство
Вячеслава 2013 Смирнова

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 4

ISBN - 85234-165-0

Редактор Владимир Мисюк
Художник Марина Шилехина

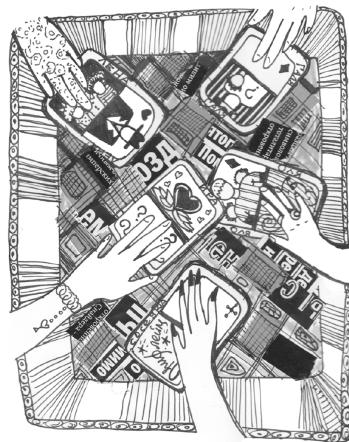
НАТАЛЬЯ САФРОНОВА. «ДЕВИЧНИК». –
Тольятти,
Литературное агентство В. Смирнова,
2013. – 108 с.

© Н. Сафонова, 2013

© М. Шилехина, 2013

© Литературное агентство В. Смирнова, 2013

I. РАССКАЗЫ

ВРУША
С ЧИСТОГО ЛИСТА
КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА
ТОТ, КОГО СТОИТ ЖДАТЬ
СОМНЕВАЮСЬ
ПОМИНКИ
ЧАЙКА
ПЛЮС И МИНУС
ДОН КИХОТ СЕДЬМОГО УЧАСТКА
С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ

Пара на соседней кровати дружно, по шепотом отданной команде, певернулась с одного бока на другой. Марина быстро отвела глаза, как будто она подсматривала за ними. Не подсматривала, конечно, просто смотреть в этой тесной трехместной палате было некуда. На кровати у окна разминал в руке резиновый шарик старик, а его жена тихонько считала, приговаривая:

— Не останавливайся, сильнее нажимай, сильнее. Работай, говорю, тебе здесь не курорт.

Старик вяло подчинялся. Марина вздохнула, не зная, чем заняться. На скучную больничную стену смотреть не хотелось, на мужа, одиноко спавшего на кровати, тоже. Честно говоря, больше всего хотелось так же просторно, как муж, лечь, распрямить затекшую спину, вытянуть уставшие ноги и закрыть глаза. Можно и прижаться к кому-нибудь, не к мужу. Тем более, что муж спал, широко раскинув на кровати руки и ноги, и в его позе ничего приглашающего прилечь рядом не было. Семейная пара у стены стала тихонько перешептываться, потом Лена встала и попросила всех женщин выйти из палаты, а через некоторое время вынесла в туалет судно.

Вскоре буфетчица пригласила на ужин, и к окошку раздачи выстроилась очередь из больных и ухаживающих за лежачими, причем последних было куда больше. В отделении неврологии лечились в основном после инсульта, и воздух здесь был такой тяжелый, что, выходя вечером из больницы, Марина не могла надышаться, как будто шла не по кишащей машинами городской улице, а по тропинке в сосновом бору.

Марина разбудила мужа:

— Поднимайся, ужинать пора. Потихоньку вставай, нельзя так резко. Дала ему в руки тарелку с гречневой кашей, поставила на тумбочку чай. Села рядом, вытерла мужу салфеткой рот.

Старики у окна ужинали вместе, причем Вера Сергеевна ворчала:

— Ешь давай — и будем скороговорки повторять. Мозги развивать надо — я говно за тобой таскать не собираюсь.

Лена с Андреем весело переглянулись:

— Вера Сергеевна, вы, наверное, по школе скучаете, давно учеников не муштровали!

— Я, ребята, просто боюсь одинокой старости. Боюсь, что словом перемлвиться будет не с кем. Не дай бог бревном лежать будет — как я с ним справлюсь, с тушей эдакой? И что это за жизнь?

В палату, постучавшись, вошел мальчик лет двенадцати, поздоровался со всеми и присел на кровать к Лене и Андрею, ласково потерся о плечо отца. Марина быстро отвела взгляд, как будто снова подсмотрела в чужое окно. Лена улыбнулась ей:

— Марина, а ваш сын когда из санатория приезжает?

— Через неделю. Пусть отдыхает, мне сейчас не до него.

Марина стала смотреть в окно, поверх головы соседки. Унылый кусочек серого апрельского неба с причудливым рисунком березовых ветвей и дымящейся над больничным городком трубой крематория вызвал у женщины зевок. До чего надоело все, подумала Марина. Смертельно надоело. И дело даже не в том, что у мужа, которому всего-то сорок два года, случился инсульт, и Марина уже неделю каждый день по двенадцать часов проводит в больнице. Муж был не нужен ни больной, ни здоровый, и – как вдруг поняла Марина – не был нужен ни один день их совместной жизни. И страшно было, что она устала даже не спустя целую жизнь, как соседка по палате Вера Сергеевна, а уже сейчас, через семь лет после свадьбы.

Марина всегда жила хорошо. Любимые и любящие родители. Вовка из третьего подъезда, который сначала не хотел уходить без нее из садика, а потом провожал из школы. Каждый день, все десять лет. И еще два года писал письма из армии, тоже каждый день. Любимый институт и, в перспективе, любимая работа.

Но Марина была так странно устроена, что ей было необходимо страдание. Поэтому она выдумывала себе безответную любовь, или разделенную – но к женатому, а значит, счастье тоже оказывалось недостижимым. Или высокую и чистую, но к главарю банды, чьи жизненные принципы, вернее, их отсутствие, она якобы не принимала, и, следовательно, почва для страдания была подготовлена. Все эти истории, вымышенные, но с почти реальной осозаемостью существующие в Маринином воображении, становились достоянием общественности. В них верили и не верили, но говорили, что Марина та еще штучка.

Даже верный Вовка порой начинал сомневаться в подруге детства, но тут же одергивал себя. Над историей с главарем банды юноша позволял себе даже посмеиваться, потому что их маленький городок в те пресловутые девяностые был поделен между бандитами, и главарей все знали если не в лицо, то хотя бы по именам. Потому что пресса широко освещала их жизнь, в том числе и личную. Марина нигде не фигурировала. А вот многочисленные знакомства с продолжением, которые девушка легко заводила в стройотрядах, на студенческих фестивалях и даже в повседневных поездках в общественном транспорте, вызывали у Вовки досаду. Открывая письмо очередного поклонника, Марина задумывалась:

– Что же я ему врала? – потому что частенько сочиняла не только новую любовную историю (у женщины должно быть прошлое!), но и родословную (придумывала бабушку-балерину и дедушку-генерала), или заявляла, что она учится не в университете на журфаке (где училась в реальности), а в аэрокосмическом, например, на факультете космических установок. Это вызывало удивление, но не было важным, потому что восхитительной была сама Марина с нежными ямочками на щеках.

Честно говоря, привирать Марина начала еще в детстве, но тогда это было совершенно безобидное сочинительство, скорее похожее на сказки. Марина рассказывала, например, что пока все дети спали, она вместе с воспитательницей пила чай с тортом. Или что она спала на облаке, кото-

roe опустилось так низко над окном их группы, что Марина легко вскарабкалась на него и покачивалась весь сончас, как на качелях. Вовка верил, хотя другие дети говорили, что это враки. И подговаривали Вовку не спать, а убедиться самому, что Марина врет. Однажды Вовка пересилил себя из лучших побуждений, чтобы доказать всей группе, насколько Маринины истории правдивы, и не заснул. И когда Марина начала рассказывать, как летала на огромном майском жуке, в то время как Вовка сам видел, что она мирно спала на соседней кроватке, мальчишка обиделся и заплакал:

– Ты – вруша! Вруша-груша!

Однако взрослые Маринины сказки были не столь безобидными, как в детстве. Как потом оказалось, Вовка был слишком терпелив и доверчив, принимая все фортели подруги за игру, потому что однажды Марина рассказала, что в нее влюбился директор похоронного бюро и разводится с женой, чьи непре��ращающиеся болезни ему уже надоели, может быть, он не хотел хоронить ее за свой счет. Якобы Марина чуть ли не каждый день приходила в это агентство, рассматривала фотографии надгробий, загодя выбирала памятник для смертельно больной подруги.

Это произошло вскоре после близости с Вовкой, первой и для Маринны, и для Вовки, и закончившейся Марининой беременностью. Марина сама предложила, сама все и проделала, Вовка долго еще не решился бы. О беременности Вовка ничего не знал. Марина ему не сказала, просто пошла и сделала аборт. Ну, не просто, конечно, но без особой трагедии. Чего переживать, нарожает еще детей, двадцать лет, вся жизнь впереди.

– Тебе Вовка не нравится? – спросила подруга, которой Марина поведала о своем печальном опыте.

– Нравится. Но рожать рано, – не стала откровенничать Марина.

Вовка нравился, но хотелось чего-то необыкновенного, не как у всех. Товарищ детства – чем он может удивить? Она знает про него все: как он ходит, как смотрит и что думает, когда рядом. И когда далеко, он тоже думает о ней, о Марине. И в близости он был точно такой же: мягкий, ведомый, боящийся обидеть и причинить боль.

Вовка ходил вокруг Мариной и не дышал, а Марина ему – про директора похоронного бюро. Чем она покорила циничного, немолодого уже гробовщика, общественности осталось неизвестным, но на третий курс Марина явилась с обручальным колечком и с плохо скрываемым восхищением рассказывала истории про мужа-деспота, и однокурсницы ждали уже, когда Марина поведает о потайной дверце Синей бороды. Но Вовка продолжения этой истории слушать не стал, забрал документы из универа и уехал из города, адреса никому не оставил. Марина о нем не жалела, потому что, во-первых, была уверена, что стоит ей по Вовке соскучиться – он тут же и появится, а во-вторых, не очень-то и нужен...

– Ты любишь мужа? – спрашивали подруги.

– Наверное, люблю. Он не доступен моему пониманию. Мне нравится слушаться его, потом делать по-своему, а потом опять слушаться и ждать его одобрения.

Марина была уверена, что похоронный бизнес – дело сугубо мужское и строгое, и очень удивилась, когда пришла однажды навестить мужа на работе и увидела в кабинетах, куда посетители доступа не имели, короткие юбочки, бретельки лифчиков и даже полное их отсутствие – не скрываемое, а выставляемое напоказ. Она вошла в кабинет директора, заперла дверь и обняла мужа – от неожиданности он даже не сопротивлялся – а когда все закончилось, посмотрела на него с вызовом:

– Вот так это здесь происходит?

Но когда Марина заявилась в офис на следующий день, муж мягко, но решительно ее выпроводил:

– Лучше на лекции сходи, вечером увидимся.

Дома повсюду встречались вещи первой жены, как будто она не выехала из квартиры, а погулять вышла. Гробовщик развелся стремительно, потому что ребенка у первой жены не было, а болезни были, он купил ей однокомнатную квартиру и считал, что больше ничего не должен. Но жена, видно, думала по-другому, потому что звонила регулярно, по три раза в неделю, молча дышала в трубку, если к телефону подходил гробовщик. Пятнадцать лет совместной жизни встали комом обиды у горла и не давали ей успокоиться, хотелось видеть и слышать мужа, которого остро не хватало. Хотя бы слышать, вот она и звонила. Все это не давало Марине забыть о своей предшественнице, и ночью, обнимая мужа, она спрашивала:

– У тебя с ней так же было?

– По-другому, – уходил от ответа муж.

Мужа, кстати, звали Михаилом, но Марина редко так его называла. В разговорах с подругами она говорила о нем «мой гробовщик», а при общении с мужем не называла его никак, потому что ласковое теплое имя Миша не шло ему совершенно. Марина звала мужа «ты» или манерно «дорогой». Муж откликался, может быть, ему было все равно.

– Роди мне наследника, – просил он Марину.

– Наследника похоронного агентства? – уточняла Марина.

– Наследника фамилии, сына. А может быть, и дела, почему бы и нет?

Проводить человека в последний путь – почтено.

Марина обещала. Она скучала, может быть, ребенок займет ее, подарит новое ощущение материнства? А пока брала фотоаппарат и шла на местную швейную фабрику, собираясь написать статью о новом направлении в швейном производстве. Работницы сами наряжались в фабричные платья и костюмы, позировали для Марине, спрашивали, когда выйдет статья. Марина щелкала пустым фотоаппаратом, о статье уже не думала. Ей быстро все надоело, становилось неинтересным.

Ревновать мужа к бывшей жене Марине тоже наскучило довольно быстро, хотя для проформы она говорила:

– Давай номер телефона сменим, хватит уже ей звонить.

Михаил отказывался. Может быть, эти звонки зачем-то были ему нужны, держали в тонусе, приятно быть нужным кому-то живому, а не только покойникам.

После лекции Марина частенько сворачивала к «Детскому миру», заходила в отдел одежды для грудничков и покупала то, что ей нравилось. Муж однажды наткнулся дома на детские вещи.

– Ты ждешь ребенка?

– Пока нет, но, в общем, жду.

Михаил подвел ее к комоду, который никогда не отпирался, вставил ключ и открыл все три ящика. Марина увидела детское приданое и заплакала. После этого она с остервенением начала оборудовать детскую комнату. Оклеила обоями с мишками и мячиками, купила кроватку, манеж, коврик с веселой расцветкой. Взяла у однокурсницы журнал по вязанию детской одежды и связала носочки и шапочку. Потом забросила вязание, закрыла дверь в детскую и больше туда не входила. Через некоторое время пошла в больницу.

– В первый раз был аборт? – спросил врач.

– Только один раз.

– Как видите, хватило и одного.

Марина получила диплом и устроилась работать в местную газету, вела колонку семейного чтения. Подбирала детские ребусы и кроссворды, сказки русских писателей, иногда писала сама. Когда работала, ей казалось, что она держит малыша за теплую ладошку и рассказывает ему сказку. В этой же колонке размещала репортажи из детских садов и школ, интернатов и домов ребенка, их было немало в области. Однажды сказала мужу:

– Давай ребеночка усыновим.

– Лечись, – ответил Михаил, – может, еще своего родим.

Муж ел, пил, ходил на работу, смотрел на Марину пустыми глазами, и это уже не казалось загадочным, хотелось отвернуться к стене, закрыть глаза и никогда не просыпаться.

Марине иногда снился нерожденный ребенок, их с Вовкой сын, о котором Вовка не знал.

– Что же ты опять меня обманула? – спрашивал во сне Вовка. – Родила сына, а мне не сказала.

– Сказку сочиняла, – отвечала Марина, качая ребенка. – В сказках не бывает все запросто. Там надо три пуда соли съесть, трое железных сапог износить – только тогда и найдешь свое счастье.

Вовка никаких вестей о себе не подавал, но вспоминался все чаще. Где ты, Вовка, как живешь? Помнишь ли еще свою Марину? Муж так и не стал доступен Марининому пониманию, и Вовка теперь стал казаться родным и близким, и очень нужным.

Когда у мужа неожиданно, безо всяких видимых причин, случился инсульт, Марина заплакала от жалости к себе.

– Вот еще каторга, – думала она, – и никуда теперь не денешься. Ничего не переиграешь.

Муж лежал вялый, безучастный ко всему. Андрей, сосед по палате, был ровесник Михаилу, но в нем чувствовалась заинтересованность и воля к жизни. Наверное, потому что рядом с ним была семья, в этом дело. Жена

Лена ласково хлопотала над ним, весело подтрунивала и не давала ему унывать. Приходил сын, читал вслух книжки, не хотел уходить, хотя что любопытного для мальчишки в больнице. Скучал по отцу, значит. И Андрей тянулся, напрягал все силы, чтобы выздороветь – для них, раз он им так нужен.

А Марина ничем не давала мужу понять, что он ей нужен. Только, как Вера Сергеевна, боялась, что она будет делать с «тушой», если вдруг муж залежится, быстро не помрет. Хотя с чего ему помирать – от инсульта в сорок лет не умирают. Про сына она придумала по привычке, глядя на мальчика Лены и Андрея, ласкового, как теленок, смущавшегося своей нежности к отцу при чужих. Марина представляла, что это ее сын, он приходит в больницу к Андрею и Марине, или Марине и Вовке. Или Марине и Михаилу. В эту минуту она ощутила прилив теплого чувства к мужу, досстала гребешок, расчесала ему волосы, поправила подушку, прошептала:

– Миш, давай зарядку делать. Выздоровливать надо, что толку просто лежать?

В ежедневной больничной суете Марина забыла срок месячных, но вдруг вспомнила и ахнула. Забежала в аптеку, купила тест. Проверила и на мгновение замерла от изумления. Беременна. Мишин ребенок. Мишин, хотя девчонки, конечно, не поверят после того, что она плела им про свои веселые командировки по области. А Миша лежит, как бревно, ничего ему не надо. Но теперь-то ведь надо, теперь есть для чего выздоравливать и ради кого жить! Марина не помнила, как добежала до палаты, радостно крикнула:

– Миша! – и затормозила, но не потому, что на нее зашикала Вера Сергеевна. Рядом с Мишой на стульчике сидела бывшая жена, ласково гладила его по лицу, и Мишины глаза смотрели непривычно нежно.

С ЧИСТОГО ЛИСТА

Время от времени Альбина начинала новую жизнь. Порывала со старой и начинала жить с нуля. Меняла привычки. Номер мобильника. Друзей. Принималась за поиски новой работы. Искала варианты обмена квартиры в другой город. Регистрировалась в социальных сетях под другим именем. Покупала новое платье. Через месяц вставляла в телефон старую сим-карту и звонила старым друзьям. Забрасывала диету и зарядку. Переставала обливаться по утрам холодной водой. Новое яркое платье задвигалось в шкафу вешалками с привычными для нее неприметными пальто на каждый день. Но иллюзия попытки перемен оставалась и дарила ощущение возвращения домой после длительного путешествия или продолжительного загула, когда ты снова начинаешь ценить родные стены и близких людей. Но что-то и терялось.

Однажды после такого возвращения к прежней жизни Альбина не нашла альбом со школьными фотографиями. Неужели в порыве острого недовольства собой она его выбросила? Альбина не смогла вспомнить, но факт оставался фактом: школьного альбома на месте не было. Не то чтобы она регулярно пересматривала старые фотографии и теперь их так уж не хватало, но ей стало казаться, что утеряна память о большом куске жизни. Альбина заметила, что часто задумывается, и не о чем-нибудь, а именно о своих школьных годах.

Почему-то Алька не любила фотографироваться. Пристальный глазок фотоаппарата раздражал ее, лишал привычной уверенности в себе. Или ее и не было, этой самой уверенности? Во всяком случае, когда на нее не обращали особенного внимания, Алька была собой вполне довольна и не задумывалась о своей внешности. Тогда как Ленка, например, ближайшая подружка, была на своей красоте повернута, и каждый прыщик выводил ее из себя. Поэтому перед сном она их давила, а на следующий день все уроки потерянно смотрела на себя в зеркало. И то, что она там видела, ей не нравилось. А кому понравятся воспаленные пятна на лице? И Ленка потрясенно трогала перепачканными пастой пальцами свои прыщи. Вот если бы их не было — законченная красавица, а так — просто прыщавый подросток. У Альки прыщей не было, кожа была чистая, нежная, но при этом фотографироваться она не любила. И всегда стремилась улизнуть, когда классная вела их к фотографу. А Светлана Геннадьевна брала ее за руку и ставила рядом с собой. А Игорь неизменно оказывался рядом с Алькой. И потом на снимке Алька всегда выходила растерянная, потому что убеждать ей снова не удалось. С одной стороны — классная, а с другой здоровенный Игорь, куда тут бежать?

ся, а она — не хочет. Все слушают объяснение учителя, а она — рисует. У Альки всегда лежал на парте альбом, и она всегда в нем рисовала. Причем, одно и то же. Вернее, одного и того же мальчишку с разными глазами, новенького. Не то чтобы так уж хорошо получалось, но — угадывался. Светлана Геннадьевна угадала. Она всегда стояла на уроке рядом с Алькиной партой с тех пор, как Алька не оправдала ее надежд. Светлана Геннадьевна пришла к ним в 7 классе учителем физики и классным руководителем, и сразу устроила письменный зачет. Алька все вырубрила, написала за пять минут и сдала работу, тогда как остальные маялись целый урок, норовили списать. Светлана Геннадьевна поставила ей «пятерку» и решила, что это восходящая звезда. Однако Алькины познания на этом закончились, она быстро забывала то, что зубрила к уроку. Да, и вообще, физика ее не интересовала.

Альке все было безразлично, кроме новенького. В том числе Игорь, который оказывал ей явное внимание и даже шел на некотором расстоянии за ними с Ленкой после школы, хотя ему было не по пути, ее тоже не интересовал. А новенький интересовал. Славка пришел к ним в этом году и ничем особенным, кроме разных глаз — зеленого и золотисто-карего, не выделялся. Но Альке этого хватило для того, чтобы решить, что он ни на кого на свете не похожий, и в нем определенно что-то есть. Что в нем необыкновенного, кроме глаз разного цвета? Да ничего, презрительно сказала Ленка, и снова обреченно стала рассматривать в зеркале свои прыщи. Он гений, мечтательно ответила ей Алька. На него хочется всегда смотреть и хочется его рисовать. Он светится изнутри, как ангел, сказала Алька, и нарисовала лучиками сияние, которое исходит от Славки. И он всегда шагает широко и быстро, как будто торопится к какой-то высшей цели. И рисовала широко шагающего Славку. И он высокий и тоненький, как стебелек, и абсолютно беззащитный. Алька изучила Славку изнутри и снаружи и отобразила все свои познания в рисунках.

От урока к уроку блокнот пополнялся Славкиными портретами, рисовать его Альке было удобно, потому что он сидел на соседнем ряду на две парты впереди Альки. Показывать рисунки Ленке тоже было довольно удобно, стоило только сдвинуть альбом чуть в сторону, потому что Ленка сидела сразу за Алькой, и была в курсе Алькиной личной жизни. Поэтому у Альки было все хорошо: она любила Славку, ее любовь выражалась в творчестве, а потом она делилась результатами своего творчества с подругой. Творческий цикл был завершен, большего Альке и не требовалось. Все было хорошо на всех уроках, кроме физики, потому что Светлана Геннадьевна вставала рядом с Алькиной партой и загораживала ей Славку, мешала рисовать с натуры. Алька стала рисовать Славку по памяти, тоже неплохо получалось. Вот только классная почему-то решила, что Алька рисует на физике не просто так, по потребности души, а чтобы выделиться из окружающей массы.

А когда Светлана Геннадьевна объявила о творческом вечере, посвященном 23 февраля, и девчонки наперебой стали придумывать номера, кто

песни, кто танцы, Алька решила прочитать юмористический рассказ. Нашла в каком-то журнале, сейчас она уже не помнила, в каком именно и даже про что был рассказ. Нашла, показала Ленке, та презрительно фыркнула, она готовила сразу и танец, и песню. Ленка могла бы вообще не уходить со сцены, петь и танцевать весь вечер, или просто стоять, чтобы все на нее смотрели. И фотографировали, Ленка любила фотографироваться. Если припудрить прыщи, думала Ленка, то на нее можно смотреть вечно. Вместо того, чтобы слушать какой-то юмористический рассказ. Но Алька почему-то вцепилась в этот рассказ и показала его Светлане Геннадьевне.

— Ну, прочти, я послушаю — снисходительно разрешила классная. Алька прочитала ей наизусть, вызубрила по привычке.

— Ну, выступай, раз выучила, сколько труда приложила, — заметила Светлана Геннадьевна. Алька подозревала, что классная не предполагает в ней больше никаких талантов после того, как она не оправдала ее надежд в физике. Однако сама Алька считала себя талантливой, она не задумывалась, в какой именно области, просто чувствовала себя личностью. И когда все девчонки готовились к творческому вечеру, решила тоже выступить. Петь и танцевать она не умела, а на сцену выйти хотелось. Поэтому она решила прочитать рассказ, и невысокая оценка ее актерских способностей учителем не обескуражила Альку. Она выступала, и ее слушали, и аплодировали. И Славка смотрел на нее и смеялся, и хлопал вместе со всеми. Собственно, ради Славки все и затевалось.

А через полгода Славка ушел из школы. Алька забыла уже, почему именно он ушел. Но предыстория была такая. За одной партой с Алькой сидел Костик Зайцев. Он сам подошел к ней после того, как Светлана Геннадьевна пересадила Альку от Лены, чтобы Алька сидела одна за партой, и попросил:

— Аль, можно я с тобой сидеть буду?

— Садись, конечно, — удивилась Алька. Это был вызов учителю и со стороны Альки, и со стороны Костика тоже. Светлана Геннадьевна это заметила, но промолчала. И Игорь тоже заметил, и стал придиরаться к Костику. К Славке не придирався, хотя не мог не увидеть, что Алька постоянно рисует его в своем альбоме. А Костику не давал прохода. Костик терпел и не пересаживался от Альки. Костик был худенький, маленький, меньше всех в классе, по внешнему виду — пятиклашка, не старше. А по сравнению со здоровенным Игорем, который занимался баскетболом — и вовсе детсадовец. Поэтому нападки Игоря на маленького Костику Альку не восхищали. Однажды Алька поднималась по лестнице на третий этаж и вдруг увидела, что Игорь держит Костика за ноги вниз головой над лестничным пролетом. Алька тогда внутренне оцепенела, молча, не поднимая глаз, прошла мимо мальчишек в рекреацию и молчала весь день. Не рисовала и не разговаривала с Ленкой. Пытаясь сосредоточиться на заданиях учителя, впрочем, этого Алька сейчас точно не помнила. Помнила только, что Костик Зайцев взял свой портфель и пересел от Альки. Куда именно, Алька тоже не помнила. Алька сейчас, мучительно вспоминая все это,

спрашивала себя, расценил ли Костик ее молчание как предательство, или сам сдался, пошел на поводу у Игоря?

Лена рассказала потом Альке, что Славка дрался с Игорем после уроков на заднем дворе школы. Алька тогда ничего не замечала, настолько потрясло ее собственное предательство. За кого дрался Славка — за Альку или за Костика? Много вопросов Алькиного отрочества так и осталось без ответа. Почему? Потому что она вовремя их себе не задала? Когда Алька узнала от Ленки, что Славка забирает документы из школы, она убежала прямо с урока, не обращая внимания на окрик Светланы Геннадьевны, и догнала Славку уже на школьном крыльце. Славка оглянулся и пожал ей на прощание руку. Или это ей сейчас уже так кажется? Алька тогда молчала и смотрела на него во все глаза, и протягивала ему альбом. А Славка не взял альбом. Может быть, не заметил от волнения? Он так никогда и не увидел Алькины рисунки, как она рисовала его на уроках, как он идет, как смотрит на доску, как склоняется над тетрадью... Самого главного, о чем мечтала Алька, чтобы Славка узнал, каким она его видит — не случилось. Он оглянулся, когда Алька догнала его, кивнул ей и сказал:

— Пока, — и ушел. И все. Алька постояла еще некоторое время на крыльце, пока не замерзла. Был конец марта, холодно. Потом вернулась в класс и убрала альбом с рисунками в сумку. Но рисовать не перестала.

Иногда заходила после уроков в сквер, где рисовали художники. Они рисовали город, прохожих, заодно продавали свои картины. Одному из них она показала свой альбом с рисунками. Он полистал, потом вернул Альке и сказал:

— Учиться надо, много ошибок. А вообще, что-то есть... характер, настроение... Не хватает школы.

Потом Алька принесла этому художнику щенка, которого они с Ленкой нашли на школьном дворе. Алька хотела забрать его себе, но мать сказала:

— Отнеси туда, где взяла.

Алька подумала и отнесла щенка художнику. Он взял, но попросил больше никого не приносить. Спросил, пошла ли она в художественную школу.

— Нет, не пошла. Уже незачем, — хмуро ответила Алька.

— А зачем, по-твоему, учатся рисовать? — удивился художник.

— Ну, чтобы он увидел, — пожала плечами Алька.

— Кто? Этот, с разными глазами? — спросил художник. Алька кивнула.

— А он не смотрит? — поинтересовался художник.

— Он ушел из нашей школы, — обреченно сказала Алька.

— Может, увидит когда-нибудь, — посочувствовал художник. — Придет в музей и увидит себя на портрете.

— Мне это уже неинтересно.

Славка никак не давал о себе знать, и Алька перестала его рисовать. Просто запретила себе. К художнику больше не ходила. И рисунки потом тоже куда-то делись. Кажется, именно тогда у нее появилась эта привычка — начинать жизнь с чистого листа. После своего первого в жизни предательства.

Когда Алька училась на третьем курсе института, ее нашел вернувшийся из армии Игорь. В армию его Алька не провожала и не писала. И он Альке тоже не писал, не мастер он был по части любовной переписки. Однако Игорь регулярно расспрашивал в письмах Костика, как там Алька, не вертится ли кто-нибудь около нее. И Костик отвечал, что Алька ходит только в институт с подружками, а так никого у нее нет. Алька с Костиком по-прежнему жили в одном дворе, они здоровались, и Костик передавал ей от Игоря приветы.

Алька недоуменно пожимала плечами, когда рассказывала Лене, как Игорь встретил ее после лекций и проводил до дома. Ленка слушала подругу, задумчиво рассматривая себя в зеркальце. Прыщи ее больше не беспокоили, она просто любовалась на свое отражение, не могла отвести взгляд. Потом все-таки отвела, подняла на Альку глаза и серьезно сказала:

— Ты думаешь, что любовь — это когда ты бесконечно рисуешь предмета своего обожания? А потом он исчезает, а ты ходишь такая ни в ком не заинтересованная, только о нем и думаешь?

— Да ни о ком я не думаю. Я и не рисую больше, — умоляюще посмотрела на нее Алька.

— Так вот, — назидательно заявила Ленка. — Настоящая любовь — это такая вот верность, как у Игоря. Он тебя любит, и нечего тут пожимать плечами. Замуж, наверное, скоро позовет — иди, не раздумывай.

И Алька послушалась подругу, перестала взвешивать за и против, ждать... Кого еще ждать? Не Славку же, в самом деле, она и думать о нем забыла. Однажды запретила себе и перестала думать. И когда Игорь позвал замуж, Алька согласилась.

А Славку она видела однажды, случайно. Она гуляла тогда с маленькой дочкой, катала ее в коляске по скверу, где когда-то познакомилась с художником. Ей навстречу шел Славка, она узнала его, хотя он вырос, конечно, стал взрослым. Правда, остался все таким же беззащитным, как в отрочестве. И шел он совсем не широким и не стремительным шагом, как когда-то, а вяло, и вообще был не особенно похож на себя, каким она его знала в детстве. Ведь она изучила его тогда всего, до самого донышка, изнутри и снаружи. Он был гениален, и от него исходило сияние, она точно это помнила. Это чувствуется, если человек талантлив, какой-то внутренний свет отличает его от всех. И сейчас она узнала его, хотя Славка был в старом, потрепанном пальто, но при чем здесь пальто... Она узнала бы его даже сто лет спустя — среди тысячи прохожих. Он шел ей навстречу и смотрел на нее своими разными глазами, зеленым и золотисто-карим. Наверное, того, прежнего сияния, которое отличало его от всех на свете, не

было. Алька слышала от Ленки, что Славка принимает наркотики, какое уж там сияние. Но все-таки это был Славка, и Алька узнала его. И свернула в сторону. Она резко повернула коляску и пошла в другую сторону быстрым шагом, почти бежала. А потом оглянулась и увидела, что Славка остановился и смотрит на нее, открыто, а не как когда-то на уроках, слегка поворачивая назад голову. Тогда, в школе, когда он тайком смотрел, как Алька его рисует, у них было все впереди, вернее, могло быть все впереди, если бы Алька не прошла мимо Костика, висящего над лестничным пролетом вниз головой. А теперь... Теперь Славка как будто смотрел вслед ей прежней, рисующей его и протягивающей ему альбом с его портретами... Они когда-то шли навстречу друг другу и не встретились. Алька свернула в сторону. И у нее появилась привычка начинать жизнь с чистого листа. Чтобы что-то забыть. Что-то вычеркнуть из памяти. А потом мучительно вспоминать, потому что иначе жизнь распадается на кусочки, и ее очень трудно склеивать заново.

Ленка сказала ей потом, что Славка разбился. Выпал из окна в наркотическом опьянении. Или выпрыгнул. Конечно, не после того, как она свернула в сторону со спящей в коляске дочкой. Гораздо позже. Альбина не пошла на его похороны. А спустя несколько лет не сумела найти альбом со школьными фотографиями.

Неожиданно для себя Альбина быстро взяла чистый альбом у дочки в столе и очинила карандаш. Она не знала, что именно собирается рисовать. Память сама подскажет ей сюжеты...

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Тая не планировала свою жизнь, жила, как получится. Не ела, а перехватывала на ходу и никогда не знала, что она будет делать после работы. Если Он звонил, то они вместе ехали к ней домой и проводили романтический вечер. А если не звонил, Тая ехала по этому же маршруту одна и думала о Нем. Этим она отличалась от своих подруг, Эли и Оли. Потому что Эля жила, как долг велит, а Оля постоянно прислушивалась к себе, что бы она сейчас съела и чем ей хочется заняться в данную минуту. Эля тащила на себе всю семью, двух детей и мужа-алкоголика, а Оля не работала, была любима и опекаема мужем. При этом главной и единственной обязанностью Оли было хорошо выглядеть и быть дома, когда мужозвращался с работы поздно вечером. Детей у нее не было, не потому, что не получалось, а просто пока не планировалось. То есть день был в ее распоряжении и позволял ей прислушиваться к своему внутреннему «я» в полной тишине и сосредоточенности. Тогда как Эля была поглощена заботами, чем накормить, где он, стервец, заначил, и как его побыстрей уложить в постель, чтобы дети выспались перед школой.

— Тебе надо вступить в общество созависимых алкоголиков, — глубокомысленно изрекала Оля, отвлекшись от мыслей о себе.

— Да, ладно, девчонки, я с вами поговорю, и мне легче становится, — пугалась Эля. — Можно снова в упряжку.

Они дружили со школы, и хотя жизнь их сложилась по-разному, были по-прежнему интересны друг другу, потому что детство значимо для каждого человека. Подруги не кичились друг перед другом успехами и достижениями, а искренне сочувствовали и сопереживали друг другу на девчачих посиделках, в перерывах между которыми они созывались почти ежедневно. На это времени хватало у всех, даже у Эли, потому что каждая ощущала потребность в общении с подругами. Даже Оля, иначе ее жизнь была бы слишком пресной, одно сплошное хорошо не может быть интересным, она жила проблемами подруг. Проблема Таи состояла в том, что на протяжении десяти лет она ходила в любовницах, а хотела стать женой.

— Ты хотя бы вырази недовольство, — советовали подруги, — он, наверное, думает, что тебя и так все устраивает.

— Он говорит, что ему есть кому закатывать скандалы, — объяснила Таи. — Меня Он в этой роли не видит.

— Найди свободного мужика, выйди замуж и роди ребенка, — советовала Эля. Она не понимала, как можно жить без детей.

— Не могу я искать, — растерялась Таи, — люблю Его.

— Тогда просто роди, — гнула свою линию Эля.

— У Него уже есть дети, куда еще? — ответила Таи Его словами.

— Так ведь это у него... — усмехнулась Эля. — Поставь его перед выбором: или ты, или...

— Так ведь понятно, что Он выберет не меня, — усмехнулась Таи в ответ.

— Тогда принимай ситуацию, — пожала плечами Оля. — Останешься при любви.

Оля любила порассуждать о любви, хотя, по мнению Таи, на самом-то деле Оля любила только себя.

— Так это главное, — пожимала плечами Оля, — если человек не любит себя, разве он способен полюбить кого-то еще?

Тайна любовь основывалась исключительно на самопожертвовании. Она жила не своей жизнью, а жизнью Любимого, а в его отсутствие как бы замирала, пережидала это время. Мир тускнел, и стрелки часов останавливались.

Приходила мать, оттягивала внимание Таи на себя. Подробно рассказывала, что у нее болит и почему, и как она это лечит. Намекала, что ей хочется понянчить внуков.

— Была бы я бабкой, всегда нужна, всегда при деле, — вздыхала мать. — А так что? Полы помыла и лежу, смотрю телевизор.

— Что ты все о себе, мам? — недоумевала Тая. — У меня своя жизнь, свои интересы...

— А какие у тебя интересы? — спрашивала мать. — Пришла с работы и сидишь, пригорюнившись, как Аленушка у пруда. А был бы малыш — вот были бы интересы...

— Так ведь сначала замуж нужно выйти, а хорошие мужики все разобраны, — пыталась остановить ее Тая.

— В тридцать пять замуж уже необязательно, просто роди — и все, — мать полностью разделяла точку зрения Эли.

Тая мыла чашки после чая и шла провожать мать на автобусную остановку через квартал, чтобы потом подольше возвращаться в пустой дом.

Она приходила, открывала тетради своих первоклашек и любовно всматривалась в их каракули. Иногда кто-то малознакомый спрашивал, кто у нее, сынок или дочка, а потом краснел и извинялся, как будто спросил что-то неприличное. Почему-то всем казалось, что этим вопросом они причинили ей нестерпимую боль. Дети? Да у нее их целых двадцать! И мальчики, и девочки, и есть даже на нее похожие. И в каждом из них частичка ее души. И заходят выпускники, и, возможно, она куда раньше своей матери станет бабушкой, причем бабушкой-героиней. Пусть и не придется ей ежедневно вытираять носы своим многочисленным внукам.

Что за глупые стереотипы, почему женщина непременно должна реализоваться как мать? А если у нее другие таланты? Она хороший учитель. И она умеет любить, и ей довелось полюбить человека, который не может подарить ей ребенка. Можно сколько угодно давить на Него, ставить перед выбором, но суть-то от этого не меняется. Он не может оставить семью, а она не может без Него. Она принимает Его со всеми его достоинствами и недостатками, с его величием и никчемностью. Он для нее с большой буквы. Есть Он, а она, Тая, рядом. Параллельно. Со своей, несоприкасающейся с Ним жизнью, состоящей из двадцати ребятишек со смышенными глазенками, матери, томящейся своим одиночеством, и подруг, которые всегда с ней, стоит только снять телефонную трубку. И хорошо, что все они у нее есть, и можно переждать в этом замечательном обществе до встречи с Ним. Трудно только войти в пустой дом, а потом ничего, привыкаешь.

Зато когда Любимый звонил и назначал встречу, Таины глаза искрились счастьем, и солнечные зайчики рассыпались вокруг. Жизнь обретала смысл и завершенность. Если Тая заходила в магазин, незаметно даже для себя она покупала прежде всего то, что, по ее мнению, нужно любимому и даже если что-то лично для себя, все равно для Него. Кофе именно того сорта, какой Он любит. Диск с Его любимой музыкой. А кофточку для

себя, чтобы Ему понравиться. И Он приходил и чувствовал, что его ждут, погружался в любовь и абсолютное принятие, и уходил от Таи домой хотя и с сожалением, но наполненный любовью. Она угадывала и предвосхищала Его желания и всегда была рада его увидеть, а когда он был занят, терпеливо ждала. Вне орбиты Любимого самой Таи как бы и не существовало. Идеальная любовница.

- А он-то тебя любит? — спрашивали подруги.
- Ну, конечно, — удивлялась Тая. — А зачем тогда все?
- Тогда жена, наверное, догадывается, — недоумевали подруги, — не может же он остаться прежним.
- Он говорит, что я улучшаю его семейную жизнь, — доверчиво поделилась Тая с подругами. — Укрепляю брак. Любовь есть, а проблем нет.
- Это очень благородно с твоей стороны, — усмехнулась Оля.

Однако на этот раз Тая собрала подруг по поводу того, что в ней что-то кончилось. Любовь есть, и потребность видеть любимого не иссякла, но такая вдруг навалилась усталость и такая начала разрастаться внутри пустота... Тая поискала слова, чтобы объяснить, что с ней происходит, пошарила обреченно глазами, не спрятались ли эти самые слова в глазах подруг или, может быть, за их спинами, но ничего подходящего не нашла и заплакала. Эта разрастающаяся пустота еще долго не давала ей покоя, тем более, что подруги, как ни старались забросать эту пустоту словами, заполнить и дать толкового совета не сумели. Что ни говори, а Тае стало вдруг некомфортно и с Ним, и без Него. Если подруги на Него нападали, Таю кидалась защищать, а если уговаривали оставить все, как есть, до боли закусывала губы, стараясь снова не разреветься.

- Это кризис, — поставила, наконец, диагноз Оля.
- Кризис среднего возраста? — уточнила Эля.
- Да всего. Но прежде всего отношений, — рассудила Оля. — Прекратилось развитие, ты чего-то недополучаешь от них. Это тебе решать — что именно тебе нужно. Совершенно необязательно детей, семью или еще что-то. Каждому свое. В общем, либо отношения заболели и умрут, либо выздоровеют и будут развиваться дальше.

Тая завороженно слушала подруг, кивала и старалась вслушаться в себя, чего же хочет она? Но пустота внутри не отвечала. У Таи немножко кружилась голова... А ты поставь его перед выбором... А ты роди... Найди другого мужика... Клин клином вышибают... Тае казалось, что она согласна на все, только бы прекратить эту пытку.

— У него-то ведь все хорошо. Все есть. Ты никогда не задумывалась над этим? — напирала Эля. — Дом, семья, дети и ты впридачу. Для укрепления внутрисемейных отношений.

Тая кивнула.

— Ты его семью видела? Детей? Ну, хотя бы на карточке? — продолжала допрос Эля. Тая покачала плечами.

— Ну, тогда вживую посмотря. Знаешь, наверное, где он живет? — Эля смотрела Тае прямо в глаза. Тая снова покачала плечами.

— А то он так в тебе уверен, что мог бы и детей в твою школу определить. Для усиления качества воспитания. Ты же у нас Макаренко, — улыбнулась Оля.

До утра Тая горела, жарила на медленном огне, у нее пылали голова, руки, ноги, все мешало и не давало уснуть. Она сбрасывала одеяло, вставала и ходила по квартире, как раненый зверь. Пила воду, но жажда не утолялась, и Тая старалась пить понемногу, маленькими глотками, чтобы напиться. Рассвет она встретила у окна. Блеклое, невзрачное солнце лениво поднималось в сереньком тихом небе, освещая мерзлый мартовский снег. Семь утра, можно вызывать такси. Однажды Он показал Тае свой дом, они проезжали мимо. Тая не собиралась запоминать, однако запомнила. И сейчас сидела на заднем сиденье такси и смотрела, как семейство в полном составе садится к Нему в машину. Жена ничего себе, красивая. Молодая, моложе Таи на три года. Это Тая всегда знала. Однако у нее есть дети, мальчик и девочка. На кого они похожи? Вроде бы на Него? Или на нее? Издалека не разберешь, но тоже очень красивые. И веселые. Они все веселые. И Он, и жена, и дети. Им и невдомек, что у Таи внутри разрастается пустота. Счастливое семейство уехало.

— В школу, — сказала Тая водителю.

Усмехнулась. До чего докатилась! Прячусь, выслеживаю, высматриваю. Что хотела увидеть? Что все у Него хорошо? Но разве ей хотелось, чтобы у Него было все плохо? Что за дурацкая привычка думать, как там у Него? У нее-то от этого ничего не меняется. У нее все по-прежнему. Пустой дом. Но это вечером, а сейчас у нее двадцать ребятишек, которые ее очень ждут, смотрят ей в глаза и ловят каждое слово. Они тоже очень красивые. И веселые. И некоторые даже на нее похожи. Тая сосредоточилась и, наконец, улыбнулась:

— Здравствуйте, мои дорогие! Сегодня у нас праздник. Сегодня мы прощаемся с нашим любимым Букварем!

После работы Тая привычно выбрала длинный маршрут, чтобы погоды не ехать, потом вышла на остановку раньше, прошлась пешком и с сумерками вошла в свой пустой дом.

Кризис среднего возраста, усмехнулась она. У нее все не так уж и плохо. У них с девчонками вообще все хорошо. У Эли двое замечательных детей, младшая, Таечка, в ее первом классе. Так что они вдвойне родня, Таечка ей еще и крестница. И время от времени Эля подкидывает дочку Таиной маме, так что не без внуков она, пусть не жалуется. Муж у Эли, конечно, пьет, стервец, зато умница и талантливец, главный конструктор завода без него ни шагу. Так Эля говорит, потому что любит мужа. Так что Эля при любви и при детях.

У Оли тоже все замечательно. Правда, у ее мужа есть любовница, вездесущая Элька не первый год наблюдает, как он забирает эту красотку из ее салона. Но Оля предпочитает об этом не говорить. У мужа с ее отцом общий бизнес, и делить его им крайне неудобно. Поэтому у Оли

тоже все хорошо. Она так красиво говорит о любви, что хочется ее слушать и слушать.

И у нее, Таи, ничего особенного не случилось. Ведь Он не видел, как она следила за ним из такси. А значит, она снова может ждать Его звонка... и слышать Его голос... и смотреть в Его глаза... Все сложилось, как сложилось. Есть Он, и она, Тая, рядом. А пустота обмякла, не давит больше. Еще немного, и рассосется совсем. А эта истерика... С кем не случается? Это просто кризис среднего возраста. Подведение итогов. Ну, подвела... И можно жить дальше...

ТОТ, КОГО СТОИТ ЖДАТЬ

«Ты — чужой. Я тебя совсем не знаю. Выдумала когда-то в детстве, но до конца не домыслила твой образ, потому что вмешался ты реальный, в чем-то с моей выдумкой не совпадающий, но притягательный своей похожестью и непохожестью. Я даже не знаю, люблю ли я тебя. Просто очень скучаю и все время жду, когда приедешь». Зоя отправила письмо и провела свой абонентский ящик — пусто. До дома было больше часа езды. Зоя специально завела абонентский ящик в другом районе, подальше от дома, чтобы подумать в дороге, отодвинуть хоть немножко эту чужую жизнь, которую она для себя выдумала, и прийти в семью спокойной и размеренной, без внутреннего раздира.

Муж был абсолютно родной, свой собственный. Принадлежал дому, в который Зоя каждый день возвращалась. И если бы вдруг исчез, дом опустел бы. И когда Зоя приходила поздно и видела темные окна, она беспокойно бежала к подъезду и бегом же поднималась на свой пятый этаж, спотыкалась в коридоре о ботинки мужа, радостно чертыхалась шепотом, раздевалась на ходу, юркала в постель и блаженно упльывала в сон, прижимаясь к мужиной спине. Все хорошо, дом не разграблен. Семья — как родина, крепость на берегу, и есть куда плыть.

- Давай разведемся, что ли? — говорил иногда муж.
- Зачем? — удивлялась Зоя. — Хорошо ведь все?
- Надоело это болото, — жаловался муж.
- А потом? — не понимала Зоя.
- Ну, может, новое что-нибудь будет. Свежая струя, — откровенничал муж.

Однако Зою все устраивало. Ну, почти все, чего-то важного все-таки не хватало. Она десять лет учила мужа называть себя Зайкой. Зоя свое имя не любила, находила созвучие с занудством и зубной болью. Но муж Зайкой ее не называл, и никто не называл, что странно. В кино и книгах — одна сплошная любовь и красивые слова, а в жизни красивых слов не хватало. И поступков тоже.

Сын был точной копией мужа.

— Мне скучно, — говорил он, и в глазах стояла такая тоска, как будто ничего замечательного в его жизни не было и уже не будет, и сам факт рождения был досадной ошибкой.

- Займись чем-нибудь, — советовала Зоя сыну.
- Чем? — недоумевал мальчик.
- Делом, — подсказывала мать.
- Я еще маленький, — сыну было десять лет.

— Мужчина должен заниматься делом, даже маленький, тогда ему будет интересно жить, — объясняла мать. — Рисовать, выпиливать лобзиком, играть в хоккей, читать про пиратов — все серьезно, с полной отдачей. Иначе вырастешь не мужчиной, а стрекозой или трутнем.

— Стрекозой? — удивлялся сын.

— Попрыгунья стрекоза лето красное пропела... — напоминала Зоя.

Сын задумывался, сдвигал бровки. Нежность подкатывала к сердцу Зои: ее малыш трудится, решает взрослую задачу.

Дочь росла ни на кого не похожей, она никогда не скучала. Ничего не делала и при этом не скучала. Внутренняя наполненность при абсолютной замкнутости ребенка пугала Зою. Дочь ни о чем не спрашивала и сказки перед сном тоже читала самостоятельно.

— О чём всегда думает ваша девочка? Она все время отвлекается на уроках, — спрашивала Зою учительница.

— Наверное, о чём-то важном. И потом, у нее нет плохих оценок, — защищала Зоя дочку. Вера училась во втором классе, но Зоя никогда не проверяла у нее домашние задания, в этом не было необходимости, просто расписывалась в дневнике по субботам и ходила на родительские собрания в школу. В то время как с сыном она делала все уроки ежедневно, потому что у Артемки всегда что-нибудь не получалось. Дочь на собраниях никогда не хвалили, хотя и не ругали. Зое казалось, что учительница про нее просто забывает.

— А как Вера? — подходила после собрания Зоя к учителю.

— Вера хорошая девочка, — успокаивала Зою учительница. Но Зоя не уходила, чего-то ждала.

— Но она как бы отсутствует на уроках, — жаловалась учительница.

— А на переменах? — с надеждой спрашивала Зоя.

— Разговаривает с девочками, — вспоминала учительница.

Зоя облегченно вздыхала. На уроках молчит, на переменах разговаривает — все не так уж плохо.

В выходные ходили в гости к свекрови. Свекровь звали Викторией, в переводе с латинского — Победительница, и она с точностью соответствовала своему имени: большая, шумная, радостная, она заполняла своей энергией все вокруг, так что становилось немножко тесно и хотелось освободиться, выйти на воздух.

— Надо было Викой назвать внучку, как меня, — сетовала Виктория, неодобрительно посматривая на девочку, замершую с куклой в руках, — была бы земная, настоящая, а то ходит какая-то потусторонняя. Вера — во что вера? Непонятно.

— Но ведь назвали уже, что теперь об этом говорить, — хмурилась Зоя.

— Я заказала путевки на июль, поедем все вместе на море, я научу Артемку плавать, — Виктория потрепала светлые кольца волос у внука, усевшегося с бутербродом у телевизора. — Иди погуляй, подыши свежим воздухом. Бледный какой. И хватит есть — мальчику нельзя быть таким толстым.

Свекровь недовольно посмотрела на Зою:

— Почему ты не следишь, как питаются твои дети? Артем только что из-за стола — и уже с бутербродом. Вот поедем на море — и увидите, он не съест ни одного бутерброда! Только фрукты и мясо — настоящая мужская еда.

Свекровь уже несколько лет собиралась всей семьей на море, но поездка всякий раз откладывалась на неопределенное время, потому что она не могла позволить себе оставить фирму без присмотра. Виктория была хозяйкой клининговой компании, в которой сын работал заместителем директора по персоналу, ему она тоже не разрешала уйти в отпуск.

— Миша, эта Леночка слишком часто пьет с тобой чай. Чаепития в рабочее время недопустимы, во всяком случае, такие частые. И не затягивай переговоры с французами, сейчас важно зацепиться.

Зоя посмотрела на мужа: может быть, эта Леночка и есть свежая струя, о которой муж так мечтает? Но свекровь, конечно, не допустит, чтобы Леночка со своим чаем задержалась в жизни сына, она и Зою-то приняла как неоспоримый свершившийся факт, потому что должен был родиться Артемка. А когда родился — влюбилась во внука, который повторил сына пастушковой прелестью льняных волос и небесных глаз, нежной задумчивостью и покладистостью.

Муж сидел с брезгливым выражением лица, он устал от мелочной материнской опеки. В самом деле, почему он не может попить с Леночкой чай и провести переговоры с французами по своему разумению, не позволить им навязать невыгодные фирме условия? А впрочем, надоело, бросить бы все и уехать, не на море, а куда-нибудь далеко, стать хозяином своей жизни, самому научить сына плавать.

У лифта Зоя встретилась с соседом.

— Тебе куда? Давай подвезу, — сосед смотрел на нее с удовольствием, Зоя ему нравилась, ему все нравились.

— Мне недалеко и не по пути, — отказалась Зоя.

— Давай вечером встречу, заедем куда-нибудь, — сосед был красивым, но это было неважно. Важно было что-то другое, чего в нем не было.

— Не хочу, — отказывалась Зоя.

— Почему? — удивлялся сосед, он не привык, что ему отказывают.

— Тепло из дома уйдет, — серьезно ответила Зоя, хотя сосед не стоил серьезного ответа, даже не ожидал и снова удивился.

«Почему ты не приезжаешь просто так? А если не будет больше командировок к нам, так и не приедешь? Я жду, жду... Каждый день хожу на почту и на вокзал — а вдруг ты приедешь сюрпризом? Знаешь, я все делаю для тебя. Я для тебя просыпаюсь, умываюсь и завтракаю. Если бы тебя не было, я просто не проснулась бы — и все. Или проснулась — но не смогла встать, так и лежала бы, не шевелясь. Поэтому ты будь, пожалуйста. И приезжай, потому что мне все чаще кажется, что я тебя выдумала. Мне обязательно нужно увидеть твои глаза, пройти рядом и вдохнуть твой запах. Даже если ты никогда не подойдешь ко мне — хотя бы пройди мимо, но рядом, чтобы я увидела, что ты существуешь». Абонентский ящик был привычно пустым, Зоя изумилась бы, если бы нашла там письмо. Ездить на вокзал встречать поезд стало для нее такой же потребностью, как писать письма. Зачем? Она не смогла бы ответить на этот вопрос. Зоя не

собиралась ничего менять в своей жизни и тем более вторгаться в чужую, однако писала и ездила на вокзал.

— А почему ты со мной никогда не полежишь, как с Артемкой? — дочь уставила на Зою свои черные глаза, и под этим взглядом матери было неуютно.

— Ну, давай полежим, сказку почтаем, — осторожно ответила Зоя.

— Нет, ты со мной придумывай, как с ним, — потребовала девочка.

— Что придумывать? — удивилась Зоя.

— Как мы едем на велосипеде, — серьезно ответила Вера.

— Ах, вот что, — облегченно засмеялась Зоя. Недавно они с Артемкой мечтали, как поедут на велосипеде куда глаза глядят и попадут в сказку. Они крутили ногами воображаемые педали, жали воображаемый звонок, уступали дорогу сказочным гномам и великанам. Вера все слышала, но не присоединилась к ним, они и не звали. Зое стало жалко дочку. Артемка всем понятен и всеми любим. Его любят отец и мать, обожает бабка, в школе все с ним дружат, потому что он с удовольствием всем помогает и сам принимает помочь с благодарностью. А Вера все одна и одна, и о чем таком она может разговаривать с девочками — даже представить трудно. Во всяком случае, когда дочка заболела и одноклассницы пришли к ней, чтобы объяснить новый материал, Вера записала, что задано на дом и сказала:

— Я сама во всем разберусь. — Она любила до всего доходить своим умом, и чужие путанные объяснения ей были ни к чему.

Зоя привыкла, что дочери хорошо наедине с собой и не лезла к ней с нежностями и опекой. Однако не все было так просто, девочка ревновала ее к Артему, но участвовать в общих играх не умела, ей надо было индивидуальное внимание.

— Поехали, — Зоя осторожно обняла дочку.

— Мы поедем в Артемкину сказку? — Вера внимательно смотрела на мать.

— Мы поедем в Верину сказку, — вздохнула Зоя. — Я еще не знаю, какая она, мы ее вместе придумаем.

«Я придумываю себе город, в котором ты живешь. Он удивительный и высокий, как ты. Там дома-великаны и просторные улицы, потому что у тебя не может быть ничего маленького. Высокие деревья с густой зеленью и диковинные птицы. Если бы ты знал, как мне хочется пройти рядом с тобой по твоему городу! И даже если он окажется другим, чем я его придумала, я его все равно полюблю, я люблю его заранее, заочно, потому что он твой.

Знаешь, я тебя совсем-совсем не знаю, и я поверила бы, что я тебя выдумала, если бы не твое Дело. Абсолютно реальное, настоящее, мужское, в которое ты вкладываешь свою жизнь. Его не было бы, если бы не было тебя. Оно нужно тебе не для того, чтобы заработать деньги, а просто потому, что не можешь без этого жить. Ты называешь это Призванием. Если бы у тебя не было Призыва, я бы тебя не заметила. Без Призыва у тебя не

было бы Твоих глаз и Твоих рук, и Твоего голоса. Именно оно делает Тебя Тобой. И странно, что я так уверена, что ты получаешь мои письма. Ведь ты был до меня — именно таким, каким я тебя увидела. Абсолютно цельным и самодостаточным. А вот я уверена, что тебе нужны мои письма и то, что я каждый день встречаю твой поезд. И я знаю, что когда-нибудь ты приедешь и заберешь меня с собой — не навсегда, а чтобы показать мне свой город. И мы пройдем по нему рядом, держась за руки. А потом я буду снова ждать тебя — потому что ты Тот, кого стоит ждать».

— Что-то ты квеляя какая-то стала, — привычно сопререживал сосед.

— Весна,avitaminоз, — объяснила Зоя, хотя сосед не стоил ее объяснений.

— Найди себе сильного мужчину — повеселеешь, — лез сосед с ненужными советами.

— А у меня есть, — серьезно, как всегда, ответила Зоя. — Миша сильный, просто он не знает об этом.

Сосед удивленно посмотрел Зое вслед, ее серьезность пугала. Пожалуй, не стоит больше предлагать ее подвезти, тем более, что она ни разу не согласилась. Не дай бог, однажды согласится...

— Я запишу Артема в бассейн, нужно научить его плавать, — сказала мужу Зоя.

— Это весной-то? Скоро на море поедем, там научится плавать, — возразил муж.

— Я запишу, — заупрямилась Зоя. — А ты, если хочешь — ходи вместе с ним.

— Когда мне, — нахмурился муж, — работа никогда не кончается.

— А тебе интересно? — спросила Зоя.

— Что может быть интересного в клининговой компании? — усмехнулся муж.

— А ты хотел бы заниматься чем-то другим, что тебе интересно? — Зоя внимательно смотрела на мужа.

— Может, и хотел бы, — нахмурился муж, — только это не так просто, как кажется. Все бросить, начинать заново.

— Куда проще развестись и искать свежую струю — все-таки что-то новое? — горько усмехнулась Зоя, вытерла ладошкой слезы.

Свекровь расширяла дело, открывала филиал в районном городке.

— Займись филиалом, — предложила она Зое. — Жалко отдавать в чужие руки.

— Отдайте Мише, — отказалась Зоя.

— Миша нужен мне здесь, — возразила свекровь.

— Миша нужен, а я не нужна, — изумилась Зоя, хотя чего удивляться: сын роднее, и свекрови неосознанно хотелось иметь сына рядом, а невестку отослать подальше. Хотя правильнее было бы отослать именно Мишу, хотя бы от Леночки с ее продолжительными беседами за чаем. Свекровь подумала и согласилась. Миша стал работать и уставать еще больше, возвраща-

щался домой поздно, но при этом повеселел. Работа с людьми его утомляла, а дорога лечила, может быть, его призвание — быть шофером. Но вернее всего, ему хотелось оторваться от матери, принимать самому решения, и хотя мать по-прежнему старалась все контролировать, возможности для самостоятельной работы стало больше.

«Я по газетам слежу, как растет и набирает обороты твое Дело. Вижу твои фотографии и радуюсь за тебя. Ты стал знаменитым — потому что Твое Дело нужно людям. Всем людям. А мне по-прежнему нужны твои глаза и твой голос. И я знаю, что скоро ты приедешь и скажешь, что тебе все это удалось, потому что ты читал мои письма и знал, что я каждый день встречаю твой поезд. Я очень самоуверенная, да? Я такая. Ведь мысль материальна, а значит, не исчезает бесследно, тем более, если она написана на бумаге и летит к тебе на другой конец страны».

СОМНЕВАЮСЬ

— Вот такие цветы мне на могилке посадишь, — остановилась мать перед чьей-то ухоженной могилой с яркими бархатками. — И приходила чтобы, не забрасывай могилу-то.

Мать сердито пошла по кладбищу к выходу, как будто Нина уже забросила ее могилу или была наперед уверена, что забросит. Нина торопливо кивнула бабушке, сердито поджавшей губы на фотографии на памятнике, и поспешила вслед за матерью. Мать умирать пока не собиралась, но на всякий случай договаривалась с дочерью, как та будет жить и что делать, когда останется без матери. Она поручала ей дачу, могилу и отца. Семья самой Нины, видимо, первостепенной важности не имела и отступала на второй план. Нина слушала, кивала, заранее содрогаясь от ответственности и практической невозможности выполнить порученное. Она сомневалась, что справится с дачей, и вряд ли найдет общий язык с пьющим отцом.

Нина относила себя к сомневающемуся типу личности. Какие вообще есть типы в психологии, она не знала, но при этом была уверена, что она — сомневающийся. Хотя слово «уверена» к ней подходило меньше всего. Так, если бы ей, например, предъявили обвинение в воровстве или убийстве, она бы старательно и поминутно вспоминала тот день, когда кого-то обокрали или убили, чтобы исключить даже самую возможность подозревать себя. И все-таки не убедила бы себя в том, что ненароком не убила и не обокрала, а потом забыла об этом. И когда Виталик признался, что любит ее, ответила:

— Не беспокойся, это пройдет.

— Не пройдет, — упрямко мотнул головой Виталик.

И тогда Нина внимательно на него посмотрела, а Виталик радостно встретил ее взгляд. Эта встреча их взглядов и решила дело. Нина вышла за Виталика, так и не оторвав от него удивленных глаз, подробно вбирая в себя его всего и как бы не переставая изумляться: неужели и ее можно любить долго и преданно, а вовсе не по ошибке, случайно приняв за другую.

— Женушка моя, — нежно говорил ей Виталик.

— Просто ты обеспечил себе надежный тыл, — не верила Нина. Муж в Нинином понимании был шикарным, и в глубине души она считала себя недостойной его.

Виталик преподавал психологию на Нинином дошкольном отделении пединститута. Молодой красивый преподаватель вызывал неподдельный интерес у студенток, которые не столько слушали на его лекциях, сколько перешептывались и переглядывались, задавали не относящиеся к предмету вопросы, типа, «есть ли у вас дама сердца» и «что вы будете делать сегодня вечером»? Нина никаких вопросов не задавала и, похоже, вообще его не слушала, потому что считала, что у детсадовцев психология самая простая: если ребенок балуется, его нужно поставить в

угол, а если плачет — взять на руки и успокоить. На практике в детском саду Нина познакомилась с воспитательницей безо всякого образования. Потому что заведующая обратила внимание, что малыши ходят за ней хвостиком и смотрят в рот широко распахнутыми глазами — и перевела из нянечек в воспитательницы. Талант, которому ни в каком образовательном учреждении не научат. Правда, зовут дети свою любимую воспитательницу не по имени-отчеству, а няня Тоня, так им роднее и легче выговаривать, чем Антонина Илларионовна. Детей нужно просто любить, думала Нина, имей ты хоть докторскую степень, но если дети тебя раздражают — слушаться ни за что не будут, потому что ни сюсюканьем, ни показной строгостью их не обмануть. Дети остро чувствуют, если их не любят. На практике у Нины были брат с сестрой, близнецы со свинячьими мордочками, которые много ели, и, может быть, именно этим напоминали ей пороссят. Всех детей приходилось докармливать, и все-таки тарелки оставались почти нетронутыми, а эти съедали все, быстро и жадно. Нина их невзлюбила. Старалась никак это не показывать, но близнецы поняли и не слушались Нину, хулиганили и жаловались матери, что Нина Атонана (дети не выговаривали Антоновна, но называть себя няней Ниной она не позволила) на них «кичит» и «бьет». Хотя Нина ни разу не позволила себе даже поругать близнецов именно потому, что не любила их. Дети чувствуют отношение, а не то, как ты себя с ними ведешь.

Полюбить того, кто тебе не нравится, никакая психология не научит, думала Нина и считала предмет Виталика необязательным. На экзамене она ловко достала шпаргалку и ответила на вопросы билета, а дополнительно Виталик задавал вопросы, к предмету не относящиеся, типа, «что вы будете делать сегодня вечером». Нина посчитала, что на этот вопрос отвечать не нужно. Виталик заметил, что девушка не проявила ответного интереса к нему. Она вообще вела себя нелогично. Сидела в первом ряду аудитории, предназначенному для того, чтобы внимательно слушать преподавателя или хотя бы строить ему глазки, однако созерцала исключительно свой внутренний мир, вероятно, глубокий и достойный изучения, но все-таки равнодущие Нины задело Виталика. На практических занятиях Нина отвечала уверенно, хотя и в рамках учебника, по мнению Виталика, на «удовлетворительно». Однако его это не удовлетворяло, он пытался втянуть Нину в дискуссии о психологии дошкольника, приводил в пример ситуации, взятые из литературы, а не из жизни, а потому скучные. Когда Нина отказалась писать диплом по психологии, Виталик признался, что любит ее. Нина не поверила:

— Не беспокойся, это пройдет.

— Не пройдет, — отчаянно ответил Виталик и позвал ее замуж. И тогда Нина внимательно на него посмотрела и заметила, какое это увлекательное занятие — смотреть на человека, который тебя любит. Встречать заинтересованный взгляд, идущую навстречу руку, замечать подстраивающийся под твой шаг. Нина вышла за Виталика и с удовольствием переехала к нему от своей мамы. Виталик Нининой маме понравился, она даже не ожидала, что Нина такого хорошего и красивого найдет. Это было

нелогично, потому что мама Нину очень любила, но именно по этой причине видела в ней множество недостатков, которые посторонний человек не замечал. В детстве у мамы были к Нине завышенные требования, которые Нина не оправдала, а потом мама от нее уже ничего хорошего не ждала. А тут вдруг качественный муж, еще и преподаватель.

Однако Виталик тоже жил с мамой, которая отличалась от Нининой тем, что Нину не любила, а любила Виталика, и тоже нашла в Нине множество недостатков.

— Косорылую какую-то привел, — безапелляционно заявила она подруге по телефону, нисколько не заботясь о том, что Нина ее слышит. Видимо, мама Виталика не интересовалась не только психологией, которой занимался ее сын, но даже простая вежливость, заключавшаяся в отсутствии раздражения по отношению к людям, была ей недоступна. А вернее всего, она восприняла Нину как соперницу, потому что не могла не заметить, что сын жену любит, ну, а в устраниении соперницы все средства хороши. Мама Виталика была на пенсии, свободного времени у нее было много, целые сутки, и все их она посвящала тому, чтобы жить жизнью сына. Рано утром она готовила полноценный завтрак: тертая морковка, геркулесовая каша, чай с лимоном и булочка с джемом собственного изготовления. Потом уборка, всякий раз генеральная, с щеточным перетиранием книг на столе сына. На обед щи, густые, настойянные, с большим куском мяса, витаминные салатики, всякий раз новые, рецепты которых она неустанно высматривала у подруг, и рыба на второе, обязательно морская, потому что подруга ей сказала, что морская рыба полезна для «умственной деятельности», а в речной «одни паразиты». Виталик обязан был явиться к обеду домой, независимо оттого, удобно это ему или нет. После обеда мать отправлялась на рынок за продуктами, раскладывала их в холодильнике, планировала меню на завтрашний день. А на ужин готовила кашу на воде с отварной курицей и травяной чай. Как в санатории: после такого ужина не чувствуешь тяжести в желудке и не закусываешь мезимом. Сплошная польза плюс удовольствие оттого, что о тебе заботятся. Ужинать сын тоже обязан был дома. Как он ухитрился жениться, уму непостижимо.

Однако Виталик женился и привел жену домой. Мать привыкла готовить на двоих — для себя и Виталика. Нина, по ее мнению, вполне могла пообедать в садике. Виталикставил на стол тарелку для жены и делил свою порцию пополам. Нина терялась от такого явного неприятия свекровью. Она, как ее дошкольята, остро чувствовала нелюбовь к себе, тем более, что ее даже не пытались скрывать.

— Может, и вправду косорылая? — мучительно всматривалась она в зеркало.

Нина чутко реагировала на красоту других женщин и примеряла ее к себе. Ей нравились высокие и стройные девушки, уверенные в своей неотразимости и словно забывшие о том, как они прекрасны, вроде им и дела не было до своей красоты. Когда Нина представляла себя на месте понравившейся ей девушки, она чувствовала внутренний прилив сил и такую радость, как будто каждая клеточка в ней пела: я — красавица. Нина с

удовольствием останавливалась взгляд и на невысоких, тоненьких, похожих на подростков девушках с узкими бедрами и неразвитой грудью, думала: вот это — я, и от свет ребячливости ложился на ее лицо, она улыбалась солнцу, небу, деревьям, девушке с фигурой подростка, которая вызвала у нее эту ассоциацию. Нина влюблена смотрела на пышущих здоровьем полногрудых толстушек с глубоким декольте и представляла себе, что это она такая аппетитная, это на ее грудь заглядывают мужчины, и шла уверенным шагом, покачивая бедрами, распрямив плечи и выпятив вперед свои худенькие груди, как будто они не меньше третьего размера и там есть на что посмотреть.

Своя собственная фигура не вызывала у Нины никаких определенных ощущений, она считала себя нормальной, но не восхищалась собой. Однажды в подростковом возрасте в каком-то особенно хорошем настроении она улыбнулась себе, глядя в зеркало, и доверчиво спросила маму:

- Я красивая?
- Что это ты вдруг? Что за красивая? — проворчала мать.
- Ну, брови вот красивые... — растерялась Нина, с сомнением глядя уже и на свои ровненькие темные бровки.
- Ну, разве что брови, — мама нахмурилась. — У нас в роду красавиц не было. Зато были хорошие хозяйки.

Нина тоже нахмурилась. Действительно, не красавица, вздохнула она. С этим и жила.

— Просто он обеспечил себе надежный тыл, чтобы у жены соблазнов не было, — думала Нина про мужа, — а сам ходит, улыбается своим студенткам.

— Ну, и пусть улыбается, — отвечала самой себе, пожимая плечами. — Хорошо быть среди красоты. Выбрал-то он меня, значит, у меня есть другие достоинства. Я, правда, не знаю, какие. Может быть, он надеется, что я хорошая хозяйка.

Но мама Виталика вряд ли даст Нине проявить свои скрытые таланты. Она прочно заняла место у плиты и без боя его не уступит. Впрочем, Нина воевать не собиралась. Она была не способна не только что-либо у свекрови отвоевывать, а вообще теряла при ней дар речи. Свекровь, кстати, звали Ксенией Константиновной. Но даже если бы она разрешила называть себя няней Ксюшей, Нина, парализованная ненавистью свекрови, не сумела бы выговорить ее имя. И войти в дом без мужа тоже не решилась бы. Виталик каждый вечер шел за ней в садик, забирал свою Нину из ее ясельной группы и вел домой.

— Что же мне с вами обеими делать? — Виталик вытер жене нос. Нина потянула его за рукав:

- Давай помедленней пойдем.

Снять квартиру почему-то не приходило ему в голову, впрочем, Нине тоже. Свекровь не может без сына, значит, это свято и не обсуждается. А Нина приспособится как-нибудь. Просто вот сейчас хочется пойти помедленней, побывать с мужем наедине. На людной улице было более уединенно, чем в соседней со свекровью комнате, где Нина разговаривала шепотом и боялась скрипнуть кроватью.

Вскоре Виталик уехал на курсы в Москву, а Нина с работы поехала к своей маме. Мама решила отвлечь ее от грустных дум и взяла с собой на кладбище в родительскую субботу. Бабушка с фотографии на памятнике смотрела неприветливо.

— И всегда тебе угодить было трудно, — сказала бабушке мама, — даже фотографию, где бы ты улыбалась, я не смогла найти для памятника. Внучка, видишь, ушла от мужа. Ну, и фиг с ними, с профессорами этими, без них проживем.

Мама положила на могилку пироги:

— По твоему рецепту, с творогом, как ты любишь.

Нине показалось, что взгляд бабушки немного смягчился. Через неделю приедет Виталик, и нужно будет вернуться к нему, снова разговаривать шепотом и есть на работе впрок. Или не нужно? На залитом солнцем кладбище не хотелось ни о чем думать.

— Отца-то не бросай, — мать сердито покосилась на Нину. — Вот представляешь, умру — найдет какую-нибудь — и пить перестанет.

— Не переживай, — усмехнулась Нина, — так с рюмкой и померт.

Нине не пришлось принимать решения возвращаться или не возвращаться к Виталику, потому что, приехав из Москвы, он не пришел за ней на работу.

— Значит, не любил, — размышляла Нина. — Если бы любил — защитил бы от матери.

— То есть как это — защитил? — возражала она самой себе. — С матерью воевал бы?

Нине очень хотелось найти для мужа оправдание, причину, по которой он не мог в данный момент прийти к ней. Хотелось ли ей жить в доме свекрови, она себя больше не спрашивала. Главное, чтобы Виталик был рядом. Сейчас муж казался самым желанным и нужным на свете, хотя еще совсем недавно Нине хотелось только покоя.

Что бы Нина ни делала, ей казалось, что вот сейчас зазвонит телефон. А когда уходила с работы, надеялась, что за воротами садика ее ждет Виталик. Нина подходила к телефону и молча, серьезно смотрела на него. Останавливалась у калитки детского сада и переводила дух, и глазам было больно оттого, что она всматривалась в пустоту, на месте которой должен был стоять Виталик.

Дети чувствовали смятенье Нины и играли тише, а в сончас засыпали быстрее обычного. Правда, иногда вдруг уставали от Нининой неулыбчивости и капризничали, просились к маме. Нина успокаивала их отстраненно, занятая своими мыслями, которые все ходили и ходили по кругу и совершиенно ее вымотали.

Ей хотелось хоть какой-то ясности, и в то же время она боялась ее. Ведь если бы Виталик пошел на поводу у матери и решил с ней, Ниной, расстаться, уж наверное сказал бы ей об этом. Раз не сказал — значит, никакого решения не принял, вот только он придумает — как, и они снова будут вместе. Можно, конечно, ему позвонить, но что такое телефонный зво-

нок для человека, который не принял никакого решения? Вдруг она его подтолкнет этим звонком к расставанию? Ведь он, конечно, тоже устал от семейных неурядиц. Можно прийти в институт и посмотреть ему в глаза, но что она там увидит? Нина сомневалась. Так хоть какая-то надежда. Вспоминала, как хорошо, как тепло ей было под его взглядом. А теперь он не приходит к ней и не смотрит на нее, как раньше. Был — и нету. Где ты, Виталик, ау? Разве так бывает?

Нина все думала и думала, и сомневалась. Пытаясь сосредоточиться на работе, брала домой конспекты занятий, но все валилось у нее из рук. Казалось, что эта неопределенность отнимает у нее силы. Знала бы она правду, приняла ее и начала жить заново. А может быть, наоборот, только это незнание и позволяет ей жить ожиданием. Вдруг эта самая правда окажется такой страшной, что Нина упадет и больше не сможет пошевелиться. И Нина медлила с решением, она сроднилась со своим ожиданием, и оно уже не было таким тягостным, как поначалу. Человек ко всему привыкает, думала Нина, ждали же женщины мужей с войны.

Мать была человеком действия. Виталик не оправдал ее надежд и как бы перестал для нее существовать. Значит, ему нужно найти замену, причем более качественную. Она спрашивала подруг и нашла хорошего человека. Он встретил Нину у ворот садика, вместо Виталика, и проводил до дома. Рассказал, что живет вместе с мамой, отношения у них замечательные, с зарплаты он собирается купить ей домашний халат. Опять мама, внутренне содрогнулась Нина.

- Ну, как тебе Славик? — поинтересовалась у Нины мать.
- Собирается купить маме халат, — вяло ответила Нина.
- Небогатый, зато человек хороший, — с энтузиазмом отреагировала мать.
- Что ты хочешь-то? Все принципы уже разобраны.
- Не что, а кого, — заметила Нина.

Славик встречал ее у ворот садика и как бы занимал место Виталика. У Нины вдруг забрезжила слабая надежда, что как только Славик исчезнет, Виталик сразу и появится. Но она не знала, как об этом сказать, чтобы Славика не обидеть. Тот провожал ее до дома, иногда делал попытки пригласить куда-нибудь, но Нина всякий раз отказывалась. Славик видел, что Нина не проявляет к нему никакого интереса, но это не цепляло его. Женщина была какой-то вымороченной, отсутствующей, без внутреннего света. Славику стало скучно, и он исчез.

Нина встрепенулась и стала ждать Виталика с новой силой. Чтобы было не так тоскливо, связала ему свитер. Подумала, что надо бы научиться готовить здоровую пищу, к которой приучила Виталика Ксения Константиновна, и отправилась на рынок за продуктами, встретила там свекровь, молча взяла у нее из рук сумку и пошла рядом. Дома Ксения Константиновна пропустила Нину вперед и прошла за ней на кухню. Удивленно на нее посматривая, раскладывала продукты в холодильнике. Нина положила курицу в кастрюлю и поставила на огонь. Достала чашки и налила чай себе и Ксении Константиновне. Выпила чай и подошла к окну. И увидела мужа.

Виталик шел усталой походкой, и Нина подумала, что, возможно, он все эти долгие месяцы ждал ее так же, как и она его, и не понимал, что происходит, и мысли его так же кружили и путались, как у нее. Когда Виталик вошел в подъезд, она повернулась к двери и замерла, и те минуты, что он поднимался по лестнице, показались ей вечностью. Она шагнула навстречу его радостно взметнувшемуся взгляду, увидела его лицо рядом со своим и заметила, какое это увлекательное занятие — смотреть на человека, который тебя любит. Наверное, Виталик тоже относится к сомневающемуся типу личности, если он сумел так долго ее не видеть, подумала Нина.

ПОМИНКИ

Отец расставлял рюмки. Он был так поглощен этим занятием, вернее, предвкушением предстоящей выпивки, что было неприятно на него смотреть. Как будто это были не поминки, а рядовая попойка. Впрочем, ему давно уже было все равно, с кем пить и по какому поводу. Главное, процесс. Поэтому он сам достал рюмки из шкафчика и поставил на стол в саду под раскидистой яблоней, помог. Надя отвела от отца взгляд, вымыла яблоки и положила в вазу. Помыла огурцы и помидоры, прямо с грядки, что гораздо вкуснее, чем с рынка. Детей посадили отдельно за маленький столик. От щей и гороха они отказались, и Надя принесла им гречневую кашу и пироги с компотом.

— Конфеты хочу, — заканючил Ванечка, отодвинув тарелку с кашей.

— Давай за маму ложечку, — села Надя с детьми, а сама прислушивалась, когда же за большим столом заговорят про деда. Она, собственно, за этим и приехала, послушать, как о нем говорят, и всем от этих разговоров тепло и весело. И ей тоже становилось тепло и весело, и Надя радостно посматривала на родных, хотя сама в разговоре участия не принимала, она вообще была молчаливой.

Отец обычно ставил бутылку рядом с собой и быстро напивался. Однажды даже пустился в пляс на дедовых поминках. Все тогда онемели от возмущения и на мать смотрели с осуждением и жалостью, а на отца не смотрели совсем, его вообще никогда не замечали. И тогда он выкидывал какой-нибудь фортель, чтобы обратить на себя внимание. А может быть, просто жил в своем собственном мире по своим незамысловатым правилам: хотел напиться до потери сознания — и напивался, и плевать он хотел на всех с их уважением. Он так и сказал:

— Плевать я хотел на ваше уважение! — и плонул, а потом пустился в пляс, а потом упал и потерял сознание, и пришлось возиться с ним и вызывать скорую. Так что внимание к себе он все-таки привлек, оттянул внимание от деда на себя. Но мама все равно брала отца с собой на поминки, она всегда брала его с собой, если шла куда-нибудь по делам или в гости, чтобы он был под присмотром и не имел возможности напиться. Поэтому постепенно в гости ее приглашать перестали, а возможность выпить отец всегда находил.

За столом под яблоней говорили о чем-то постороннем, деда не вспоминали. Дом старый, пора менять пол и окна, лучше на пластиковые, чтобы не красить потом. Дед весной выставлял зимние рамы, бабушка мыла окна, и даже это простое действие казалось Наде волшебным. Волшебным был двор с важно разгуливающими по нему курами, корова, тревожно посматривающая на Надю, пока бабушка доила ее, и звонко бьющие о ведро струи молока, сказочными были пороссята, просовывающие в отверстия загона влажные пятаки, когда Надя кормила их мелкими яблочками, и сад с усыпанной ягодами вишней, которые Надя прямо с дерева ела до темноты.

в глазах. Но главным волшебником был дед, вечно занятый неторопливой работой во дворе, так что всегда можно было пристроиться рядом с ним и помогать мыть картошку, чтобы варить скотине, или носить дрова в сарай, или еще что-нибудь, но это было дело на двоих, и как-то так получалось, что у него всегда для нее, Нади, есть время. Можно было работать молча или говорить о чем-то несущественном, сейчас Надя не могла вспомнить, о чем они с дедом разговаривали, но ощущение радости от общения с ним осталось, и теперь ей казалось, что она всю жизнь ищет человека, рядом с которым ей было бы так же уютно и надежно, как с дедом, но не находит. Может быть, поэтому все двоюродные сестры приехали сюда с семьями, а она до сих пор одна.

Дедову улицу не узнать: двухэтажные особняки теснят старенькие домишкы, новые хозяева скупают землю, и прежних соседей почти не остались. Мама и тетки дом деда не продали и не стали его перестраивать, может быть, потому что дом общий, все приезжают сюда на выходные и в отпуск, хозяев много — три сестры, и руки ни у кого не доходят, и вкладываться никто не хочет. Вот и сейчас поговорят про окна и оставят, как есть. А может быть, мама поднажмет на сестер и все сложатся, и дяди с зятьями засучат рукава и заменят окна и полы. А мама будет руководить, а отец болтаться между ними, как будто он тоже при деле.

Мальчишки взяли по пирожку с яблоками и убежали на улицу, а Надя распустила пятилетней Маше тоненькие косички и принялась переплетать. Думала: возьму и рожу для себя, будет у меня такая же маленькая кукла, своя собственная, захочу — заплету, захочу — расплету. Мать давно ждет внуков, Наде тридцать два уже, все сроки упустила, надо успеть вскочить в последний вагон, оставить кого-то после себя. Пока она нянчит только своего бродяжку. Он захочет — позовет, захочет — выгонит, какое с ним тепло? Сквозняки гуляют, все время зябко, даже температура поднимается на нервной почве. Как от такого родишь, если он озабочен только одной проблемой — борьбой за собственную независимость? Разве он потерпит, если Надя будет заботиться еще о ком-нибудь, кроме него? Сестры советуют бросить его, жалеют Надю, что из-за бродяжки она одинока. А она не из-за бродяжки, она из-за деда. Просто никто не выдерживает сравнения с ним, нет больше таких высоких, красивых и добрых. Сестры не сравнивали: кого встретили, за того и пошли. А Надя сравнивала, мысленно ставила всех, кто звал замуж, рядом с дедом, проводила черту — и никто до нее не дотягивал. А бродяжка никуда не звал, делал какое-то мифическое дело, позволял ухаживать за собой, и стал как бы Надиным ребенком. Перед сном Надя звонила ему и спрашивала:

- Как прошел день?
- Обычно, — пожмал он на другом конце города плечами.
- Хочешь, я завтра приеду, приготовлю что-нибудь? — напрашивалась Надя.

— Завтра видно будет, — снова пожимал он плечами. Надя приезжала с сумкой продуктов, раскладывала в холодильнике. Бродяжка посматривал недовольно, как будто чужак ходит по его территории, наводит здесь свои порядки. Надя принималась за уборку.

— Не перекладывай книги, я после тебя не найду ничего, — отрывался он от компьютера.

— Ты мне не рад? — огорчалась Надя.

— Я при тебе не могу работать, — оправдывался бродяжка.

Вселиться к нему с пеленками и распашонками даже не приходило Наде в голову.

— Просто роди — и все, куда он денется, — советовали сестры.

— Без разрешения? — удивлялась Надя.

— Потом он тебя же и упрекнет, что не родила, — не понимали ее сестры.

— Ребенок должен быть желанным, а ему всегда некогда, — задумывалась Надя. У отца тоже всегда были какие-то свои дела, вернее, развлечения, не совместимые с семьей, как называла их мама. Он был настолько сам по себе, что даже если они куда-то шли втроем, что было редкостью, отец шел как бы отдельно, сзади и чуть в стороне, как будто мать тащила его за собой на поводке. Время от времени мать хмуро на него оглядывалась, как бы подергивая поводок. И сейчас Надя иногда себя спрашивала: может, и я держу на поводке своего бродяжку? Чего проще — отпустить с поводка, не звонить, не приезжать? Он за своими книгами и не заметит пропажи.

Надя завязала Маше пышный бант, сложила ей в маленькую корзину пирожки для соседских ребятишек, и девочка важно понесла угощение для друзей. У всех племянников Надя крестная, по выходным и праздникам собирает всех троих и ведет в парк, в театр или на мультик с обязательным мороженым и соком. Сашу провожала первого сентября в первый класс, в октябре брала отпуск и встречала каждый день из школы. На новогодних каникулах водила племянников на все городские праздники. Половину зарплаты потратила на билеты и подарки для малышей, хотелось порадовать и порадоваться самой. Бродяжке тоже выбирала подарки — тщательно, с любовью. Заворачивала в блестящую бумагу, чтобы разворачивал, ждал чуда. И он разворачивал, и сиял глазами, смотрел благодарно и нежно.

Надя вспомнила, что деду она никогда не покупала подарки. Однажды на 9 мая испекла ему торт, а потом позвонили друзья, позвали праздновать к кому-то на дачу, и она уехала вместе с тортом. Деду потом сказала, что торт не получился.

— Сама бы приехала, без торта, — улыбнулся дед, положил в чай пять ложек сахара, он был сластеной. Наде было стыдно признаться в своем предательстве. Дед воевал, а она променяла День Победы на обычную пьянку с друзьями. Правда, с девчонками тогда были курсанты, но куда им до деда? Один курсант задумчиво на нее посмотрывал, а потом подсел к ней и спросил:

— Что вы здесь делаете? Вам здесь не место.

— В каком смысле? — не поняла Надя.

— Вы не такая, как все, — со значением сказал молодой человек.

— В каком смысле? — удивилась Надя.

— Я не знаю, как объяснить, но вы другая, — серьезно ответил курсант.

— Это вы другой, — улыбнулась Надя. Все девчонки с парнями где-то единились, а Надя с курсантом сидели рядышком у костра и разговаривали

ли. Сейчас Надя понимала: просто ни у кого из девчонок не было такого деда, как у нее, и такого отца, и такого разительного контраста между ними.

— Надь, ты ведь в отпуске? Подкинем тебе Ванечку на неделю? — подошла к ней Кира.

— Уезжаете? — понимающе кивнула Надя.

— В Сочи, дикарями. Разведаем, что и как, в следующем году, может, с Ваней поедем. А пока страшно брать с собой.

— Мы с Ванечкой здесь поживем. Будем у тети Шуры молоко с творогом покупать, — Надю радовала перспектива пожить с четырехлетним племянником в деревне. Она будет засыпать и просыпаться под дыхание малыша, Ванечка ее любит и слушается, поплачет о маме и забудет. У них с бродяжкой не было детей, которых не на кого было оставить, но они никогда не уезжали в отпуск к морю. Бродяжка уезжал только в экспедиции, и в отпуск он тоже уезжал в экспедицию, а потом показывал ей фотографии, на которых рядом с ним у костра сидели жизнерадостные геологини. Надю мучила ревность.

— Ну, конечно, у него там кто-то есть. Он же не твой, значит, ничей, — соглашались с ней сестры.

Надя убрала детский столик и пересела к большому столу, налила себе щи. Ела, поглядывала на родных. Тетки сидят рядом с мужьями, а мать с отцом отдельно, но при этом тетки оживленно разговаривают друг с другом и не обращают на мужей внимание. А мать пододвигает отцу гречку с печенкой, подкладывает на тарелку огурец, отодвигает рюмку. Отец пододвигает рюмку обратно.

Кира с Катей щебечут про отпуск, про Кирину поездку в Сочи. Мужья сестер, оба заядлые рыбаки, разговаривают о рыбальке. Надя ела, изредка посматривая на них. Ей казалось, что сестры привыкли к своему семейному счастью и принимают его как должное. А она верила и не верила и благодарила бога за то, что у нее есть ее бродяжка. Мужья сестер хорошие мальчики, но куда им до него. Даже если встанут на цыпочки, не дотянутся... Надя не размышляла, что именно она сравнивает, в чем ее бродяжка лучше, просто рядом с ним никого нельзя поставить. Такая от него исходит сила, такое сияние, что глаз нельзя отвести.

Утром, прежде чем собрать стол, ходили на кладбище, положить цветы на могилки. Мать протерла памятники бабушке и деду, выдернула сорняки, тетки положили пироги на столик рядом с оградой. На крестах соседних могил сидели грачи, ждали, когда уйдут люди, чтобы приступить к пиршеству. Отец переминался с ноги на ногу, ему было скучно, он всегда скучал рядом с матерью, а она всю жизнь старалась его чем-то занять. И сейчас тоже придумала ему дело:

— Прополи тропинку пошире, чтобы нам не тесно было стоять.

Отец дергал душистую траву, а сам норовил заглянуть в пакет со снедью, есть ли там бутылка.

Когда убирали со стола, отец проводил взглядом недопитую бутылку водки и спросил жену:

— Поехали в город?

— Что в городе делать? Впереди два выходных, здесь останемся, — привычно возразила мать, она ждала этого вопроса.

— Мне в город надо, домой, — тоскливо процедил отец куда-то в пустоту. — У меня там столик во дворе, домино. Генке я денег должен.

— Я Генке должен, ты мне отдай, — всполошился он вдруг, требовательно глядя на мать. Мать получала за отца зарплату, написала заявление его начальнику, и отцовскую зарплату перечисляли ей на сберкнижку. Надя отвернулась, и все отвернулись, такие разборки между отцом и матерью были привычны, заканчивались они обычно победой матери, вот и сейчас отец постоял, посмотрел на жену и отошел в сторону.

Стелили постели. Надя улеглась на дедову высокую кровать, положила к стенке Ванечку, рисовала ему на спинке сказку, как дед ей когда-то.

— Жил-был ежик с ежатами, все они были колючие, и если кто-то хотел их обидеть, они сразу кололи его иголочками, вот так, — ласково щипнула она Ванечке спинку.

— Кто хотел их обидеть? — заинтересованно спрашивал малыш.

— Лисичка хотела, а ежики ее укололи.

— Лисичка хотела? — удивлялся Ванечка.

— А когда пришел медведь, ежики от него убежали, вот так, — пробежала Надя пальцами по детской спинке.

— Вот так! — ахнул Ванечка.

— Спи, — поцеловала Надя малыша в душистые волосики. Достала телефон, набрала номер своего бродяжки:

— Как прошел день?

— Обычно, — откуда-то издалека донесся его голос.

— Я неделю поживу в деревне, с племянником надо посидеть, — доложила Надя.

— Ну, раз надо, поживи, — согласился он.

— Ты там не скучай без меня, — забеспокоилась Надя.

— Не буду, — легко согласился он.

— А ты еще не соскучился? — огорчилась Надя.

— У меня работы полно, когда мне скучать, — отмахнулся бродяжка.

— А ты параллельно скучай, — попросила Надя, она уже не представляла, как он выдержит без нее целую неделю. Она мысленно встала на цыпочки, обняла его, чтобы он чувствовал, что она рядом и поэтому все хорошо.

— Ну, ладно, не отвлекай, — попросил бродяжка и отключился.

— А ежики быстро бежали? — вспомнил Ванечка.

— Быстро, — взъерошила Надя светлые волосики.

— А медведь их не догнал? — снова спросил Ванечка.

— Догнал, медведь тоже быстро бежал, — улыбнулась Надя.

— Он их съел? — забеспокоился мальчик.

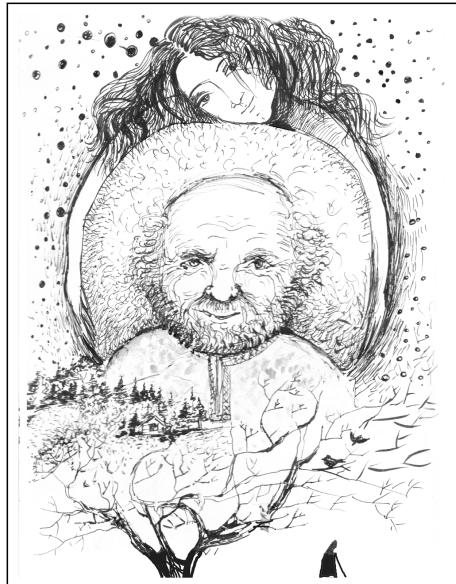
— Нет, он на них подул, вот так, — подула Надя ему на головку. — И тогда ежики закрыли глазки и уснули.

— Они испугались?

— Нет, просто он подул им в глазки сон, и они стали спать. И ты спи, а я буду тебя гладить. — Надя повернула Ванечку на бочок и стала гладить своего малыша, как ее когда-то в детстве дед. Она гладила своего бродяжку, чтобы он не скучал там далеко. Хотя он, наверное, будет еще работать до поздней ночи, она укачивала его, убаюкивала.

— А про деда никто ничего не вспоминал, как раньше жили, какой он был. Только помянем Ивана Васильевича, неинтересно совсем. Он, наверное, ждал, что про него скажут, хотел с нами побывать, — огорчалась Надя за деда. — Ты там не скучай, или скучай параллельно, делай свои дела и скучай, у тебя всегда много дел... за делами легче скучается.

Две светлые головки на подушке лежали рядышком, Надины волосы смешались с Ванечкиными длинными кудрями. Отец поправил у них подушку, простыню, погладил обоих по голове. Надя закрыла глаза. Она слышала, как отец постоял еще немного над ними, а потом пошел на кухню, открывал и закрывал дверцы шкафчиков, искал водку.

ЧАЙКА

В двадцать я выглядела на тринадцать, и это было трагедией. Со мной заговаривали, чтобы познакомиться с моей шикарной подругой: меня принимали за младшую сестренку, которая ходит на дискотеку «под присмотром». Подруга менялась со мной одеждой, потому что вещи, которые спишила я сама, были штучными, а ее одежда из универмага «Рубин» смотрелась как ширпотреб. Заодно мы менялись именами, так как Леной в восьмидесятых звали каждую вторую девушку (мать даже назвать нормально не смогла, морщилась Ленка), а мое имя Лариса казалось ей изысканным и загадочным.

— Лариса значит «чайка», — мечтательно говорила она. — В крике чаек есть что-то трагическое. Как у женщины с прошлым.

— А разве прошлое не может быть счастливым? — удивлялась я.

— Прошлое трагично уже потому, что оно прошлое, — снисходительно замечала Ленка. — Ну, какое у тебя может быть прошлое? Поэтому Ларисой буду я.

Женихов для себя Ленка тоже выбирала, не шла на поводу у судьбы. Со своим избранником Ленка запиралась в нашей общаговской комнате, обеспечивала себе светлое настоящее, которое через пару месяцев почему-то становилось трагическим прошлым.

— Что тебя с ней связывает? — удивлялись девчонки, у которых я коротала время, когда Ленка выдворяла меня из нашей комнаты. — Она же наглая, зачем ты с ней дружишь?

— Мы с детства дружим, — пожимала я плечами. Мы, действительно, были одноклассницами и жили в одном подъезде, и моя мама всегда ставила Ленку мне в пример. Ленкина мать одна растила троих детей, и Ленке приходилось следить за младшими сестренками. При этом она могла за пять минут накрыть стол при пустом холодильнике, выступала в школьной самодеятельности и шла на золотую медаль. Ленка везде была первой, а я оставалась в тени, вернее, выгодно оттеняла ее достоинства.

— Скажи мне, кто твой друг, — усмехались девчонки. — Но это не про вас. Тебе надо от нее избавиться, выйти из-под ее влияния.

Но мне не пришлось избавляться от Ленки, она сама ушла из института и заодно из моей жизни.

— Что за профессия для женщины — инженер? Она обезличивает женщину, делает ее винтиком в производстве.

— Почему обезличивает? — недоумевала я. — Инженер — создатель.

— Я буду поступать в театральный, — мечтала Ленка. — Актриса Лариса Ланская — звучит! И жизнь у меня будет яркой и звучной, как мой псевдоним. А имя Лена останется в прошлом, сером и безрадостном, как жизнь моей матери. Ты еще услышишь обо мне!

С моим именем она расстаться не пожелала. Однако я за ней не последовала.

В тридцать я все еще выглядела наивным ребенком (маленькая собачка до старости щенок, небрежно заметила Ленка), значительности и шика так и не приобрела, но все-таки сумела создать себе счастливое настоящее. С работы меня встречал заботливый муж, подрастала дочь, у которой были мои глаза, а значит, я обеспечила себе не только настоящее, но и будущее. Я замечала у дочери свои повадки, и в ней они не раздражали меня, так я примирилась и со своим детством, с собой. Но Ленку не забыла, мы перезванивались и переписывались, вернее, Ленка звонила и писала, докладывала о каждой следующей перемене в своей жизни. В театральное она так и не поступила, не хватило таланта. Но осталась в Москве, и в тридцать делила имущество уже со вторым мужем. Ленка имела за плечами солидный багаж прошлого. Детей у нее не было и, скорее всего, не будет, потому что о детях она не мечтала.

— Дети ничего не возвращают, а я не привыкла вкладываться без отдачи, — сказала Ленка первому мужу в ответ на его просьбу о ребенке. Моя дочка была еще крохой, и хотя я уже тогда видела, как много она мне дает, объяснить этого подруге не сумела.

— Нянчилась уже, мне хватило, — сказал Ленка, как отрезала. — Дети связывают, не дают развиваться.

— Куда развиваться? — не поняла я. Ленка тогда не работала (все детство батрачила, пора и отдохнуть).

— Мало ли куда? — туманно объяснила Ленка.

— Зачем ты с ней общаешься? Что хорошего ты можешь от нее почерпнуть? — спрашивали подруги, которые знали Ленку еще в годы нашего студенчества.

— Звонит, я разговариваю. Не могу же я положить трубку, — пожимала я плечами.

Нам было по сорок, когда моя дочь окончила школу и задумалась об институте. Ленка развелась с третьим мужем и позвонила, чтобы сообщить об этом.

— Пусть приезжает в Москву, остановится у меня, — предложила Ленка. Это было в первый раз, когда подруга захотела что-то отдать. Я удивилась этому новому Ленкиному проявлению и передала ее предложение дочери. Дочь поразмышляла и решила поступать в местный вуз. Она, как и я, была начисто лишена авантюрной жилки, к тому же мы никогда не расставались, даже из лагеря мы с мужем забрали ее через несколько дней, потому что скучали по дочке, а дочка без нас. Ленка огорчилась:

— Значит, не приедете? Я думала, увидимся.

— Приезжай сама, — пригласила я, мне не хотелось присутствовать при разделе Ленкиного с мужем имущества.

— Скромная квартирка, больше, чем на лимон не тянет, — оценила подруга нашу двушку, едва войдя в дом. Она располнела и стала еще красивее, чем в юности. Я же не менялась, и печать наивности не сошла с моего лица, все это вместе, видимо, производило трогательное впечатление,

потому что на меня стали заглядываться мужчины (божий одуванчик, прे-
зрительно бросила Ленка).

— А мы не продаем, — удивилась я.

— Привычка, у меня риэлтерская фирма, — объяснила Ленка.

— Ты — хозяйка? — уточнила я.

— Буду хозяйкой, — усмехнулась Ленка. — Сколько можно пахать на мужа?

Я уважительно промолчала, нисколько не сомневаясь, что раз подруга говорит, что будет хозяйствой фирмы, значит, будет. Это я работала на чужого дядю, жила в малогабаритной двушке и даже ни разу не поинтересовалась, сколько стоит моя квартира и как можно улучшить свои жилищные условия. А Ленка поняла все и сразу.

— Я организую вам ссуду под небольшой процент, переедете в нормальную квартиру, будете жить, как люди, — пообещала Ленка, хотя мы ни о чем ее не просили. Впрочем, она не навязывалась, она приехала общаться, а не работать.

— Устала, покоя хочется, — сообщила она, располагаясь в комнате до-
чери, которая временно переехала к подруге.

Ленка утром появлялась на кухне в пеньюаре не для того, чтобы со-
блазнить моего мужа своими роскошными формами, а по привычке меня затмевать. Она просто обязана была быть лучше меня, даже в глазах моего мужа, тем более, что со своим развелась.

— А мне по утрам домработница подает свежевыжатый апельсиновый сок, — обронила Ленка, отхлебывая кофе.

— Соковыжималка у меня есть, завтра выжму, — пообещала я. — А еще одну хозяйку в доме я бы не потерпела.

— Не хозяйку, а домработницу, — Ленка допила кофе и отправилась в ванну, опередив мужа, который торопился на работу.

— Она надолго? — поинтересовался муж, умывшись на кухне.

— Как отдохнет, — пожала я плечами.

— Надо менять мужа каждые пять лет, — разглагольствовала Ленка вечером на кухне, потягивая пиво. — Тогда происходит обновление, рост.

— Куда рост? — удивилась я.

— Ну, куда... К себе, наверное. Мы же меняемся, и человек рядом с нами должен соответствовать. Если он не соответствует, значит, тормозит. Понимаешь, не помогает тебе расти над собой, а тормозит. А где Иван? — Ленке явно не хватало зрителей, одной меня было мало для самоутверждения.

— В спальню, футбол смотрит, — муж предпочел телевизор Ленкиному обществу.

— Вот видишь, у вас разные интересы, вы не совпадаете, — заметила оскорбленная Ленка. — Ванька он и есть Ванька.

— Сейчас модно быть Иваном, — защитила я мужа. — А ты по-прежнему представляешься новым знакомым Ларисой?

— Иногда, когда скучаю, — усмехнулась Ленка. — Какие у нас на завтра планы?

— У нас в театре премьера. Тебе интересно будет, ты ведь мечтала быть актрисой.

— Театр я уже переросла. Это все игрушки, а мне сейчас интересна сама жизнь. Квартирный бизнес. Там такие разворачиваются драмы, ни в каком театре не увидишь, — задумчиво сказала Ленка.

— Все-таки почему с мужем развелась? — пыталась я уяснить то, что искренне не понимала. — Мы с Иваном двадцать лет вместе, и я не представляю себя без него. Да я и не смогу. Жили-жили — и вдруг расстаться? Правда, у нас дочь.

— При чем здесь дочь? Просто вы живете без страстей, по привычке, — хмуро сказала Ленка. — Скучно вы живете. За чужими страстями в театр ходите.

Утром она уехала в Москву. Зачем приезжала?

— Если в другой раз твоя подруга надумает нас навестить, я у брата поживу, — муж открыл окна, проветривая терпкий запах Ленкиных духов. Ему не льстило то, что Ленка пробует на нем свои женские чары. Она была чужда ему, не попадала в поле его восприятия. Даже напрягала, и хотелось поскорее от нее освободиться. А мне Ленка была не близка, но любопытна, и в малых дозах порой хотелось ощущать ее присутствие. Она словно напоминала, что есть и другая жизнь, со взлетами и падениями, роскошью и предательством, и не надо ни за что цепляться, потому что по-настоящему ничего не жаль.

Прошло еще несколько лет, в моей жизни все оставалось по-прежнему, я и не стремилась к переменам. Дочка учится, мы с мужем работаем, зарплату платят — и слава богу. Как говорила другая моя подруга, хорошо, что не хуже. Ленка не звонила и новым замужеством не хвасталась. Зато в новостях сообщали, что в Москве задержана группа черных риелторов, продававшая арендные квартиры, и среди преступников я узнала Ленку.

— Вот тебе и звезды, и пропасти, — передразнил меня муж. — Она и нас кинула бы, не постыдилась.

— Ну, нас-то вряд ли. Что с нас возьмешь? — не поверила я и засобиралась в Москву. На свидании с подругой я узнала, что первый Ленкин муж навещает ее и даже нанял адвоката. Пожалуй, не стоило за нее переживать, не пропадет, если сядет. Однако я писала ей в колонию и отправляла посылки, лишними не будут, думала я.

— Что ты с ней все возишься? — удивлялись подруги. — За дело ведь сидит, сколько горя людям принесла.

— Наверное, — соглашалась я, — но сейчас ей туда приходится. И потом, от сумы и от тюрьмы никто не застрахован.

Не то чтобы я такая уж сердобольная и никому не отказываю в помощи... но все-таки, наверное, почти не отказываю, и даже порой навязываю свою помощь, когда меня и не просят. Однажды, например, я пыталась оказать помочь лежащему на снегу пьяному. Он меня об этом не просил, но все-таки я умудрилась поднять его и прислонить к стене дома. Время от времени он на меня заваливался, и я снова прислоняла его к

стене. Что с ним делать дальше, я не знала, пока ко мне не подъехала милиция.

— Ваш? — спросил милиционер.

— Нет, но замерзнет ведь.

Милиционеры стали грузить пьяного в машину, а я повернулась и пошла, преодолевая желание оглянуться и принять дальнейшее участие в судьбе спасенного мной алкоголика.

Соседские ребятишки подбрасывали мне беспризорных котят, я их отмывала, подлечивала и пристраивала к знакомым или везла на птичий рынок, отдавала в добрые руки. Потом стали подбрасывать и щенков, но для них найти хозяев было сложнее, я отвозила их в приют для животных. В театр я ходила с охапкой гвоздик и дарила всем актерам по цветочку, чтобы никому не было обидно. Однажды в наше управление пришел молодой архитектор с проектом удивительного стеклянного абсолютно прозрачного моста через Волгу. Проект не приняли, посоветовали фантазеру спуститься с небес на землю и придумать функциональный и экономичный мост, а мне было жалко расставаться с этой сказкой, и я взялась помочь архитектуре. Я пробивала его проект, не жалея сил.

— Мой добрый ангел, — говорил он мне, и я удваивала усилия, вдохновленная его похвалой. Но однажды муж приблизил свое лицо, чтобы поцеловать меня, и на какую-то долю секунды мне показалось, что это архитектор. И я перестала ходить по кабинетам с проектом стеклянного моста.

— Лариса, почему вы перестали помогать мне? — недоумевал молодой человек. Потеряв мою поддержку, он почувствовал вселенское одиночество.

— Потому что каждый должен заниматься своим делом, — ответила я. — Воплощать в жизнь ваши проекты — это ваше дело, а не мое.

Из колонии Ленка вернулась не куда-нибудь, а прямо ко мне.

— Устала, — сообщила она, располагаясь в бывшей дочкиной комнате, дочь к тому времени вышла замуж и жила в семье мужа. — В себя надо прийти.

— Ты называлась Ларисой в колонии? — задала я вопрос, который мучил меня.

— Только это имя и спасало, — горько усмехнулась подруга.

Ленка приходила в себя в течение месяца. За это время я сшила ей несколько платьев и вставила зубы за свой счет. Ленкино прошлое теперь было богатым и разнообразным.

— Как дальше жить собираешься? — спросила я.

— Вадик замуж зовет.

— Первый муж? — одобрила я.

— Первый, будем жить, поживать и добра наживать. Ты-то как? — запоздало поинтересовалась подруга.

— Хорошо, дочка скоро родит, — счастливо улыбнулась я, — буду внука нянчить.

— Тоже мне, счастье, — усмехнулась Ленка. — Все, как у всех, ничего сами придумать не можете.

— А ты что сама придумала? — обиделась я. — Как людей обездолить?

Утром Ленка уехала в Москву, к Вадику. Зачем приезжала? Хотя понятно, зачем, зубы вставить.

Несколько лет я о Ленке ничего не слышала, пока однажды она не позвонила мне из Франции.

— Бонжур, я теперь парижанка, — раздался в моем мобильнике Ленкин голос.

— Ну, ты даешь! — изумилась я. — Вы с Вадиком теперь в Париже живете?

— Ну, что ты... Где Вадик — и где Париж? Я замужем за французом. Я тебе фотки вышлю. А у тебя что нового?

— У меня внуки, два внука. Муж работает, так что все хорошо, даже дочеке помогаем, — похвасталась я.

— Понятно, ничего нового не придумали, все как у всех, — прокомментировала Ленка.

— А тебе как живется во Франции? — полюбопытствовала я.

— У нас с мужем ресторанный бизнес, и я подумываю отделиться, — помечтала Ленка.

— Развестись? — уточнила я.

— Для начала отделиться, о разводе я пока не думала. Просто часть бизнеса станет моей собственностью, — объяснила Ленка.

— А ты любишь мужа? — засомневалась я.

— Ну, конечно, — отмахнулась Ленка. — Я, кстати, скоро приеду на родину. Можем увидеться.

Я всегда нужна была Ленке в качестве свидетельницы ее успеха, без моих аплодисментов ее лавры словно теряли вкус, становились пресными. При этом мои достижения обесценивались, вся радость и суть моей жизни вроде бы сводились к нулю, и это было обидно. Однако я не отказывалась от Ленкиной дружбы, будто и я тоже соревновалась с подругой. Раз она без меня не обходится, значит, я в ее глазах тоже имею ценность. Семья, дети тоже много чего стоят, и сколько бы Ленка от них не отмахивалась, в глубине души она понимает, что неправильно живет, думала я.

На родину Ленка, действительно, скоро приехала, правда, насовсем. Французский муж не позволил Ленке себя облапошить, развелся с ней и отправил восвояси. А через некоторое время приехал за ней сам, видно, ему не давала покоя загадочная русская душа.

— Вали отсюда, — послала его Ленка и вернулась к Вадику. Ленка теперь часто простытала и уставала, и ей хотелось, чтобы рядом был кто-то, кому она не безразлична. Лучшей кандидатуры, чем Вадик, не найти. После первого развода с Ленкой Вадик поспешил женился и ждал Ленку уже с женой. Когда она снова бросила его и укатила во Францию, Вадик сказал:

— Я буду тебя ждать.

— Фигушки, больше не вернусь, — не поверила Ленка.

— Куда ты денешься, — ответил Вадик и ждал, он распознал в Ленке то живое и трепетное, что было ему необходимо, это была его женщина, и он больше не хотел ни на кого размениваться. Его беспокоили частые Ленкины простуды, и он уговорил ее обследоваться. У Ленки обнаружили рак легких, и она сразу же позвонила мне, хотя хвастаться, вроде, было нечем. Врач сказал, что надежда на выздоровление есть, надежда вообще никогда не должна умирать. Когда я вошла в палату, Ленка что-то хмуро выговаривала Вадику, тот терпеливо слушал, согласно кивал.

— Ты чего сникла, подруга? Повоюем еще! — подбодрила я Ленку. Она похудела, но и худоба ее не портила, что-то было в ней завораживающее, не хотелось отводить взгляд.

— Ясное дело, повоюем, — встрепенулась Ленка. — Пятьдесят — не возраст, детский сад, считай... Прошлое у меня уже есть, пора подумать о будущем.

Я посмотрела на нее с восхищением, нисколько не сомневаясь, что раз Ленка говорит о будущем, значит, оно обязательно будет.

— Я не удивлюсь, если однажды ты сядешь в поезд и уедешь, — сказал муж.

— Куда? — не поняла Мила.

— Куда-нибудь, — преданно взглянул на нее Виктор. — Но потом все равно вернешься, потому что я буду тебя ждать.

— Вернусь, не сомневайся, — не стала разубеждать его Мила. Муж был уверен, что у Милы есть поклонники, а также предполагал в ней наличие некоторой ветрености и взбалмошности. Не ревновал, просто у него сложился такой идеал женщины, и он дорисовывал, дотягивал Милу до своего идеала. Относился к ней, как к королеве.

В юности близкая подружка ставила Миле в пример признанную на курсе красотку:

— Присмотрись к ней. Она не красавица, но ведет себя, как красавица. Поэтому все относятся к ней, как к красавице. Потому что она ни секунды не сомневается в своей неотразимости. Ты в сто раз симпатичнее, но тушуешься, скромничашь, стараешься всегда быть в тени. — Мила слушала подругу, смотрела в окно, рисовала на запотевшем стекле Золушку в переднике и башмаках на босу ногу под окнами дворца. Во дворце бал, а замарашка, затаив дыхание, смотрит на принца, кружащегося вальсе с записной красоткой. Ах, как до чего же бедняжке хочется оказаться на ее месте! Рядом с Принцем!

Мила боролась за свое счастье пять лет студенчества (дышала в телефонную трубку, как снисходительно шутила близкая подружка), а потом еще два года писала Виктору в армию. При этом провожала в армию Виктора другая девушка, та самая признанная красотка курса, а Мила писала как друг. Но невеста проводила и выскочила замуж, а Мила тут как тут со словами утешения и признаниями в любви. Она подкупила Виктора своей преданностью и постоянным присутствием в его жизни. Он к ней привык. И сделал предложение руки и сердца. Хотя на самом деле ему нравились женщины яркие и раскованные, привыкшие быть в центре внимания. Королевы. И он относился к Миле как рыцарь к своей Dame, потому что не мог иначе. Был так воспитан. Дарил цветы, говорил красивые слова. И Мила, наконец, почувствовала себя красавицей. Не так уж сложно стать идеалом для любимого, если тебя любят.

Теперь она могла безраздельно и единолично любоваться своим Принцем, правда, старалась делать это тайком, когда он спит, например, или облекала свое любование в щутку, потому что понимала, что такое явное обожание выглядит смешным либо пугающим. Мила верила и не верила в свое счастье, просыпалась ночью и всматривалась в лицо мужа, он это или только кажется, осторожно касалась его руками, проверяя на ощупь. Ждала с работы, не отводя глаз от секундной стрелки, и оказывалась у двери

вместе с первым поворотом его ключа в замке. Виктор всякий раз удивлялся, радовался ли он безмерной любви жены, это еще вопрос.

— Любовь — это уже отклонение от нормы, — пожимала плечами Мила на его просьбу умерить свой пыл. Но все-таки старалась поменьше показывать свое обожание. Она боялась потерять мужа, не верила, что он рядом с ней навсегда. Даже когда родилась дочка, Мила все еще чувствовала, что муж не до конца рядом с ней. Вот он здесь, но вдруг задумается, уходит мыслями куда-то. Мила догадывалась, куда.

Дочку назвали Ирочкой в честь первой любви мужа, Миленой соперницы. Мила не сопротивлялась, у нее не было к сопернице никаких претензий. Даже наоборот, она испытывала чувство превосходства и снисходительности. Ира своими руками отдала Миле Виктора, такое счастье, а сама, как слышала Мила, вышла замуж за полное недоразумение, которое и мужем-то назвать сложно, ибо оно пьет, бьет Иру и гуляет. Мила всегда хотела быть вполне хорошей, ее идеал собственного «я» был высоким, и она стремилась ему соответствовать. Однако не все было так просто.

Через год после рождения дочери Мила родила сына. Ей было стыдно признаться в этом даже себе, но она ревновала, когда муж брал дочку на руки и называл ее Ирочкой, испытывала почти физическую боль. Ухаживая за девочкой, словно выполняла ритуал, не участвуя в этом сердцем. Она любила дочь, но любила отстраненно, мучительно пытаясь отделить свою любовь к дочери от ревности к той, которая, казалось, навсегда завладела сердцем Виктора. Поэтому, когда дочеке исполнилось три месяца, Мила перетянула грудь и стала покупать ребенку смеси. А когда вновь забеременела, вздохнула облегченно. Сознательно отвлекалась от дочери на будущего ребенка, разговаривала с ним, читала ему на ночь сказки, поглаживая свой живот. Она назвала сына Виктором. Пусть будут два, ибо для нее не было имени сладостнее, и она звенела с утра до ночи: Витя, Витенька, Витюша, и радостно смеялась, когда на зов откликались оба Вити. Обоих и звала.

Теперь муж делил свое внимание между детьми, и Мила успокоилась, перестала ломать себя, стала ровной и теплой, как солнышко. Это было самое комфортное для нее состояние, когда она была довольна собой, она не любила и не прощала себя злую, ревнившую, дерганую. Испытывала мучительное чувство вины перед мужем, детьми и даже перед своей соперницей Ириной. Но теперь все хорошо, Мила нашла у себя в душе состояние равновесия, и все были счастливы рядом с ней. Мать недаром назвала ее Людмилой, милой людям, и воспитывала в ней покладистость, стремление угодить, сделать приятное.

Дети росли, вместе пошли в садик, в одну группу, Мила не хотела их разлучать. Растила как близнецов, тем более, что они были очень похожи друг на друга и на мужа. Вязала им одинаковые шапочки, шила одинаковые комбинезоны. У Ирочки почти вся одежда была, как у мальчика, и она с удовольствием играла в машинки и пистолеты. Платьев было мало, а

одно, трикотажное, было настолько удачным, что когда Мила гладила его, оно словно становилось длиннее.

— Видишь, как платьице растет вместе с тобой? — спрашивала Мила дочку. Ира радовалась, думала, что платье волшебное. Тоненькая, с короткой мальчишеской стрижкой светлых пушистых волос Ирочка смотрелась в этом желтом платьице забавно, как подсолнушек.

Дети дружили. В детском саду на занятиях и за обедом они сидели за одним столом, и рядом стояли их кроватки в спальне. Ирочка всегда защищала Витю, который был самым младшим в группе. Она часто дралась, Мила подозревала, что не только за Витю, дочка вообще любила подраться. На нее нередко жаловалась воспитательница, но Мила не ругала Ирочку за драки. Если разбираться, то непременно выяснялось, что Ирочка восстановливала справедливость. А за справедливость нельзя наказывать. К тому же Витя находился под надежной защитой сестры, потому что самой большой несправедливостью для Ирочки было обидеть ее маленького братца. «Гуси-лебеди» стали любимой сказкой девочки, она часто просила маму прочитать ее «еще разочек», а на прогулке крепко держала Витю за руку, чтобы не потерять.

Мила задумывалась над отношениями детей, корила себя, что она рано родила сына, лишила Ирочку большой доли материнской ласки, взвалила на нее непосильную ответственность за младшего брата. А еще она боялась, что девочка подсознательно затаит обиду на брата за отнятое в младенчестве тепло. Но нет, Витя был для сестры самой большой ценностью в жизни. Она не играла в куклы, жила интересами брата, сразу стала взрослой.

Устроиться на завод, на должность инженера, женщине с двумя маленькими детьми нечего было и мечтать. Близкая подруга по великому блату устроила Милу на временную клетку секретаря.

— А потом можно будет перевестись по специальности, — успокоила она Милу. Однако Мила оказалась настолько на своем месте в должности секретаря, что ничего другого не искала. Она улыбкой встречала каждого посетителя, как будто только его и ждала, угождала его чаем, еще и сахар ложечкой размешивала, указания начальника не просто выполняла, а предвосхищала. Начальник заметил, что на работу он стал ходить, как на праздник. Совещания у начальника стали проходить плодотворнее и в приподнятом настроении, потому что Мила их не просто стенографировала, а ласковой предупредительностью направляла в нужное русло. Каждый за себя, а Мила — за всех.

Когда секретарша, чье место временно занимала Мила, вышла из декретного отпуска, начальник нахмурился и сказал Миле:

— Милочка, вы останетесь здесь, а ее мы куда-нибудь пристроим. — Однако Миле было неудобно выживать женщину с законной должности, и она ушла с завода. Тем более, что Виктор не хотел, чтобы его жена работала секретарем, даже стеснялся этого.

— У тебя высшее образование, а ты всем чай подаешь, — ворчал муж. Ее принц оказался снобом. Но все-таки это был ее Принц, и Мила послушалась.

Просматривала в газетах колонки с предложениями работы. Предлагались только вакансии менеджеров по продажам. Никто ничего не производит, но все что-то продают. Мила устроилась менеджером в рекламную фирму. Ее рабочий день оказался бесконечным, потому что Мила не умела ничего делать наполовину, и забирая поздно вечером детей от мамы, она не чувствовала ничего, кроме усталости. Дети привыкли обходиться без нее. Иногда вечером Мила, укладывая их спать, собиралась почитать на ночь сказку и натыкалась на неожиданное сопротивление дочери:

— Я сама Вите почитаю, — Ира рано начала читать, причем бегло и правильно.

— Почему? — не поняла Мила.

— Иди, отдыхай, мамочка, — с притворной лаской выталкивала ее из детской дочка. — Я сама уложу Витю спать.

— Кажется, Ирочка решила во всем меня заменить, — растерялась Мила. Прошла в спальню, юркнула в постель и прижалась к мужу, закрыла глаза, прислушиваясь к мерному ласковому голосу дочки из детской. Она читала сказку. Через некоторое время донеслись легкие шаги ее боевых ножек, Ирочка заглянула к ним в комнату и доложила:

— Витя спит, и я тоже пошла спать. — Дверь за дочкой закрылась.

— Помощница, — улыбнулся Виктор. Он не понял всей трагичности происходящего, он вообще был оптимистом и воспринимал мир с его светлой, положительной стороны. А Мила всегда копалась в себе и в поступках других тоже видела скрытые, корыстные мотивы. Мила прижалась к мужу еще сильнее, ей хотелось, чтобы он защитил ее от целого мира, который Миле не поддавался, не выстраивался, как детские кубики, в желаемую картинку. Защитил от усталости на нелюбимой работе, от постоянной нехватки денег, научил своему восприятию мира со знаком плюс. Это был ее Рыцарь, и она доверяла ему во всем, доверяла безгранично. Виктор, как и раньше, любил и жалел ее, и дарил цветы просто так, без повода, чтобы она улыбнулась.

Однажды Мила пожаловалась мужу:

— Витюша, а я ходила на консультацию к психологу. Он сказал, что если женщина много работает, она теряет свою женскую суть.

— Это как? — удивился муж. Ему казалось, что суть нельзя потерять, как любое эфемерное понятие.

— В работе женщина приобретает мужские качества, подменяя ими женские, — объяснила Мила. — Если мы сможем обойтись без моей зарплаты, я бы лучше занялась домом и детьми.

Однако на этот раз рыцарство изменило Виктору, он вяло улыбнулся Миле:

— Денег не хватает, моя дорогая, потерпи немножко.

Мила терпела, а между тем близкая подруга ей рассказала, что на завод по специальности устроилась Ира, первая любовь мужа, и с работы они уходят вместе. Детей из садика забирала мама Милы, сама Мила работала

допоздна, свободного от семьи времени у Виктора было много, и он им распоряжался по собственному усмотрению.

— Ира ходит на работу с синяками? — спросила Мила близкую подругу.

— Почему с синяками? — удивилась подруга.

— Ну, ты же говорила, что муж ее бьет, — с надеждой посмотрела на подругу Мила.

— Так она развелась давно, свободная женщина, — предостерегла подруга. — Так что держи ухо востро.

Собственно, я ничего не потеряла, пыталась рассуждать Мила, потому что ничего не успела приобрести. Первая любовь, как видно, не ржавеет. Королевой я так и не стала. Королевы ведь не пашут, как лошади, не бегут потом за детьми и не встают на ночь глядя к плите. Королевы ходят важно, степенным шагом, чтобы все успели полюбоваться на их неземную красоту. Близкая подруга учila Милу королевской поступи, но Мила вечно куда-то торопилась. А королевы не торопятся, у них есть только одно дело: принимать всеобщее восхищение и поклонение. Волшебство закончилось. Карета превратилась в тыкву, бальное платье — в бедные отрепья, а туфельки где-то потерялись, причем обе, не оставив Золушке никакой надежды на новую встречу с Принцем.

Потянулись тягостные дни. Мила старалась не смотреть на мужа, чтобы не видеть его сияющих глаз. Обычно ровный и спокойный, Виктор теперь постоянно пребывал в приподнятом настроении. Больше всего на свете Миле хотелось уехать, куда глаза глядят. Но хотелось и остаться, чтобы все-таки видеть мужа. Она готова была находиться рядом в любом качестве. Пробуждалась ночью от тяжелого, спутанного кошмарами сна, взглядалась в дорогое лицо. Виктор дышал ровно и спокойно, нежные, трогательно длинные, ресницы трепетали, когда он поводил веками. Ему что-то снилось, и он улыбался во сне. Мила осторожно поцеловала его светлые волосы, Виктор вздохнул и отвернулся.

— Он счастлив, значит, я должна быть счастлива его счастьем, — подумала Мила, с трудом справляясь с подступившим к горлу комом. — А иначе, какая же это любовь, если мне плохо оттого, что ему хорошо?

Она осторожно, стараясь не разбудить мужа, выскользнула из постели и прошла на кухню. Долго стояла у окна, всматривалась в ночной город. Слезы, наконец, потекли у нее из глаз, стало легче дышать. Мила нарисовала на стекле туфельку. Одна туфелька у Золушки все-таки осталась, а значит, не все еще потеряно.

С работы Мила теперь возвращалась рано. Все-таки у нее был свободный график работы, и она прикладывала массу усилий, чтобы сделать как можно больше в короткий срок, тем более, что это отвлекало от невеселых мыслей о муже. А все, что не успевала сделать, со спокойной душой откладывала на следующий день. Забирала детей из садика и усаживала их рядом с собой на кухне, с книжками и карандашами.

— Побудьте со мной, я без вас соскучилась, — просила она Ирочки, потому что решения принимала она. Ирочка соглашалась, и даже когда чинно сидеть за столом и рисовать им с братом надоедало, она приносила на кухню машинки, солдатиков и кубики, и они строили рядом с матерью, стоящей у плиты, замки и крепости, устраивали тихие сражения и примирения.

— Моя маленькая мудрая женщина, — с горькой гордостью думала о дочке Мила. — Все-то ты у меня понимаешь, все чувствуешь.

А когда приходил Виктор, Ирочка кидалась на шею отцу с такой радостью, что Мила подозревала, что дочка ждала его с еще большей тревогой, чем она сама. Виктор подхватывал дочь на руки и тоже проходил на кухню, где Мила, расчищая стол от игрушек, торопливо накрывала ужин. Витюша усаживался за стол рядом с отцом и сестрой, он вообще не существовал отдельно от Ирочки. Мила поставила в центр стола ароматный пирог с курагой и орехами.

— У нас сегодня праздник? — удивился Виктор. С тех пор, как Мила перешла на работу в рекламное агентство, она редко баловала их домашней выпечкой.

— Праздник, — улыбнулась Мила. — Папа с работы пришел. — На Милу смотрели три одинаковых лица с одинаковым, чуть задумчивым выражением. Это было забавно, и тревога впервые за много дней отпустила сердце Милы.

— Подождите, я быстренько, — сказала она и побежала в комнату.

— Внимание, сейчас вылетит птичка, — улыбнулась Мила, глядя на свою семью в глазок фотоаппарата. Но Ирочка взяла фотик у нее из рук, поставила его на высокий подоконник и нажала автоспуск.

— Ты с нами, — серьезно сказала она и притянула маму за руку в общий кадр.

ДОН КИХОТ СЕДЬМОГО УЧАСТКА

Реальность Асю не интересовала, она жила в собственном выдуманном мире. То есть мысленно находилась рядом с любимым человеком, Димкой Тимошкиным, который в реальности существовал рядом со своей женой Нонной. Ася грезила наяву, вытягивала ладошку, усаживала на нее Димку, ласкала и нежила его, как ребенка, рассматривала, какие у него глазки, помнила изгиб каждой реснички, и как он сжимает губы, и целовала каждый его пальчик, а потом вкладывала в кассу из личного кошелька, потому что работала кассиром и время от времени ошибалась, выдавая зарплату врачам городской поликлиники. Она влюбилась в Димку потому, что он не такой, как все. Этого, по мнению Аси, для любви было вполне достаточно, потому что «не такой, как все» означало «один единственный», таких и даже похожих больше нет в целом мире». Эксклюзивность Димки заключалась в том, что он, работая участковым терапевтом, дело свое любил, а потому работал постоянно, делая перерыв только на сон и еду. За время, отведенное на прием, Димка успевал вникнуть в болезнь пациента, а когда за тем закрывалась дверь, не забывал о нем, а сопрерживал до полного выздоровления. Просматривал амбулаторную карту по окончании рабочего дня, изучал, думал. Димка любил людей, в этом дело. Для него пациенты не были просто надоедливыми стариками и старушками, Димка узнавал их на улице, интересовался здоровьем не формально, а с личным участием. Неудивительно, что работа заполняла всю Димкину жизнь, не оставляя собственного пространства. Ему некогда было, например, заниматься ремонтом их с Нонной квартиры, потому что ремонт мог подождать, а больные не могли. Пациенты приводили к нему своих детей и внуков, и он стал для многих семейным доктором, что было оправдано, потому что куда легче предупреждать болезни, если знаешь человека с детства. Нонна изумляла такая бесцеремонность: пусть платят, говорила она. Но пациенты не платили, потому что тоже относились к Дмитрию Ивановичу, как к родному, а родственники помогают бескорыстно, тем более, он дал клятву Гиппократа.

Димка о гонорарах вообще не думал, даже зарплату и аванс Ася приносila вместе с ведомостью ему в кабинет. Димка про себя забывал, но это не было рассеянностью, это было сосредоточенностью на главном деле его жизни. О нем хотелось заботиться. Дома о нем заботилась жена, а на работе Ася. Она приносila ему в кабинет чай, Димка кивал, делал глоток и забывал о чае.

Звонила Нонна:

— Димочка, мне интересно, для кого я приготовила ужин и замужем ли я вообще?

— Я бегу, Нон, — у Димки была привычка обращаться к Нонне в звательном падеже, за семь лет их семейной жизни он ни разу не назвал ее полным именем. Нонночкий тоже не называл, хотя она пыталась его к этому приучить и сама звала мужа Димочкой.

— Альбина Федоровна заходила, у внучки температура, — проворчала Нонна.

— Тогда сначала к Альбине Федоровне, — тон у Димочки был виноватый. Соседка по двору, да и весь двор в целом не имели никакого отношения к Димкиному участку, но по-соседски обращались к нему за врачебной помощью. Когда Димка пришел домой, Нонна смотрела программу «Время» по первому каналу.

— Ждал, когда у Леночки температура спадет, — ответил Димка на вопрошающий взгляд жены.

— Могли бы «Скорую» вызвать, — уныло заметила Нонна.

— Со мной им спокойнее, — терпеливо объяснил Димка.

— Ребенок без тебя растет. Просыпается, когда ты уже на работе, а засыпает, когда ты еще на работе, — привычно пожаловалась Нонна.

Димка вымыл руки и подошел к кроватке сына, наклонился и почувствовал его чистое теплое дыхание, ресницы Алеши дрогнули и успокоились. Отец осторожно укрыл мальчика легким покрывалом и улыбнулся.

— В воскресенье пойдем в лес за грибами. Говорят, опять много, — позвал Димка жену.

— Мы с Алешенькой — за! — живо отклинулась Нонна. — Только ты отключи телефон.

— Я доступен для пациентов, это не обсуждается, — устало сказал Димка и включил компьютер. Его рабочий день не закончился.

Ася быстро отошла от плиты, открыла альбом и начала рисовать. Под карандашом проступал знакомый силуэт в рыцарских доспехах.

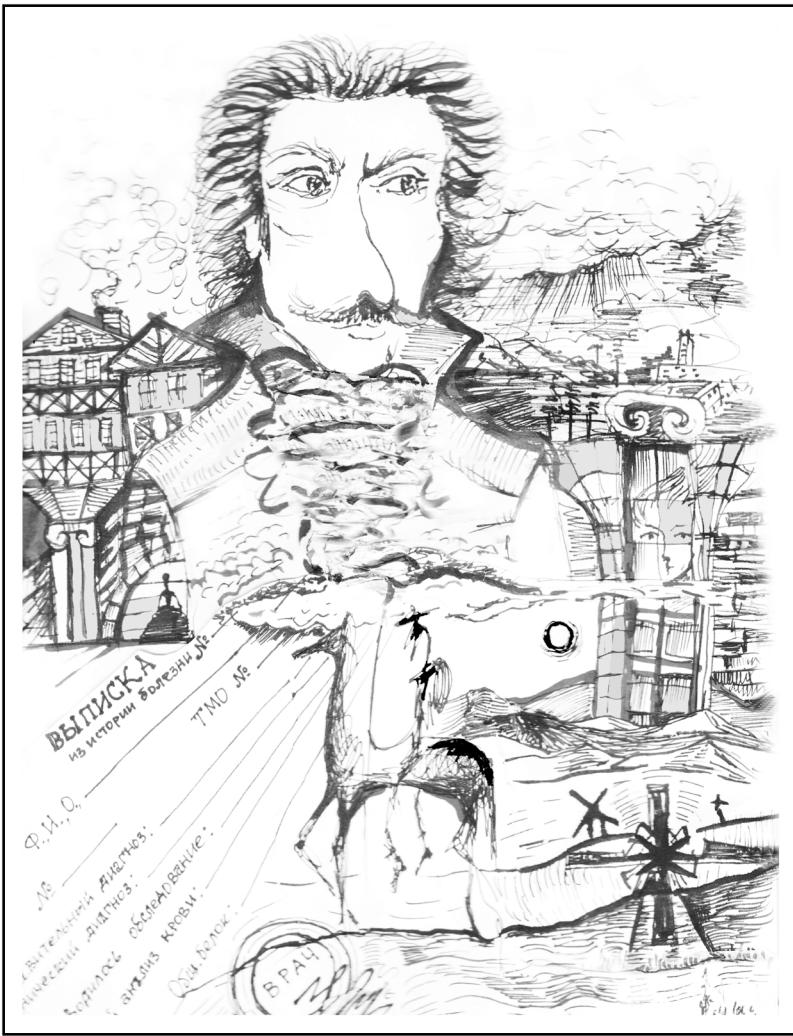
— Ты мой бесстрашный! мой непобедимый! — восхищенно шептала Ася. Димка, действительно, чем-то напоминал знаменитого рыцаря из Ламанча, такой же высокий, худой, он ходил, чуть наклонившись вперед, словно всегда преодолевал сопротивление ветра, и взгляд был устремлен к какой-то невидимой высшей цели.

— Ты мой Дон Кихот седьмого участка, — засмеялась Ася. Она радовалась, потому что любимый Димка в рисунке угадывался сразу, и восхищение автора — тоже. Причем восхищения было куда больше, чем нежной иронии. Ася бросила рисунок, потому что раздался звонок в дверь и в ту же секунду убежал бульон на плите. В распахнутую дверь вошла Ирина, Асины подруга и соседка по съемной квартире, скинула пальто и сняла кастрюлю с плиты. Насмешливо взглянула на рисунок:

— В нашем скромном музее появился еще один шедевр. Похож. Но тебе не надоело тиражировать образ никому не известного заурядного участкового терапевта? — Асины папка была полна Димкиными портретами.

— Во-первых, он не заурядный, — Ася чистила картошку для супа, снимала кожуру тоненькой ленточкой. — Через пять минут будет готово, потерпи. Во-вторых, мне самой это надо. У меня потребность такая — рисовать любимого человека.

— У нормальных людей бывает потребность целовать любимого человека, — усмехнулась Ирина.

— Желание целовать у меня тоже есть, но приходится его подавлять, поэтому рисую. Это называется сублимация.

— А ты оформи рисунки в рамочки и отнеси в музей. Там же выставляются местные художники. Ты красиво рисуешь, — похвалила Ирина.

— Кто меня выставит, я не училась даже, — Ася на мгновение отложила нож и луковицу, задумалась. — Мама говорила, отец рисовал. Он нас бросил, мама обиделась и не отдала меня в художку. Даже рисовать запрещала, я и не рисовала, слушалась. А теперь вот влюбилась — и рисую. Очень хочется.

— Счастливая, — тихо позавидовала подруга. Ирина резала хлеб, помогала накрывать на стол. — Но все равно это неправильно. Природа устроила все разумно. Человек влюбляется, рожает детей. Продолжается жизнь, понимаешь? А у тебя что? Рисунки художника-самоучки, которые никто не видит. Скажи ему, что любишь. А дальше видно будет. Разве не хочется признаться?

— Хочется, — обреченно посмотрела на подругу Ася. — Иногда кажется — взорвусь, если не скажу. И потом, все давно заметили. Надежда, его медсестра, откровенно надо мной смеется, в смысле, смотрит так насмешливо, как будто все понимает. А он не видит, не замечает.

Ирина разлила суп по тарелкам, сделала бутерброды с колбасой и сыром, положила конфеты «Мишки в лесу» в вазочку.

— Праздничный ужин, — с удовольствием заметила она.

— Возьму несколько конфеток Димке? — попросила Ася.

— Возьми, — разрешила Ирина. — Давай есть, влюбленным дурочкам надо хорошо питаться. Ты погуляй сегодня подольше, к тетке в гости сходи.

— Придет? — понимающе откликнулась Ася.

— Придет, — горько усмехнулась Ирина. — Тоже хорош. Все знает, все понимает, только не женится. Даже с матерью не знакомит. Придет, получит удовольствие — и никаких обязательств.

Это только так называлось — пойти в лес за опятами. Какие грибы с Алешенькой? Нонна готова была подкинуть сына матери, чтобы запастись грибами, но разве с Димочкой поспоришь? Он давно уже смастерили с Алешей кормушку для птиц и взял ее с собой, чтобы повесить в лесу. Рассказывал сыну о птицах, деревьях и букашках, а заодно консультировал старух, которые прогуливались в пригородном лесу по его же рекомендации. Поэтому они набрали опят только на супчик, тогда как старухи несли их ведрами. И никто с Дмитрием Ивановичем не поделился. Ноннин отец работал начальником цеха и «КАМАЗ»ами вывозил детали с завода, чтобы Нонна с матерью жили в достатке. Нонна не призыва-ла, конечно, Димочку воровать лекарства в больнице, но сам принцип «все — в семью», по которому она воспитывалась, грубо попирался. Отец с матерью говорили: только курица гребет от себя, и та назад оборачивается. Отец и мать все делали вместе, а Нонна сама занималась ремонтом квартиры, продумывала дизайн, просчитывала, покупала материал, а потом нанимала чужого мужика, чтобы он выложил кафель на кухне. Димочка приходил и ничего не замечал, ему казалось, наверное, что все так и было. Нонна обожала свой дом, старалась сделать его уютным, в том числе и рабочее место для мужа. Димочка брал работу домой, вел статистику эффективности новых лекарств. Ответственность перед больными для него была превыше всего. Квартиру Нонне тоже купил отец, а Димочка просто вселился в нее со скромным чемоданчиком. Отец был для дочери идеалом мужчины, хотя и умер в тюрьме. Такой судьбы для мужа она не желала, но считала, что если мужчина взял тебя замуж, значит, он ответственен за тебя.

— Разве ты голодна? Или тебе холодно? Или у тебя что-нибудь болит? — спрашивал ее Димочка. — У тебя все хорошо, тогда что ты от меня требуешь?

У Нонны был сильно развит материнский инстинкт, она и Димочку полюбила потому, что о нем хотелось заботиться. Он подолгу занимался у нее в библиотеке, а она подкармливала его бутербродами. Через некоторое время Нонне показалось, что она не может без него жить, и Димочка откликнулся на ее чувство. Ему тоже что-то показалось, в результате появился Алешенька, и отец Нонны купил дочери трехкомнатную квартиру. Димочка сначала сопротивлялся такому проявлению отцовской заботы тестя, но потом смирился и переехал из своей общаги к Нонне и Алешке. Тем более, что работать в отдельной квартире удобнее, чем в общежитии среди выпивающих соседей.

В последнее время Димка задыхался от давления жены, она совершенно вымотала его своими требованиями. Вышла замуж за врача, а требует от него, как от среднестатистического клерка, чтобы вовремя приходил домой и клал на стол зарплату, премию и чаевые. Это она называет заботой о сыне. Но Димка считал, что для воспитания сына важнее исполнить свое предназначение, а сын сам все увидит. Димкин отец был военным летчиком. Он погиб, уводя горящий самолет от аэродрома, хотя мог выпрыгнуть с парашютом и остаться жить. Но он подумал о людях, которые были на аэродроме, и Димка гордился отцом. Хотя вырос без него. Отец все время как бы незримо присутствовал в его жизни, и Димка сверял по нему свои поступки.

— Как жаль, что ты никого вокруг себя не замечаешь, — горько говорила Нонна.

— Наоборот, я думаю о многих людях, — удивлялся Димочка.

— О многих — значит, ни о ком всерьез. Твои больные растаскивают тебя по кусочку, а близким, которые тебя по-настоящему любят, ничего не остается, — возражала ему жена. — Роднее нас с Алешенькой у тебя никого нет, пойми это.

— Я знаю, но я так ничего не успею, Нон, — виновато ответил Димочка.

— Чего ты не успеешь?

— Когда-нибудь люди научатся жить правильно и перестанут болеть. Все будут молодые, сильные, красивые и добрые. Потому что на самом деле ведь старости нет. Есть злость, обиды, стяжательство, а отсюда и болезни, и старость. И вот когда так будет, я пойму, что сделал все, что мог, и вы с Алешкой можете мной гордиться, — помечтал Димочка.

— Когда-нибудь через сто лет... — усмехнулась Нонна, наливая грибной суп. — Чехов ты мой, Антон Павлович. Давай я тебя покормлю. Когда я тебя кормлю, я понимаю, что живу не зря. А мне предложили место заведующей библиотекой, и я думаю о расширении платных услуг.

— Зачем? — удивился Димочка.

— Затем, что все хорошее стоит денег. Еще я разговаривала с директором одной частной клиники, они мечтают о таком специалисте, как ты. Это займет у тебя два часа в неделю.

— Я подумаю, — согласился Димочка, потому что понимал, что нужно пойти навстречу, иначе напор Нонны вызовет катаклизмы в природе. И если где-нибудь случится, например, землетрясение, то его причиной будет несовпадение их с женой мировоззрений.

Олег, хозяин частной клиники, пригласил Нонну в ресторан. По его глазам Нонна поняла, что одним рестораном не отделаешься, Олег надеется на продолжение, так сказать, развитие отношений. Почему бы и нет, ради семьи можно и на это пойти. Не на Димочку же надеяться, ждать, когда он проявит инициативу, принесет копейку в дом. Приходится все делать за него, решать, где он заработает и как обеспечить ему этот заработка. К тому же Олег не был противным, даже наоборот. Олег сильный, за ним — деньги и власть. Димочка как ребенок, в редкие свободные минуты он играет с Алешенькой на равных, ползает по ковру в детской с таким серьезным видом, как будто выполняет ответственное задание. Нонна смотрит на них снисходительно, как строгая мамаша на расшалившихся детей. Нонне захотелось прислониться к крепкому мужскому плечу, сколько можно играть роль мамаши? Она вздохнула, нашла в мобильнике номер Олега и нажала вызов.

Димка протянул руку и не нашел чашки с чаем. Поднял голову и встретил насмешливый взгляд медсестры.

— Ася сегодня не вышла на работу, — объяснила Надежда, надевая пальто.

— Заболела? — забеспокоился Димка.

Надежда покала плечами, попрощалась и ушла. Димка узнал Асин адрес в отделе кадров и пошел к ней. Дверь ему открыла Ирина, проводила в комнату, где Ася лежала на диване с градусником, и исчезла.

— У тебя был врач? — строго спросил Димка, увидев ртутный столбик на отметке 38,5.

— Я знала, что ты придешь, — покачала головой Ася.

— Откуда ты могла это знать? Ты не числишься на моем седьмом участке, — удивился Димка.

— Оттуда, — кивнула Ася головой на альбом с рисунками.

Димка напоил ее чаем с малиной и медом, укрыл одеялом и приказал:

— Спи, я подожду, пока спадет температура. — И открыл Асин альбом. Ася послушно закрыла глаза.

Димка перебирал рисунки и удивленно посматривал на девушку. Ася не искала новые образы, брала уже созданные классиками и примеряла их к Димке. Маленький принц, Грей, Принц с живым соловьем... Эта девушка разглядела его настоящего, подумал Димка. А вот еще интересный рисунок... Дон Кихот седьмого участка...

Димка вытер полотенцем вспотевший лоб Аси. Температура спала. Ася беспокойно зашевелилась и открыла глаза:

— Ты еще придешь?

— Куда я денусь с подводной лодки, — улыбнулся Димка. — Я теперь за тебя отвечаю.

С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ

Когда гроза стихла и потоки воды с неба прекратились, Она закрыла зонт, подняла голову и увидела Его. Над головой у Него сияла радуга, ослепительно яркая и четкая, и хотелось всматриваться в нее, чтобы запечатлеть в памяти это ускользающее чудо. Он был необыкновенно высоким, не до радуги, конечно, но казалось, что до радуги. Радуга сияла над ним, как нимб, и как будто ему принадлежала. И потом, когда Она о Нем думала, неизменно представляла над Его головой радугу, таким сильным было впечатление первой встречи.

— Ты откуда взялся? — улыбнулась Она. — Здесь никого не было, я одна пережидала грозу.

— С Другой планеты, — улыбнулся Он в ответ. — Прилетел, только что. Окончание грозы самое благоприятное время для посещения незнакомой цивилизации.

— А как называется твоя планета? — не поверила Она.

— Другая, — ответил Он серьезно. — Это название.

Она восприняла это как милую шутку, не придала значения. Он казался ей таким знакомым, таким родным и понятным, как будто они знали друг друга тысячу лет до этой грозы и не расставались ни на минуту. Непостижимое чувство родства. Это из-за улыбки, поняла Она, Он так хорошо улыбается, что не хочется отводить от Него взгляда.

— И зачем же Ты прилетел к нам на грешную землю? — решила поддержать она шутку.

— Работать, — серьезно удивился он непониманию. — Разве могут быть другие цели?

— Могут, — всмотрелась она в Него. — Например, чтобы никогда не расставаться. Я буду рядом с Тобой всю жизнь! Или Ты думаешь, что так не бывает?

— Бывает, наверное. Будь, — разрешил Он, вошел в звездолет и запер дверь. Она ахнула и судорожно подергала за ручку, дверь не поддавалась.

— Но ведь Он пригласил меня остаться? — напряженно вспоминала Она их диалог. Она разбила летнюю кухню рядом со звездолетом и раскрыла поваренную книгу. Настал момент творчества. Она готовила блюда и ставила их перед дверью, надеясь, что аромат вкусной еды послужит для Него приманкой, и Он откроет дверь, чтобы поесть.

Но за дверью грохотало, как будто стучал молот по наковальне. Он работал и ничего не слышал. А может быть, на Его планете не принято было обедать, а потом благодарить за обед. А Она так ждала, что Он оценит ее кулинарные способности. Доброе слово и кошке приятно, а уж тем более женщине, а Она была всего лишь женщиной, глупой, слабой и любящей, и держалась за сердце, орудуя поварешкой. Ей были непонятны Его инопланетные изыскания, Она мечтала о том, что Он сядет за стол так, как принято у нее на родине, нож справа, вилка слева, и съест ароматное жар-

кое. А потом выйдет на луг и сорвет для нее ромашку, встанет на одно колено и протянет Ей цветок... А Она возьмет это маленькое солнышко в обрамлении белоснежных лепестков и поднесет к лицу, и солнце окажется так близко, и войдет в нее, согреет и наполнит счастьем все ее существо. Она так долго и терпеливо этого ждала, так много выбросила приготовленных для Него кушаний, так искренне не понимала, почему Он не оценил их по достоинству и чем же питаются на Другой планете, что в конце концов Ее терпение лопнуло. Она не перестала готовить для Него, но метала блюда Ему под дверь с такой яростью, что Он услышал эту ярость даже сквозь грохот собственного молота о наковальню и открыл дверь.

Он хотел выйти к Ней из звездолета, но не знал, куда поставить ногу, потому что не только стол, но и весь пол Ее летней кухни был заставлен мисками и плошками, и Он замер перед этим непривычным зрелищем. Она ждала, а Он пожал недоуменно плечами, осторожно раздвинул ногой тарелки и сделал шаг Ей навстречу. Сердце Ее готово было выпрыгнуть от радости видеть Его, но что-то было не так... Она напряженно всматривалась: картинки не совпадали. То, что, по ее мнению должно было произойти, не совпадало с тем, что происходило. Он не пробовал кушанье, не млюл от восторга и не бежал на луг за ромашкой. Он даже не соскучился по Ней. Просто кто-то помешал ему стучать молотом, и Он вышел взглянуть, в чем дело.

— Ты не рад меня видеть, — обиделась Она, когда Он преодолел все препятствия из мисок и плошек и подошел к Ней совсем близко.

— Но ведь я смотрю на Тебя, — удивился Он, — разве не это главное?

— Ты даже не заметил, как я тебя ждала, — не сумела Она сдержать гнев. — Как я старалась...

— Ты так долго мешала мне работать, а я терпел, — объяснил Он. — Я не прогнал Тебя, когда Ты мешала мне работать. И как только у меня появилась свободная минута, я сразу пришел к Тебе.

— Не прогнал, — оскорблена хмыкнула Она. — Это так трогательно...

— Я нашел для Тебя время, — снова объяснил Он, — это самая большая ценность на Другой планете. Можешь считать, что я дарю Тебе самое дорогое, что у меня есть.

— Я ждала, я так долго Тебя не видела, а Ты... — Она отвернулась от Него и не заметила, как Он нетерпеливо повел плечами и ушел в звездолет. Из-за двери звездолета снова послышался грохот молота по наковальне. Из ее глаз потекли бессильные слезы. Он стоял так близко от Нее, что стоило только протянуть руку и можно было ощутить тепло Его ладони, нужно было сделать один шаг навстречу, и совсем рядом были бы Его глаза и губы, и все его инопланетные выпуклости и впадинки точно совпали бы с ее земными, и все встало бы на свои места, и радость узнавания заполнила бы все их существо. Но Она предпочла выяснить отношения. А теперь дверь звездолета закрыта, и непонятно, увидит ли Она Его снова...

— Наверное, не стоит больше ждать... — подумала она. Однако не ждать Его было выше ее сил. Ей даже не приходило в голову оглянуться вокруг и поискать родное существо среди своих земных, потому что больше

ни над чьей головой не плыла в небе радуга, а такое не забывается никогда. Ее рука инстинктивно, как к извечной защите, потянулась к поварешке. Это было единственное, что Она могла Ему подарить, и такое искреннее, до самого дна, непонимание, прозвучало в Ней, что из ее глаз снова брызнули слезы.

— Я даже не успела сказать, как сильно я люблю Его, — ревела Она, щедро добавляя специи в суп харчо. — Я ничего не успела Ему объяснить, а Он уже закрыл дверь своего звездолета.

Она метала тарелки к Его двери и ждала. А вдруг Он уже улетел, с ужасом думала Она, пробираясь к самой двери и вслушиваясь в грохот за Ней. Ведь непонятно, что там грохочет. Может быть, там внутри есть взлетная площадка, с которой улетают в космос какие-то особые маленькие звездолетики, а внутри этого большого что-то грохочет само по себе, просто так грохочет себе — и все!!! И нету Его там!!! И не дождется она Его со своим ароматным супом харчо, и не поразит Его воображение!!!

Что-то оборвалось у Нее внутри. Она уселись среди своих тарелок и начала горестно выть, как Ярославна на стене Путивля. Слезы катились у Нее из глаз и собирались в ручьи, и переполняли реки, моря и океаны, Ее плач поднимался куда-то в верхние слои атмосферы, и там начинало происходить что-то невообразимое, и, наконец, в небе встала радуга. Она была такой ослепительно яркой и четкой, что хотелось всматриваться в нее, чтобы освежить в памяти это ускользающее чудо, уже виденное ею однажды. Ну, конечно, Она не забыла. Это Его радуга. Вот Он идет к Ней, раздвигая ногами тарелки, расчищая себе путь. Он идет к Ней!!!

— Боже мой, — по-бабы всхлипнула Она, — Ему ничего не надо. Я тут жду, парю-варю, готовлю, а Он шагает мимо тарелок?

Неужели это Он? Ну, конечно, это Он! Она ни минуты не сомневалась, что дождется, что Он придет, никуда не денется. А иначе зачем тогда это все? Ведь это все — для Него, все ее таланты, все ее думы, все мысли о Нем, все это вылилось в суп харчо. А что еще Она может Ему дать? Неужели Он лишит Ее этой радости — дарить?

— Вот, поешь, пожалуйста, — жалобно сказала Она, когда Он ее обнял, и все Его инопланетные выпуклости и впадинки точно совпали с ее, как будто Мастер подогнал их друг к другу. Она вздохнула и зачерпнула

ложкой суп из ближайшей тарелки. Стارаясь не расплескать, поднесла ложку к Еgo лицу и приказала:

— Открой рот. — Потом напряженно всматривалась, как Он прожевал и проглотил суп, и замерла в ожидании.

— Сойдет, — одобрил Он.

— Ну, и... — вопросительно посмотрела Она Ему прямо в глаза.

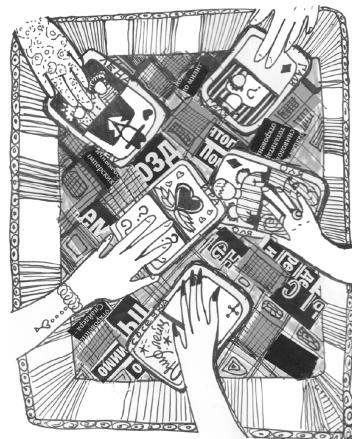
— Чего ты еще от меня хочешь? — скучно пожал Он плечами. — Ты хотела, чтобы я съел твой суп — я съел. Я старался.

— А где ромашка? — изумленно спросила Она. Вслед за поеданием супа, и не таким вялым, как у Него, а с восторгами и изумлениями, непременно должна была появиться ромашка. Она так в это верила, что даже протянула за ромашкой руку, но рука наткнулась на пустоту, холодную и скользкую, и Она убрала из этой пустоты руку и брезгливо вытерла неприятную склизь.

— На Другой планете не дарят цветы в благодарность за суп, — устало объяснил Он. — У нас цветы растут сами по себе и имеют собственную значимость. Мы не вмешиваемся в их жизнь и не обрываем ее по своей прихоти.

— А если я мечтала — это тебе все равно? — недоумевала Она и отвернулась к понятным ей кастрюлям, как бы обращаясь к ним за помощью. Снова рушился созданный ею мир, и Она хваталась за что-то близкое и доступное, что способно было удержать ее на плаву, не дать утонуть в непривычном хаосе чужой и чуждой ей жизни. Когда Она обернулась, Его рядом не было, а из-за двери звездолета доносился знакомый грохот. Этот грохот успокаивал. Она вслушивалась в привычный ритм ударов, радостно кивала им в такт, и ждала... ждала, когда снова откроется дверь и выйдет Он, и раскинется в небе просторная радуга. И Она поднимется навстречу Его приближающимся шагам, и протянет к Нему руки, и будет ждать, когда Он подойдет совсем близко, и Она почувствует все его выпуклости и впадинки, так точно совпадающие с ее, как будто Мастер подогнал их друг к другу. А суп... уж, конечно, Он оценит ее суп... Должно же у них быть хоть что-то общее, понятное им обоим, Она же чувствует, что они созданы друг для друга... Она привычно встала к плите своей летней кухни и взяла поварешку...

II. ПЬЕСЫ

ДЕВИЧНИК
НЕНОРМАЛЬНАЯ
ХОЧУ

ДЕВИЧНИК

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Лена, невеста

Оля, одноклассница

Ира, однокурсница

Галя, сослуживица

Катя, соседка

Крыса Люська

Банщица

Бабушка

Шурик

Петр

Стриптизер

Андрюша

Маленькая городская баня с сауной и бассейном. В предбаннике открыт праздничный стол.

ОДНОКЛАССНИЦА. Я, по праву, должна первый тост сказать, потому что я нашу Леночку дольше вас всех знаю. Мы с ней вместе в садик ходили, потом в школу, вместе на свидание бегали. Помнишь, Лен, как мы к Шурику вместе пришли и – опаньки! – говорим: выбирай!

СОСЕДКА. Кошмар! Причем здесь Шурик? Лена за Петра замуж выходит, так что никаких Шуриков сегодня!

СОСЛУЖИВИЦА. Девочки, подождите! Как же без Шуриков? На то и девичник, чтобы всех Шуриков вспомнить – и проститься с ними!

НЕВЕСТА. Девочки, пойдемте попаримся, а потом за стол сядем.

Входит банщица с вениками.

БАНЩИЦА. Девочки, венички покупаем, березовые, ароматные!

НЕВЕСТА (*достает кошелек*). Девчонки, выбирайте.

Подруги выбирают веники, невеста платит. Все переходят в сауну.

НЕВЕСТА. Сегодня смою с себя всю прошлую жизнь – и, чистенькая – шагну в новую, замужнюю. Я еще никогда не была женой... Девочки, как это – быть женой?

ОДНОКУРСНИЦА. Замечательно, Лен, не сомневайся. Вы куда после свадьбы? В Турцию или в Париж?

НЕВЕСТА. На дачу – ребенка делать в умеренном жизнеспособном климате. Я ужасно хочу ребенка. Сегодня напьюсь, а с завтрашнего дня – здоровый образ жизни. Буду образцовой женой и мамочкой.

ОДНОКУРСНИЦА (*смеется*). Ты до-олго выбирала! Всех на курсе замуж отдала, а сама ни в какую! Хитрила, самого лучшего выбирала!

ОДНОКЛАССНИЦА. Меня она сразу после выпускного замуж отдала – за Шурика, а потом – опаньки! – прямо на свадьбе с ним целовалась.

НЕВЕСТА. Всего один раз. Выпила – жалко стало, что Шурик не меня выбрал.

ОДНОКЛАССНИЦА. На самом деле он нас обеих выбрал, он все гребет, что само плывет в руки.

СОСЕДКА. Ужасы рассказываяешь! Девочки, посмотрите новый каталог «Орифлейм». Лен, смотри, помада какая классная. Ешь, пей, целуйся на свадьбе – ничего ей не сделается.

НЕВЕСТА. Вообще-то я купила все, и на макияж уже записалась. Но посмотрю, может, потом куплю.

Листают журнал.

НЕВЕСТА. Я в бассейн. Девчонки, потом за стол. Оля, с тебя первый тост – но без Шурика. Кто старое помянет...

Выходит из сауны.

СОСЛУЖИВИЦА. Оля, подожди... Ты серьезно, Лена с твоим женихом прямо на свадьбе целовалась?

ОДНОКЛАССНИЦА. И на свадьбе, и после свадьбы. Она все десять лет в школе по нему сохла, а когда он меня выбрал – снотворного наглотала, еле откачали.

СОСЛУЖИВИЦА. Так ему жалко ее стало, что ли?

ОДНОКЛАССНИЦА. Откуда я знаю? Самолюбие, наверное, приятно щекотало от такого обожания.

ОДНОКУРСНИЦА. А потом?

ОДНОКЛАССНИЦА. Что потом? Уехала она потом из поселка, в институт поступила. Ты же с ней учились, все знаешь.

ОДНОКУРСНИЦА. Вы с Шуриком как потом жили?

ОДНОКЛАССНИЦА. Мы и сейчас живем. Ни одной юбки не пропускает. И к Ленке в город он долго ездил – и она его принимала, я знаю. Но пойдемте тоже окунемся – и за стол, ждет же невеста наша.

Проходят к Лене в предбанник, садятся за стол.

Входит банищица с бутылками.

БАНИЩИЦА. Девочки, покупаем настоечки! ароматные, понюхайте, какие!

НЕВЕСТА. Да мы со своим...

БАНИЩИЦА. Как можно отказываться? У нас не отказываются... Праздник у тебя али не праздник?

НЕВЕСТА. Ну, ладно, давайте вот эту, на смородине (*разливает*). (*Однокласснице*) Давай, подруга, свой тост.

ОДНОКЛАССНИЦА. Я хочу выпить за первую любовь. Так получилось, что первая любовь у нас с тобой была одна на двоих. Но у меня сложилась семья, родились дети, а тебе мой Шурка принес только боль. Наверное, ты позвала меня на свадьбу, чтобы доказать мне, своей сопернице в первой любви, что — опаньки! — и у тебя все получилось, и ты теперь невеста. Я хочу, чтобы ты знала: я за тебя рада! Честно.

НЕВЕСТА. Спасибо, Оля.

Целуются. Все встают, чокаются: за первую любовь!

ОДНОКУРСНИЦА. Все начинается с любви!

Твердят: вначале

было

слово...

А я провозглашаю снова:

Все начинается с любви!

Входит банищица, у нее в руках клетка с крысой.

БАНИЩИЦА. Это кто животное принес? Скребется там. В баню с животным нельзя!

ОДНОКЛАССНИЦА. Это не животное, это Люська. Дети в лагере, муж в командировке, а ей дома одной скучно, она одна не любит. Я ее понимаю.

БАНИЩИЦА. У нас баня, у нас нельзя антисанитарию разводить, унесите животное!

ОДНОКЛАССНИЦА. Да она, знаешь, какая чистая! Она каждую минуту умывается. Смотри, белая вся! И умная очень. У нее ай-кью, знаешь, какое? Больше, чем у человека! Какое она тебе животное!

НЕВЕСТА (*берет кошелек*). Оля, подожди. (*выводит банищицу*) Да-вайте договоримся.

(*Возвращается с клеткой.*) Держи свою Люську.

ОДНОКЛАССНИЦА (*сует палец в клетку, гладит крысу*). Люська моя, выгнать тебя хотели, а теперь ты с нами — ешь, пей (*берет со стола рюмку, закуску, сует в клетку*) Гуляй, Люська, у нас девичник, подруга детства замуж выходит!

СОСЛУЖИВИЦА. Лена, а вы... А вы с Петром все распланировали? Сразу ребеночка родишь, а потом как — сама на работу, а ребенка с няней?

НЕВЕСТА. Ни в коем случае! Никаких нянь! Сама буду с ребенком сидеть, грудью кормить буду — никаких смесей, ни в коем случае.

СОСЕДКА. Няни — это ужас! Няням ребенка доверять нельзя. Девочки, вот посмотрите новые бады — для коррекции веса, для омоложения. Лен, посмотри, для беременных и кормящих матерей — рекомендую.

НЕВЕСТА. Интересно, воспользуюсь.

СОСЛУЖИВИЦА. Лена, подожди... Лена, сама в декрет, а отдел наского оставил?

НЕВЕСТА. Ну, я же не завтра в декрет, подумаю. Может, на тебя. Почему бы и нет?

СОСЛУЖИВИЦА. Да я... Я не для этого спросила... Но вообще я справлюсь, правда.

НЕВЕСТА. Замечательно. Девочки, пойдемте, попаримся еще разок.

Все перемещаются в сауну. Делают маски.

ОДНОКУРСНИЦА. Рекомендую замечательный скраб: мед пополам с солью. Коже потом гладкая, как у младенца.

СОСЕДКА. Девочки, а я советую кислородную маску от Орифлейм. Я регулярно ее использую, посмотрите: ни одной морщинки.

ОДНОКУРСНИЦА. Девчонки, помните, как мы в юности читали «Ромео и Джульетту», мечтали о большой-большой любви, а потом все просто вышли замуж.

ОДНОКЛАССНИЦА. Почему – просто? По любви вышли.

ОДНОКУРСНИЦА. Ну, мне кажется, что большая-большая любовь не может обрасти бытом, длиться изо дня в день. Она обязательно должна стать трагедией. Или быть недостижимой, как у Петрарки к Лауре.

Я чувствовал – оправданна тревога,

Вдали от вас не властен жизнь вдохнуть

Никто в мою хладеющую грудь...

Женщина где-то в глубине души обязательно мечтает о такой любви. Правда, Лен?

НЕВЕСТА. Ни в коем случае! Никаких трагедий. Только одно большое бесконечное безоблачное счастье. Но я в бассейн, я здесь долго не выдерживаю. Девчонки, не задерживайтесь. Я вас жду за столом.

Выходит из сауны.

СОСЛУЖИВИЦА. Счастье, построенное на несчастье другого.

ОДНОКЛАССНИЦА. Ты о чем?

СОСЛУЖИВИЦА. Да вот... Петра-то она из семьи увела. Хорошая была семья, двое детей: мальчику 12 лет, а девочка в садик еще ходит.

ОДНОКУРСНИЦА. А ты откуда так подробно все знаешь?

СОСЛУЖИВИЦА. Я с женой Петра много лет дружу, когда они в отпуск уезжали, я всегда с детьми оставалась. У мальчика, между прочим, опасный возраст, когда у ребенка в таком возрасте родители разводятся, это плохо оказывается на психике.

ОДНОКУРСНИЦА. А ты, выходит, с женой Петра дружила, а теперь к Лене в подружки набиваешься? Жены у начальника меняются, а ты остаешься?

СОСЛУЖИВИЦА. Мы с Петром однокурсники, так что я прежде все-го с Петром дружу. Я Лену не осуждаю: всем хочется такого мужа, как Петр. Но и не одобряю, потому что там дети осиротели. Петр, конечно, их не бросит, будет помогать, но для детей это стресс, сами понимаете.

ОДНОКЛАССНИЦА. Опаньки! Вот тебе и трагедия. Ленка же не может просто так, она прямо-таки замешана на трагедии. А я-то думаю, чего она от Шурика отцепилась? А она, оказывается, в новую трагедию вляпалась.

ОДНОКУРСНИЦА. Чего ты со своим Шуриком привязалась? Лена могла сколько угодно раз замуж выйти, ей еще в институте руку и сердце предлагали.

ОДНОКЛАССНИЦА. Опаньки, предлагали ей! Да ей не нужен тот, кто предлагает руку и сердце! Ей нужен тот, кто не предлагает, кого нужно завоевывать. Кто от нее отказывается, понимаешь? Чтобы было из-за кого страдать.

СОСЕДКА. Кошмар какой! Вообще-то Лена за Петра замуж выходит, через неделю свадьба – вы забыли?

ОДНОКЛАССНИЦА. Да помним. Но сколько она смотрела на него преданными глазами, пока он от жены уйти решился? Ведь это практически несбыточное дело – двоих детей бросил, чем не трагедия?

СОСЛУЖИВИЦА. Лет пять она его обхаживала, не меньше.

ОДНОКЛАССНИЦА. Ставит трудную цель и – опа! – добивается.

ОДНОКУРСНИЦА. Шурика-то не стала добиваться.

ОДНОКЛАССНИЦА. Мой Шурик не дурак. Он привязан к дому, в котором его ждут. Погулял – вернулся, еще погулял – снова вернулся.

СОСЕДКА. Жуть на цыпочках! И зачем он тебе такой?

ОДНОКЛАССНИЦА. Люблю, наверное. Просто я разбираюсь в мужской психологии, мужики полигамны, закон природы. Но пойдемте, она нас за столом ждет. Героиня праздника, все-таки.

Возвращаются к столу. Появляется банища с бутылкой.

БАНИЩА. Девочки, еще настоечки?

НЕВЕСТА. Да мы еще эту...

БАНИЩА. Как можно отказываться? У нас не отказываются... Пейте, гуляйте, пока молодые!

НЕВЕСТА (*достает кошелек*). Ну, ладно, давайте еще...

Банища берет деньги и уходит.

НЕВЕСТА. На самом деле, большая любовь может обрасти бытом и длиться изо дня в день. Правда, при этом она все равно становится трагедией, подчас по независящим от нас причинам. Я слышала о такой любви. Моя бабушка так любила деда, долго-долго, родила ему детей, потом проводила на фронт и ждала. А потом получила похоронку. Почернела вся – верила и не верила похоронке. Хоть бы одним глазком, говорит, на моего Андрюшу взглянуть. И вдруг он пришел к ней.

ОДНОКУРСНИЦА. С войны вернулся?

НЕВЕСТА. Кто его знает, откуда. Только вся деревня видела, как он с бабушкой за водой к колодцу шел. Она вся светится, глаз от него оторвать не может. А он говорит: я к тебе, Анфисушка, завтра приду, как смеркаться станет – я в дверь постучу, ты открай. Дошел до колодца – и сгинул.

СОСЕДКА. Страх какой! Как это сгинул?

НЕВЕСТА. Ну, пропал, значит.

СОСЛУЖИВИЦА. А потом?

НЕВЕСТА. А на следующий день все бабы у Анфисы собрались и связали ее. Он пришел: отвори, говорит, Анфиса. А бабы ей рот ладонью зажали, она и пикнуть не смогла. Он и ушел. Не приходил больше.

ОДНОКУРСНИЦА. А кто это был?

НЕВЕСТА. Бабы говорили, дьявол. Подслушал, как она по деду убивалась – и пришел вместо него. Бабушка рассказывала: вижу – Андрюша

передо мной стоит, рядом совсем, а обнять его не могу. Тянусь-тянусь, а все никак не дотронусь. Смотрю на него, каждую черточку вбираю. Такая мука.

Послышался четкий стук в дверь. Женщины испуганно переглянулись.

ОДНОКУРСНИЦА. Ты кого-то ждешь?

НЕВЕСТА. Никого не жду. Показалось, наверное.

СОСЕДКА. Ужас, как напугалась! А потом что?

НЕВЕСТА. Где?

СОСЕДКА. Ты сказала, он не приходил больше.

НЕВЕСТА. А потом бабушка смирилась вроде, перестала говорить о своем Андрюше и ждать его с войны, поняла, что нет его больше. Да только она и не жила уже как будто. Вроде ходит, что-то делает, говорит, а все о чем-то своем думает.

СОСЛУЖИВИЦА. В уме повредилась, что ли?

НЕВЕСТА. Да нормальная она была, но как будто ей все не в радость. Вроде приветливая, но не улыбается. О детях заботится, а тепла они не чувствуют. Она и прожила недолго, лет пять после похоронки протянула и умерла. Истаяла.

ОДНОКЛАССНИЦА. Что-то я не слышала эту историю. Да, Люська, мы не слышали эту историю?

НЕВЕСТА. Так мама и не рассказывала ее никому. А в поселке она приезжая, после техникума по распределению приехала. Дед у меня красавец был, а бабушка скромная, незаметная. Говорят, я на нее похожа, фотографий не осталось.

ОДНОКУРСНИЦА. У тебя тихая красота, нерезкая, в глаза не бросается. Зато в сердце остается надолго. «Чистейшей прелести чистейший образец».

НЕВЕСТА. Спасибо, Ириш. Мне мама давно бабушкину историю рассказала, и я всегда боялась полюбить так, как бабушка.

СОСЕДКА. Кошмар какой! Но все равно любить – это прекрасно, без любви ужасно одиноко. Знаете, я тоже всю жизнь боялась к кому-нибудь привязаться сильнее, чем он ко мне. Вот и осталась одна, жуть просто! Вчера ко мне соседский мальчишка зашел, ключи от дома забыл. Я его магазинными пельменями накормила (знаете, для одной себя и готовить не хочется). Он поел, потом огляделся и спрашивает: а что у тебя, тетя Кать, ни Кольки, ни Машки нету? Маленький, в первом классе всего, а понял, что неправильно тетка живет.

НЕВЕСТА. Я не про привязанность говорю, а вот про такое сильное чувство, когда нет человека – и ничего больше без него нет. Жизни без него нет, понимаешь?

Появляется женщина, как две капли воды похожая на Лену, в нарядном платье и туфельках послевоенной поры. Приложила руку козырьком к глазам и смотрит «в даль», как будто ждет кого-то. Это Ленина бабушка.

Женщины потрясенно всматриваются в нее.

НЕВЕСТА. Бабушка...

БАБУШКА. Хоть бы одним глазком на Андрюшеньку взглянуть... я и платье себе новое сшила – для него...

НЕВЕСТА. Бабушка, ты же умерла...

БАБУШКА. Я, может, и умерла, а Андрюша живой.

НЕВЕСТА. Разве ты его ТАМ не встретила?

БАБУШКА. Как же я его ТАМ встречу, когда он ЗДЕСЬ остался?

Бабушка уходит.

СОСЛУЖИВИЦА. Что это было?

НЕВЕСТА. Ну, вот, рассказала на свою голову. Теперь мерещится всякое.

СОСЕДКА. Жуть какая!

ОДНОКЛАССНИЦА. А моего Шурика ты не так любила?

НЕВЕСТА. Не так.

ОДНОКЛАССНИЦА. А чего же снотворного наглоталась?

НЕВЕСТА. По молодости и глупости. Потом ведь я замечательно без него жила.

ОДНОКЛАССНИЦА. Так уж и без него? Он к тебе каждый выходной в город ездил.

НЕВЕСТА. Значит, не ко мне. Ты его ревновала к каждому столбу, выдумывала, чего и не было.

ОДНОКЛАССНИЦА. Правда? А целовалась зачем?

НЕВЕСТА. Да не целовалась я с ним. Блевала с перепою, первый раз водку пила. А он покурить вышел, увидел, что мне плохо, держал меня за шею, чтобы аккуратно блевала, платье не испачкала. Потом умыл и мы вместе в столовую вернулись. А ты насочиняла себе.

ОДНОКЛАССНИЦА. Что же ты мне раньше не сказала? (*достает крысу из клетки*) На вот, подержи Люську, смотри, какая хорошая!

НЕВЕСТА. Спасибо, не надо. Ты не спрашивала. С чего бы я объясняться стала?

ОДНОКЛАССНИЦА. Ну, почему же не надо? Подержи, видишь, она тебе доверяет (*всовывает крысу в руки Лене*). Странно я себя сейчас чувствую. Как будто и рада, что зря Шурика ревновала всю жизнь – и как будто он мне не так уже нужен.

ОДНОКУРСНИЦА. Упал в цене Шурик. Оказывается, это ты трудности любишь, чтобы было за что бороться. Интересный у нас девичник получается. Когда я замуж выходила, мы все мечтали о прекрасной романтической любви, которая будет длиться целую жизнь.

И я, как бабочка к огню,

Тянулась так неудержимо

В любовь, волшебную страну,

Где назовут меня любимой...

Лен, помнишь, мой девичник? Ты тогда эту историю не рассказывала.

НЕВЕСТА. Я боялась ее повторить в своей жизни, никогда никому не рассказывала. Говорят, я очень на бабушку похожа.

Появляется бабушка. Вся ее поза выражает ожидание. Ей навстречу выходит Шурик, молодой мужчина в современной ультрамодной одежде со скромным букетиком цветов. Бабушка всматривается в него.

БАБУШКА. Андрюша? Одет чудно как-то? Давно тебя не видела, уж и лицо-то забывать стала. Андрюшенька мой – и глаза голубые, и волос курчавый... Дай-ка я по волосам проведу... жесткие, как проволока, только у Андрюши такие были. Пойдем домой, родной мой, ненаглядный...

Лена и Оля тоже всматриваются в мужчину, держатся рукой за сердце.

НЕВЕСТА. Бабушка, как тебе не стыдно... Ты моего жениха уводишь!

БАБУШКА. Какой он тебе жених, детка? Он тебе дедушка.

ОДНОКЛАССНИЦА. Шурик, ты что же не умрешься никак? Уже за покойницами ухаживать начал? Не стыдно тебе? (*забирает крысу у Лены*) Люська вот на тебя смотрит!

ШУРИК. Иди домой, женщина, твоё место на кухне. Жди меня к ужину.

Шурик уходит с крысой. Оля возвращается за стол раскрасневшаяся и возбужденная.

ОДНОКЛАССНИЦА. Бабка-то не промах. Внучка, видать, вся в нее пошла.

НЕВЕСТА. Обозналась она. Похож, видно, на деда Шурик, вот она и перепутала.

ОДНОКУРСНИЦА. Странная какая-то баня. Что здесь происходит вообще?

(*банщице*): Что за аномальные явления в вашей бане происходят?

БАНЩИЦА. Это не явления. Это банный хулиганит.

ОДНОКУРСНИЦА. Какой банный?

БАНЩИЦА. Ну, дома – домовой, а в бане – банный. Вы не бойтесь, он веселый, он плохого не сделает.

ОДНОКУРСНИЦА. Ну, если веселый, тогда, конечно, ладно...

СОСЛУЖИВИЦА. Лена, подожди... Лена, ты раньше боялась про бабушку рассказывать? А сейчас не боишься?

НЕВЕСТА. А сейчас у меня все определилось. Мне с Петром тепло и уютно, хочу родить от него ребенка. Главное – это ребенок. Тридцать пять уже – куда еще откладывать?

СОСЛУЖИВИЦА. Лена, а ты... Ты не любишь разве Петра?

НЕВЕСТА. Люблю, но по-другому. Как тебе объяснить? Я встретила мужчину, от которого хочу ребенка. Так, как бабушка, я, слава богу, никого не любила, я не знаю этого чувства, но как будто понимаю, какое оно – и не

хочу его узнать. Оно порабощает – и ты как будто уже не хозяйка над собой. И все вокруг все равно. Всем от этого плохо.

ОДНОКЛАССНИЦА. А тому, кого так любят?

НЕВЕСТА. Я не знаю точно. Мама ведь отца почти не помнит. Но мне кажется, что это трудно выдерживать, когда в тебе для человека сосредоточен весь мир. И в то же время от этого трудно отказаться.

ОДНОКЛАССНИЦА. Опаньки! Ты так рассуждаешь, как будто знаешь, о чем говоришь!

НЕВЕСТА. Мне это знание по генам от бабушки передалось. Самое ценное в жизни – это дети. Это я точно знаю. Моя мама в детдоме выросла. А могла бы – рядом с матерью, если бы бабушка хотела жить ради детей, а не стремилась так к своему Андрюше.

СОСЕДКА. Ужас какой! Вот Галя сказала, что ты отца у детей отнимаешь. А говоришь, что самое ценное – это дети.

СОСЛУЖИВИЦА. Да я... Я ничего такого... Я не так сказала...

НЕВЕСТА. Я бы и так от Петра родила. Это его решение уйти ко мне. Я же говорю – я увидела в нем отца своего ребенка. Я думаю, что у его бывшей жены хватит ума жить ради детей. Тем более, что Петр в какой-то степени останется с ними, будет им помогать.

Появляется бабушка с младенцем на руках. Качает ребенка, напевает колыбельную. Ребенок тихонько плачет.

Баю-баюшки-баю
Баю доченьку мою.
Спи-усни, пока отец
На чужбине мается.
Хоть войне давно конец,
Горе не кончается.
Спи-усни, дай отдохнуть,
Дай поплакать матери...
Ах, полна разлукой грудь,
Молока так мало в ней.

Бабушкино лицо становится все отстраненней, нежность к ребенку стирается с него, бабушка качает ребенка механически, думает о своем. Она не замечает, что ребенок плачет все сильней. Подходит Лена, берет ребенка на руки, бабушка даже не заметила этого.

НЕВЕСТА. Маму качаешь? Бедная моя мама...

Баю-баюшки-баю,
Баю мамочку мою.
Баю мамочку мою,
Словно деточку свою.

Ребенок затихает в руках Лены, и она тихонько передает его бабушке.

БАБУШКА. Уснула? Пойду в колыбель положу.

ОДНОКУРСНИЦА. Носики-курносики сопят...

СОСЛУЖИВИЦА. Ну, конечно... Конечно, жена Петра будет жить ради детей, не станет делать из развода трагедию. Она уже устроилась на работу, раньше у нее не было такой необходимости – а теперь работает. Вполне оптимистично все восприняла.

СОСЕДКА. Кошмар, честное слово, кошмар... Жуть на цыпочках! Когда меня Миша бросил, я сразу устроилась на вторую работу. Не потому, что мне не хватало на жизнь, а чтобы не входить в пустые стены. То есть, я, конечно, все равно входила, надо же где-то ночевать. Но я приходила – и падала на постель, и спала без снов. Это совсем другое, чем размазывать сопли у подруг, рассказывать им, что тебя бросили. Просто работаешь и работаешь – и ни о чем, кроме работы не думаешь.

ОДНОКЛАССНИЦА. Это ты биодобавки продаешь на второй работе?

СОСЕДКА. Нет, это я раньше на двух работах работала. Миша от меня семь лет назад ушел. Потом притупилось все, вторая работа мне теперь без надобности. А биодобавки я для собственного удовольствия прощаю. Между прочим, у меня есть такие, которые нервную систему успокаивают. Ревнуют обычно люди с угнетенной психикой.

ОДНОКЛАССНИЦА. У меня не угнетенная. И у нас с Шуриком прекрасные дети. Старший, Сашенька, отличник и в общеобразовательной, и в музыкальной школе. А младший в этом году в первый класс пойдет. Два сына, слышишь, подруга? Опаньки! Два сына! – тут я тебя обогнала.

НЕВЕСТА. Я знаю, Оля, ты молодец. Девочки, давайте выпьем за детей. Дети – самое лучшее, что есть на свете. Галя, а у тебя дети есть? Мы пять лет вместе проработали, а я ничего о тебе не знаю.

СОСЛУЖИВИЦА. Да, не знаешь... У меня мальчик, Петя, пятнадцати лет, я студенткой еще родила.

СОСЕДКА. А муж у тебя есть?

СОСЛУЖИВИЦА. Нет, наш папа с нами не живет... но он нам помогает.

СОСЕДКА. А с ребенком общается?

СОСЛУЖИВИЦА. Ну, как сказать... Конечно. Каждое воскресенье приезжает. Сейчас, правда, пореже, у него какие-то сложности. Но это не важно. Петя все равно чувствует, что папа его любит.

НЕВЕСТА. Галя, а почему он на тебе не женился?

СОСЛУЖИВИЦА. Ну... Сложная натура... Да, сложная... Я целую жизнь пытаюсь его понять, но не получается. Всю жизнь рядом с ним женщина, которая готова ради него на все. А он и не берет ее – и не отпускает.

НЕВЕСТА. Всю жизнь рядом с ним?

СОСЛУЖИВИЦА. Ну, гипотетически... На самом деле он в соседней области, иногда приезжает на выходные, как будто в командировку. Там у него семья, сами понимаете.

ПЕТР. Ты сразу не отказывайся. У тебя все данные, чтобы отдел возглавить (*с удовольствием оглядывает стройную бабушкуну фигурку*). Вот Лена уйдет в декрет – и принимай отдел. Галя, правда, давно у меня эту должность просит. Но ничего – подождет, ей не привыкать ждать.

БАБУШКА. Какой отдел? На кой он мне? У меня одно дело – Андришу ждать. Отдел Гале отдан, мне не до него.

СОСЛУЖИВИЦА. Петр... Петр, подожди... Бабушка правильно говорит, мне отдел нужнее, чем ей. А ты что же... А ты что же к нам не заходишь? Петя заждался тебя.

ПЕТР. У меня сложности, разве ты не видишь? С каждым днем все больше и больше сложностей.

Петр машет рукой, уходит. Бабушка постояла немного и задумчиво пошла в противоположную сторону.

СОСЕДКА. Ужас, честное слово! Как собака на сене – и сам не «гам», и другому не дам. Нравится ему, значит, что ты замуж не вышла, верность блюдешь.

СОСЛУЖИВИЦА. Ну, да... Думаю, нравится. Больше того, я думаю, что она ему нужна, как воздух – моя верность. Это мой единственный мужчина, несмотря на то, что предал.

СОСЕДКА. Кошмар! Это нужно исправить.

СОСЛУЖИВИЦА. В каком смысле?

СОСЕДКА. На предательство надо отвечать предательством. Девочки, давайте закажем мальчиков.

НЕВЕСТА. Ты в своем уме?

СОСЕДКА. Ну, мы не в буквальном смысле мальчиков закажем, а стриптизеров. Продолжение не обязательно. А потом, ты думаешь, что твой Петр сейчас девочек не заказал? Он тоже прощается с холостой жизнью.

НЕВЕСТА. Да он уже был женат. Но если ты считаешь, что это нужно Гале...

СОСЕДКА. Конечно, считаю. Это своеобразная биодобавка, но ее нет в «Орифлейм». Давайте скинемся, зовите банщицу.

О чем-то шепчеться с банщицей.

СОСЛУЖИВИЦА. Девочки, подождите... Девочки, если это только ради меня – то я против. Меня устраивает моя роль. Если тебя ударили по правой щеке – подставь левую.

ОДНОКЛАССНИЦА. В самом деле, а чем еще мы можем ответить на их полигамность? Только посмотреть стриптиз. Можно сказать, изменить виртуально. Я – за.

ОДНОКУРСНИЦА. Девочки, давайте лучше поговорим о романтической любви, ее так не хватает в нашей жизни.

И была у дон Жуана донна Анна.

Вот и все, что люди мне сказали

О прекрасном, о несчастном дон Жуане...

Но сегодня я была одна.

Ровно в полночь вышла на дорогу.

Кто-то шел со мною в ногу,

Называя имена.

И белел в тумане чей-то посох странный...

Не было у дон Жуана донны Анны!

(плачет)

СОСЕДКА. Ужас, честное слово, ужас! Довел девку! Любви ей не хватает! А стриптиза тебе хватает?

ОДНОКУРСНИЦА. Но я не понимаю... все должно быть красиво. И если эту красоту не приносят в жизнь наши мужчины — ее должны создавать мы сами. Я, например, иногда покупаю цветы, чтобы вазочки дома не пустовала. Подкладываю мужу в карман нежные записочки.

ОДНОКЛАССНИЦА (*в сторону*) Вот дура! (*Ирине*) А он как реагирует?

ОДНОКУРСНИЦА. Ругается. Но пусть всем будет понятно, что этот мужчина занят — если кто-то другой захочет положить в его карман записочку. А еще я обязательно оставляю на его рубашке запах своих духов.

СОСЕДКА. Кошмар какой! И после этого тебе не хочется ему изменить?

ОДНОКУРСНИЦА. Хочется!

НЕВЕСТА. Девочки, а от стриптиза дети бывают?

Входит стриптизер — и начинается его танец с каждой из женщин. Лена поочередно делит в танце мужчину сначала с Олей, потом с Галей. Танец странный, неровный, женщины то подстраиваются под партнера, то бросают ему вызов, как будто боятся раскрыть свою женскую суть.

Неожиданно появляется бабушка, а ей навстречу — Андрюша в гимнастерке. Они тоже танцуют — так, как танцевали в довоенные годы. Их танец слаженный, ровный, красивый.

Стриптизер и женщины уступают им пространство сцены, остаются в тени.

НЕНОРМАЛЬНАЯ

Моно-пьеса

Ну, да, это опять я. Стою тут, как пень, жду тебя. Вообще-то не как пень. Пень ты можешь перепрыгнуть, его любой перепрыгнет. Перепрыгнешь и убежишь... Я, знаешь, как кто... Как гора. Точно, я гора. Гору не перепрыгнешь. Вот попробуй – прыгни? Ну, прыгни! Попался! Я тебя поймала. Не вырвешься. Я с тобой, знаешь, что сделаю... Ни за что не догадаешься!

Смеется.

Я тебя покачаю на ручках. Спи. Баю-бай. Ты мой маленький, мой хорошеный. Никому тебя не отдам. Мой собственный.

Ну, чего ты обзываешься? Мне же обидно. Ну, ладно, пусть я дура не-нормальная. А кто нормальный? Ну, кто нормальный? Ты, что ли? А ты знаешь, что сумасшедшие – они как раз нормальные? Потому что они живут так, как им хочется. Делают только то, что им хочется. Разговаривают, с кем хотят и о чем хотят. Они не подвержены условностям. Если хочешь знать, я намеренно сошла с ума. Нет, не потому, что мне так удобно. Не потому, что меньше спрос. А потому, что мне так хочется. Мне хочется стоять здесь и ждать тебя, видеть тебя, разговаривать с тобой. И ничего другого я делать не хочу.

Смеется.

Я, собственно, всегда только этим и занималась: ждала тебя, разговаривала с тобой, рассказывала тебе, как я тебя жду и скучаю, как болит душа, когда ты далеко. Да, болит душа. А ты все время далеко. Каждый день ты просыпаешься в далеком доме, разговариваешь с кем-то другим, идешь куда-то по своим делам, делаешь их где-то далеко, кому-то говоришь «здравствуйте... до свидания», улыбаешься им, потом возвращаешься в свой далекий дом. Минуя меня. И я всегда думаю, как счастливы те, с кем ты разговариваешь, кто видит, как ты улыбаешься. И вот так всегда у нас с тобой получается, что я всегда разговариваю с тобой, а ты с кем-то еще. И я тоже разговариваю с тобой и параллельно с кем-то еще.

Разводит руками, недоумевая.

Ты замечаешь, как нелогично все получается? То есть логика уже нарушена. Ты, может быть, даже ничего не понял из моего рассказа.

Пожимает плечами.

То есть я уже понемногу начала сходить с ума. Потому что очень трудно контролировать этот процесс, когда ты, то есть я делаю какие-то дела, с кем-то разговариваю, а сама в это же самое время жду тебя и разговариваю

с тобой. Представляешь, я делаю целых три дела сразу: я занимаюсь делом, а сама в это время разговариваю с тобой да еще жду тебя. Так кто угодно сойдет с ума. И даже, представляешь, я умудрялась рассказывать тебе, что я делаю, то есть рассказывать о своих делах и представлять себе, как ты где-то там идешь и что-то делаешь. Это уже четвертое дело. И при этом я тебя ждала. То есть я ждала тебя вообще и в принципе. Ждала тебя по жизни и заодно там, где ты обычно идешь в этот самый свой далекий дом. Это, наверное, уже шесть дел. То есть я всегда делала шесть дел одновременно. И ты еще называл меня бездельницей! Ничего подобного! Не бездельница. Но все-таки с катушек я постепенно съезжала, плакала часто, потому что это такое нервное перенапряжение всех сил...

Вздыхает, задумывается.

В общем, постепенно я поняла, что на мои собственные дела меня уже не хватает. Потому что они для меня как бы уже не важны: ходить на работу, работать ее, эту самую работу, общаться с разными людьми, о чем-то с ними говорить мне не хочется. Хочется говорить только с тобой и о тебе, ну, и обо мне тоже, вернее, о том, что для меня важно: как я тебя жду, как люблю. Я ведь тебя люблю. Ну, а раз я не могу все время с тобой говорить – все остальное время я буду тебя ждать. Стоять тут – и ждать. Как гора. Стану горой.

Хихикает.

Я понимаю, что я схожу с ума. Но я схожу с ума совершенно сознательно, так сказать, в здравом уме и трезвой памяти. А сколько вокруг нормальных, которые просто не позволяют себе сойти с ума, хотя на самом деле живут совсем не так, как им хочется. Работают на нелюбимой работе, общаются с неприятными людьми, под кого-то подстраиваютя, терпят кого-то невыносимого. Вместо того, чтобы делать только то, чего на самом деле хотят.

Ты даже не догадываешься, что чокнутые на самом деле очень счастливые. Потому что они свободны. Живут так, как настоятельно требует душа, а не так, как предписано. Знаешь, какая я сейчас счастливая? Ведь это такое счастье – ждать тебя! Просто ждать и наслаждаться этим ожиданием. Я – сильная, высокая, как гора. Я всех выше. Видишь, ты не смог меня обойти, издалека заметил, запрыгнул ко мне на руки и отдыхаешь на моих руках. Слушаешь, как я тебя люблю – и наслаждаешься этим. Ведь на самом деле тебе всегда хотелось именно этого – слушать, как я тебя люблю. Я сейчас говорю это свободно и смело, не пугаясь, потому что у меня не шесть дел одновременно, как раньше было, а только одно – любить тебя. И я не плачу, видишь, я не плачу больше. Потому что я очень сильная, у меня прибавились силы, потому что я просто разрешила себе любить. Перестала запрещать.

Ошибаешься. Я не эгоистка. Я стала горой для тебя. Твоей Горой. Ты можешь легко взбежать на эту гору, раскинуть руки и лететь. И не упадешь. Потому что я тебя удержу. Я твоя опора. Ты летишь и смеешься, потому что тебе легко и весело. Ведь ты любим! Я твоя опора и твой полет. Это мое предназначение. Любовь – это единственная реализация женщины. Все остальное – подмена, или как это по-научному...сублимация, вот. Это когда чем-то несущественным подменяют главное и пытаются так себя выразить, реализоваться. И ошибаются. Дела какие-то делают. Какие у женщины могут быть дела?

Посмотри, какой красивой я стала! Молодой и красивой. Любящая женщина не стареет. Потому что любить – это естественно. Говорить на языке любви – естественно. Не надо искать слова – они сами приходят. Естественные жесты, мимика. Естественно прикосновение к любимому. Естественно быть счастливой, даже если ты просто стоишь под дождем и ждешь. Ты ведь хочешь ждать. Вернее, я хочу ждать. Поэтому жду тебя. Я – Гора. И зеленеют мои леса под этим дождем, напитываются благословленной влагой. А после дождя взойдет на небе радуга. И я загадаю желание. А желание у меня всегда одно – чтобы ты пришел, увидел Гору, легко взбежал на нее и полетел. И был счастлив. Потому что полет всегда дарит ощущение счастья. Мгновенного и острого, как ледяной душ. Видел моржей? И оздоравливается не только тело, но и душа. И желание повторить это мгновение. Ты ведь всегда можешь встать под ледяной душ, если захочешь. Ты свободен в своих желаниях.

Задумывается.

Понимаешь, я не призываю тебя сделать, как я. Сойти с ума. Ты свободен. Я даже не хочу, чтобы ты это сделал. Я понимаю, что кто-то из нас должен оставаться нормальным, контролировать себя... и меня. И я благодарна тебе за то, что ты меня контролируешь. Уступаешь мне право быть контролируемой сумасшедшей. Надеваешь на меня смирительную рубашку, если я становлюсь опасной для окружающих. Всаживаешь мне успокаивающий укол. Ставишь меня под ледяной душ.

Потрясенно оглядывается вокруг.

Ах, да, я ошиблась. Ледяной душ – это отрезвление, а не счастье. Это когда ты понимаешь, что ты сошел с ума и перестал правильно воспринимать действительность. Вернее, я перестала. А ты меня под ледяной душ, чтобы я очнулась... Чтобы на нас не оборачивались и не показывали пальцем...

Оглядывается вокруг с ужасом.

Дура ненормальная... А это что за руины вокруг? Землетрясение, что ли было? Гора раскололась? Потому что сошла со своего места? Чего это она вздумала сходить со своего места? Стояла бы себе, где положено. Ты-то цел? Это самое главное... чтобы тебя не задело... чтобы не поранило... чтобы цел...

ХОЧУ

*Пьеса в одном действии
по мотивам романа О. Бальзака «Шагреневая кожа»*

Действующие лица:

Андрей Петрович, мужчина лет 60.

Андрей, молодой человек лет 19.

Ирина, бизнеследи, не молодая, но богатая.

Изабелла, юная проститутка.

Отец Андрея.

1 сцена. Гостиничный номер Андрея Петровича.

Роскошный номер в высотной гостинице. В распахнутое окно видно небо. Андрей Петрович распаковывает чемодан, достает вещи. Входит молодой человек.

АНДРЕЙ. Такси вызывали? Я жду вас почти час.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ждите, я никуда не тороплюсь.

АНДРЕЙ. Вам придется оплатить ожидание.

Андрей Петрович достает из чемодана и протягивает ему пачку денег.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Этого хватит?

АНДРЕЙ. В общем, да. За такие деньги я могу подождать.

Поворачивается к двери, чтобы выйти из комнаты.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Подождите здесь, молодой человек. Я хотел вам рассказать... у меня тяжело на душе...

АНДРЕЙ. Разговоры не по моей части, но если заплатишь – расскажывай...

Андрей Петрович достает из чемодана и протягивает ему еще одну пачку денег. Потом подносит к самому лицу молодого человека белье.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Видите, чистое? А еще я купил дорогую туалетную воду. Я вообще всегда старался хорошо выглядеть. А она говорила: отойди, старый вонючий козел...

Только тут молодой человек замечает, что старик пьян.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Старость ни в ком не вызывает сочувствия. Но целую неделю я буду купаться в любви и роскоши. В течение недели вы будете возить меня в банк за деньгами, а потом привозить мне в номер мясо, вино и девочек.

АНДРЕЙ. Это ты называешь пожить в роскоши?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Сейчас это для меня роскошь. Жена напоила меня и пьяному подсунула какие-то документы, я подписал. А когда пропротрезвел, оказалось, что у меня нет прав на собственную квартиру и денег на моем счету в банке тоже нет. А чтобы не вякал... она так и сказала, чтобы не вякал... она сунула мне немного денег, которых, по ее мнению, должно было хватить на комнату в коммуналке. И выгнала старого мужа.

АНДРЕЙ. На большую комнату?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. В каком смысле?

АНДРЕЙ. Деньги на большую или на маленькую комнату в коммуналке?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вас, я вижу, тоже интересуют мои деньги. Старики для молодых – только источник денег, увы.

АНДРЕЙ. Не любоваться же на вас. А жена молодая?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Она была моей студенткой. Ради нее я ушел из семьи, влюбился.

АНДРЕЙ. Старый похотливый козел.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Она думает, что теперь избавилась от меня навсегда, но через неделю ей придется хоронить меня. Я не зря выбрал номер на самом высоком этаже этой гостиницы. Сотый этаж. У меня не будет никаких шансов выжить, а перед смертью я испытаю чувство полета.

АНДРЕЙ. А почему ты не выбрал жизнь в коммуналке? Много ли надо старику?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Когда-то я отказался от богатства, хотя мне предлагали все и сразу. Все, что захочу. Это было заманчивое предложение, но я любил, поэтому был сильным и отказался от незаслуженных благ.

АНДРЕЙ. Выбрал любовь и бедность?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Выбрал любовь. Учился, работал, потом преподавал. Интересно жил. Все закончилось, когда я предал свою любовь, первую жену. Теперь мне остался только этот сотый этаж, больше я ничего не хочу.

АНДРЕЙ. А какие богатства тебе предлагали, когда ты был молодым – все и сразу?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Исполнение желаний. Желай – и все исполнится.

АНДРЕЙ. Что исполнится?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Да все, что захочешь. Не нужно прикладывать никаких усилий, стоит только пожелать – и все исполнится.

АНДРЕЙ. Ты золотую рыбку, что ли, поймал, стариик?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. В нашем роду от отца старшему сыну передавалась по наследству шагреневая кожа вместе с преданием о том, что она исполняет любые желания. Но с каждым исполненным желанием кожа съеживается, становится меньше, а вместе с ней сокращается жизнь хозяина. Нужно было только дать согласие, заключить договор. Да ты читал, наверное, Бальзак еще про нее писал. Не читал? В общем, это все уже было. Но в нашей семье ей никто не воспользовался, ведь она должна была исчезнуть вместе с человеком.

АНДРЕЙ. Может быть, она потом восстанавливалась как-нибудь...

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А ты, я смотрю, веришь в сказки. Впрочем, не знаю, ни отец, ни дед не рассказывали ничего такого, а я не проверял.

АНДРЕЙ. А где сейчас эта шагреневая кожа?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. В чемодане. Но я не хочу ей воспользоваться.

АНДРЕЙ. Твоя студентка...

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Она меня обидела, я не хочу больше ее видеть.

АНДРЕЙ. А отомстить?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Жизнь ей отомстит.

АНДРЕЙ. А бывшая жена?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Она умерла, не смогла без меня жить.

АНДРЕЙ. Значит, шагреневая кожа тебе не нужна? И тебе некому передать ее по наследству?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. У меня нет детей.

АНДРЕЙ. Подари ее мне, старик.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я рад, что могу услужить тебе, хотя не думаю, что мой подарок окажется полезным для тебя.

Андрей Петрович взял из чемодана кожу, задумался.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вообще, ты развлек меня перед смертью. Ты за неделю управишься?

АНДРЕЙ. В каком смысле?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, ты же собираешься желать? И платить за это жизнью? Ты молодой, алчный, наверное, пожелаешь много и сразу? Я думаю, недели тебе хватит, так что мы вместе туда отправимся. Давай вместе с сотового этажа? Испытаем чувство полета.

АНДРЕЙ. Ты уж как-нибудь без меня... Ты даришь мне шагреневую кожу или нет?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Бери. Давай обведем этот лоскут по контуру. Увидишь, как он будет уменьшаться.

Обводит на скатерти шагреневую кожу по контуру. Протягивает ее молодому человеку.

АНДРЕЙ (читает надпись на коже) Желай – и исполнится. Круто!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Как тебя зовут?

АНДРЕЙ. Андрей.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Приятно познакомиться. Я тоже Андрей. Андрей Петрович.

Обмениваются рукопожатиями. Андрей сминает кожу и кладет ее в карман.

АНДРЕЙ. Прощай, тезка. Приятного полета.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. До свидания, Андрей.

2 сцена. Площадка перед гостиницей.

Эту сцену можно снять на камеру и транслировать на экране. Андрей выходит из гостиницы. Видит свою машину, пинает колесо.

АНДРЕЙ. Развалюха! Мне нужна тачка покруче. Да что там! Самая крутая тачка! Майбах! Я о ней даже мечтать не смел! Хочу Майбах! Черт! Сумасшедший старик! Хотя почему сумасшедший? Он почему-то не поверил в свою семейную легенду! А я поверил, потому что очень хотелось. Хочу Майбах! Ничего не изменилось.

Вдруг рядом с Андреем останавливается Майбах, за рулем которого сидит немолодая ухоженная дама.

ИРИНА. Молодой человек, я впервые в вашем городе. Не составите компанию? Ну, достопримечательности покажите!

Андрей ошарашенно смотрит на машину.

ИРИНА. Хотите сесть за руль? Покатайте меня по городу? Как вас зовут?

АНДРЕЙ. Андрей.

Ирина уступает ему место за рулем.

ИРИНА. А меня Ирина. Приятно познакомиться.

Андрей садится за руль. Они уезжают. Старик насмешливо смотрит на них с крыльца гостиницы.

3 сцена. Бар гостиницы.

Старик заказывает вино. К нему подсаживается молоденькая проститутка. Через некоторое время входят Ирина и Андрей.

ИРИНА. Пожалуй, я здесь и поселюсь. Хорошая гостиница. Давайте вместе поужинаем, Андрей?

Андрей кивает. Они садятся за столик. Ирина заказывает ужин. Андрей оглядывается, видит старика, тот обнимает проститутку за соседним столиком. Старик приветственно кивает Андрею.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Через неделю жду тебя, Андрей. У меня хороший вид из окна.

ИРИНА. Что это за старик?

АНДРЕЙ. Так, знакомый.

ИРИНА. В чужом городе так одиноко.

АНДРЕЙ. А ты к нам надолго?

ИРИНА. Я открываю филиал фирмы в вашем городе, буду бывать здесь время от времени. Завтра улечу в Москву, а машину...

Андрей напрягся, внимательно смотрит на Ирину.

ИРИНА. А машину, пожалуй, оставлю здесь. И для филиала мне нужен управляющий. Вы, кстати, чем занимаетесь?

АНДРЕЙ. Я еще и пожелать не успел... Я как раз хотел поменять работу... В смысле, я очень хочу тебе помочь... потому что... ты мне очень нравишься...

ИРИНА. Вот и отлично. Завтра оформим все бумаги, а сегодня поухаживай за дамой. Пригласи меня танцевать.

Ирина и Андрей танцуют. Старик тоже приглашает проститутку танцевать. Время от времени пары оглядываются друг на друга.

ИРИНА. Странный старик. Знакомый, говоришь? Знакомый твоих родителей?

АНДРЕЙ. Да нет, мой знакомый. Мы сегодня познакомились.

ИРИНА. Твой? Почему-то он мне не нравится. Сильно пьян и смотрит как-то странно, как будто что-то такое про нас знает... неприятное...

АНДРЕЙ. Просто пьяный мужик – и все. А че там тебе управлять?

ИРИНА. Завтра, все завтра. Завтра я всему тебя научу. А сегодня мы отдыхаем.

Пары танцуют, постепенно гаснет свет.

4 сцена. Гостиничный номер Андрея Петровича.

Андрей входит в номер к старику. Номер заставлен бутылками. В кровати полуобнаженная проститутка с фужером вина. Старик пьет за столом.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Добрый вечер, Андрей. Ты рано пожаловал. Прошло всего два дня.

АНДРЕЙ. Ирина погибла.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Мои соболезнования. Как это случилось?

АНДРЕЙ. Какие, к черту, соболезнования. Самолет разбился. Ирина оставила мне фирму и машину. Майбах. Я наследник.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Мои поздравления. Видимо, ты сильно ее впечатлил.

АНДРЕЙ. Я старался. Но где логика? Почему она составила завещание? Разве она знала, что самолет разбьется?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. У шагреневой кожи своя логика.

АНДРЕЙ. У шагреневой кожи? Что ты несешь? Я не заказывал гибель Ирины.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Где шагреневая кожа?

АНДРЕЙ. Вот она.

Достает из кармана лоскут кожи, прикладывает к контуру на скатерти, она заметно меньше прежнего. Молодой человек очень сильно испугался.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Надо полагать, за неделю она исполнит все твои желания. Они не замысловаты, но требуют видимых усилий. Кожа сильно сжалась.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я больше ничего не хочу. Я совсем ничего не желаю, понимаешь? Возьми ее назад.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, что ты, малыш? Она и раньше мне не нужна была, а сейчас тем более. Это ты заключил с ней договор.

АНДРЕЙ. Забери назад.

Бросает шагреневую кожу. Но лоскут шагреневой кожи словно приплип к его руке.

АНДРЕЙ. Чертовщина какая-то.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я тоже полагаю, что без черта здесь не обошлось.

АНДРЕЙ. Что мне делать?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Не знаю. Я тебя предупреждал. Воспользуйся хотя бы тем, что ты теперь имеешь. Ты так дорого за это заплатил.

Входит отец Андрея.

ОТЕЦ. Андрей, слава богу, я тебя нашел! Ты два дня дома не появлялсяся. Мама переживает.

АНДРЕЙ. Что ты ходишь за мной, как за маленьkim, отец? Как ты вообще меня нашел?

ОТЕЦ. В таксопарке сказали, что ты приехал по вызову в гостиницу и отключил радио. Что ты здесь делаешь? Что это за люди?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вы не волнуйтесь так. Я друг Андрея, я его плохому не учю.

ОТЕЦ. Ну, что вы говорите, как вы можете быть другом моему мальчику? И вообще, чем вы тут занимаетесь? Вы пьяный, женщина в постели.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я здесь живу. Андрей у меня в гостях.

АНДРЕЙ. Отец, я не маленький уже. Я взрослый.

ОТЕЦ. Пойдем домой.

АНДРЕЙ. Я сам решу, когда и куда мне идти. Я тут решаю разные вопросы.

ОТЕЦ. Какие вопросы? И что у тебя с работой?

АНДРЕЙ. Нормально у меня с работой. Я теперь директор фирмы. И у гостиницы стоит мой Майбах.

ОТЕЦ. То есть как? Какой фирмы?

АНДРЕЙ. Неважно. Важно, что она приносит много денег.

ОТЕЦ. Вчера ты был водителем такси? А сегодня хозяин фирмы?

АНДРЕЙ. И Майбаха. Время теперь такое, дела быстро делаются.

ОТЕЦ. Да, быстро делаются... То есть это хорошо, что ты директор... Я горжусь тобой. И мама. И соседи скажут, Андрей молодец. А что за фирма? какое направление? Строительство? Торговля?

АНДРЕЙ. Фирма как фирма... какое-то направление...

ОТЕЦ. Но тебе интересно работать?

АНДРЕЙ. Ниче, сойдет...

ОТЕЦ. Кому сойдет?.. куда сойдет?.. Ты что-то не договариваешь, сын. Так не бывает. Даром никому ничего не дается. Все зарабатывается трудом. И работа должна приносить удовольствие. Сам процесс. Это важно.

АНДРЕЙ. Работа должна приносить деньги. Можно без удовольствия. И даже можно не работать, главное, чтобы деньги были. Это тыолжнизарабатывал. И оставшуюся половину тоже, вероятно, будешь зарабатывать. Грошевую пенсию. А я... Я тебе докажу, как далеко может упасть от яблони яблочко. У меня уже сейчас все есть. А будет еще больше.

ОТЕЦ. Это с ним ты делаешь свои дела? Это он с вами? Объяснитесь, пожалуйста.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Наверное. Но я ему ничего такого не советовал.

АНДРЕЙ. А мне не надо советовать. Я сам все могу.

Андрей подходит к проститутке.

АНДРЕЙ. Как тебя зовут?

ИЗАБЕЛЛА. Изабелла.

АНДРЕЙ. Как вино. Я хочу, чтобы ты стала моей, Изабелла!

ИЗАБЕЛЛА. Легко. Хотя тебе это будет кое-чего стоить.

Андрей и Изабелла целуются. Андрей начинает раздевать проститутку. Отец, потрясенный, смотрит на сына. Вдруг он очнулся и схватился за ремень.

ОТЕЦ. Андрей, отойди от нее!

АНДРЕЙ. Уйди, отец! Я хочу быть свободным от тебя!

Отец хватается за сердце и бессильно опускается на стул. Гаснет свет.

5 сцена. Гостиничный номер Андрея Петровича.

Андрей и Изабелла пьют и целуются. Входит старик.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Солнышко-то какое сегодня!

АНДРЕЙ. Что с тобой, старик? На лирику потянуло?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Солнышко, говорю. А у нас с тобой три дня осталось. Как отец себя чувствует?

АНДРЕЙ. Нормально. Валокардинчику накапал, полегчало. Отлежится, у него и раньше сердце прихвачивало.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А как фирма? Я смотрю, ты не на работе.

АНДРЕЙ. Да че там, все крутится... управляющий докладывает... Мы с Белкой вот думаем, где бы потусоваться седня. Че-то ниче неохота. Все есть.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А что у тебя есть? Мой номер в гостинице?

АНДРЕЙ. Да я сейчас пожелаю...

ИЗАБЕЛЛА. Пожелай что-нибудь для меня! Я тоже хочу Майбах!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Подожди, Андрей. Не торопись. Я тебе книгу принес. Про твоего предшественника. Рафаэль де Валентен плохо кончил.

Протягивает Андрею книгу. Андрей мельком смотрит на обложку и кидает книгу на диван.

АНДРЕЙ. У него тоже была шагреневая кожа?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Была.

ИЗАБЕЛЛА. Как красиво его звали! Рафаэль де Валентен. Пожелай, чтобы тебя тоже так звали!

АНДРЕЙ. Вообще, можно. Представляю, у меня сразу отыщутся родственники во Франции, можно будет к ним в гости смотаться. Стоит только пожелать.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты видел, как сжалась шагреневая кожа после того, как ты пожелал стать свободным от своего отца? Я полагаю, что это желание стоило тебе многих лет жизни.

Андрей достал шагреневую кожу, приложил к контуру на скатерти. Кожа сильно уменьшилась. Андрей побледнел. Испуганно смотрит на старика.

АНДРЕЙ. Ты кто такой, старик?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я просто старик, Андрей. Я не навязывал тебе шагреневую кожу. Ты выпросил ее у меня.

АНДРЕЙ. Нет, ты здесь неспроста. Тебя даже зовут, как меня. И ты сразу подсунул мне свою шагреневую кожу. Желай – и все исполнится! Твои слова!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Меня зовут Андрей Петрович. Я профессор кафедры истории зарубежной литературы. В этом нет ничего мистического. А что касается нашей семейной реликвии, которая случайно досталась тебе, то это было только твоим желанием. Я ей не воспользовался ни разу в жизни не только потому, что я знал, что такое шагреневая кожа. Я жил, работал, любил, предавал. И честно за все платил. Я и сюда приехал для того, чтобы заплатить по счету в последний раз. А тебе почему-то неинтересно жить, работать, любить...

АНДРЕЙ. Мне больше ничего неинтересно. Я больше ничего не хочу... Не бросай меня, старик, я боюсь.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я и не бросаю. У нас с тобой есть еще три дня.

АНДРЕЙ. Почему три дня? Так мало?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Для того, чтобы что-то понять. Полюбить, в конце концов. Разве можно жить без любви?

ИЗАБЕЛЛА. Слушайте, я и так уже с вами три дня. И ничего не заработала. И еще три дня бесплатно, что ли? Андрей, подари мне свой Майбах хотя бы.

АНДРЕЙ. Да что вы заладили – три дня, три дня... Я буду жить вечно! Понятно вам? Я больше ничего не хочу. Ни-че-го!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Совсем ничего не желать у тебя все равно не получится. Ну, есть же у тебя хоть какие-то желания, самые низменные. Есть, пить... Изабеллу, наверное, хочешь.

АНДРЕЙ. Что? И за это тоже надо платить?!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Теперь и за это тоже. Ты же будешь как-то их выражать.

АНДРЕЙ. Не буду. Давайте сделаем так. Ты, старик, будешь каждый день в одно и то же время ставить мне на стол еду. А ты, Изабелла, каждый день в одно и то же время приходить ко мне.

ИЗАБЕЛЛА. Легко. Но тогда ты одним Майбахом не отделаешься. Тогда и фирму свою тоже мне оставь. Когда подаришь – тогда и приставай.

Изабелла ложится в постель и засыпает.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А я к тебе в слуги не нанимался.

АНДРЕЙ. А ты наймись. И потом, ты ведь тоже в какой-то степени повинен в том, что произошло.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ошибаешься, Андрей, это был твой выбор.

АНДРЕЙ. Что же мне тогда делать? Подскажи, старик?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я подсказываю. Проживи эти три дня с пользой.

АНДРЕЙ. С пользой, говоришь... Ладно, тогда будем перенимать опыт старшего поколения. Слушай, а чего студентка твоя тебе под зад коленом?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Не любила, чего ж тут непонятного.

АНДРЕЙ. А замуж зачем пошла?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, а ты за Ириной зачем пошел? И она примерно за этим.

АНДРЕЙ. Я же не женился.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, и она не навсегда, как видишь.

АНДРЕЙ. А ты не знал, что не любит она тебя, что ли?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Догадывался, вообще-то...

АНДРЕЙ. А жена, значит, любила. Жить не смогла. Она тоже из окна?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Сердце не выдержало. Инфаркт.

АНДРЕЙ. Печально. А я думал, все бабы одинаковые.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. И твоя мама тоже?

АНДРЕЙ. Да я тебе за маму!..

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вот и я о том же.

АНДРЕЙ. Так ведь мои предки так при своих идеалах и живут. Больше у них и нет ничего. Ну, в Сочи раз в пять лет ездят. Я так не хочу.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А как ты хочешь?

АНДРЕЙ. Да пошел ты! Она сейчас сжиматься начнет. Знаешь, чего мне все это стоит – и провоцируешь! Я понял, зачем ты здесь – тебе жизнь моя нужна! Ты – дьявол!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Не кричи, соседей перебудишь. Изабелла вон тоже спит. Не мешай.

АНДРЕЙ. Слушай, а тебе какая разница – пойму я что-нибудь в жизни – или просто так сдохну?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Профессия у меня такая. Сеять разумное, добре, вечное – это мое призвание.

АНДРЕЙ. А что в жизни главное – старик?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Да все, наверное. Второстепенного нет.

АНДРЕЙ. Я любить хочу. Сделать кого-то счастливым. Но не успею, наверное. Разве можно сделать кого-то счастливым за три дня?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Счастье измеряется не временем, а яркостью переживания. А порой – воспоминания. Пока жил – не знал, что ты счастлив. Но проходит время, и ты вдруг понимаешь, как счастлив был когда-то, потому что воспоминание об этом времени согревает тебя.

АНДРЕЙ. Я сейчас почему-то вспомнил, как мы с отцом ходили на рыбалку. Я маленький еще был. Отец сажал меня в лодку, и мы плыли на глубину озера. На озере тихо, слышно только, как отец весла в уклочинах поворачивает и выпь в камышах кричит. Потом мы тоже заплывали в камыши, отец закидывал удочку, а я играл с мальками. Опускал руку в воду, а они поклевывали меня в пальцы, не больно, только смешно. Вообще, было удивительно спокойно, совсем не страшно – отец рядом. И все, что он делал и говорил, мне казалось тогда единственным верным.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты был счастлив?

АНДРЕЙ. Абсолютно.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А почему ты не пошел в армию, сынок?

АНДРЕЙ. Откуда тебе известно, что я не был в армии?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты не похож на парня, который был в армии.

АНДРЕЙ. Родители отмазали, я у них один. Мама боялась.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. А ты?

АНДРЕЙ. А я не сопротивлялся родительскому желанию.

Входит горничная, приносит телеграмму для Андрея.

АНДРЕЙ. Отец умер. Мама не смогла дозвониться, прислала телеграмму. Как же так? Ему всегда становилось лучше после валокордина... Отец, я не смогу без тебя... Папа! Папа, я хочу, чтобы ты был жив! Я хочу! Пусть исполнится!

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Это невозможно, сынок. Смерть необратима. Шагреневая кожа не поможет.

АНДРЕЙ. Но почему? Почему? Почему Майбах можно, а отца нельзя? За это я бы заплатил! Я хочу умереть за отца, а не за железяку.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты сделал свой выбор, сынок, ничего уже не изменишь.

Свет в комнате постепенно гаснет.

6 сцена. Гостиничный номер Андрея Петровича.

В номере жуткий беспорядок. Андрей Петрович и Изабелла пьют и целуются за столом.

Входит Андрей.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты рано, Андрей. Неделя истекает только завтра.

АНДРЕЙ. А мне скучно без тебя, старик. Да и дома фигово как-то.

Мать плачет. Ну ее...

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Отца похоронил?

АНДРЕЙ. Похоронил. Прикинь, мать говорит, что если бы я не исчез на два дня, отец был бы жив. Я виноват, да? В общем, я ушел. Дайте выпить, я напиться хочу.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Садись, наливай. Отца помянем.

Андрей наливает вино, выпивает залпом.

АНДРЕЙ. Посмотрим, как она запоет, когда я тоже умру. Как будет соскребать меня с асфальта...

Андрей наливает еще, задумывается.

АНДРЕЙ. Как одиноко, старик, пусто как-то стало. Слушай, а твоя шагреневая кожа дала сбой, похоже. Я ведь любить хотел, так никого и не полюбил.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Чувства ей не подвластны, ты можешь заказывать только то, чем ты хочешь обладать.

АНДРЕЙ. Обладать? А что там шагрень, сильно сжалась?

Прикладывает лоскут кожи к скатерти, шагрень стала величиной с ладонь.

АНДРЕЙ. Изабеллу хочу. Может, я ее еще полюбить сумею. Не хочу я умереть без любви.

ИЗАБЕЛЛА. Еще чего! Любовь по тройному тарифу. Понял, пупсик? Мне со старишкой как-то веселее. Он хотя бы платит. А ты только пугаешь.

АНДРЕЙ. Старик, а как это, когда любишь?

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Так сразу и не расскажешь. Любовь – это когда жалко. Или радостно. Но обязательно в груди, у сердца тепло. И хочется никогда не расставаться. Никогда-никогда.

АНДРЕЙ. Здорово. У меня так никогда не было. А у тебя так было, Белка?

ИЗАБЕЛЛА. Издеваетесь, сволочи?

АНДРЕЙ. Белка, тебе меня жалко? Я ведь завтра умру. Иди сюда, я на тебя насмотрюсь напоследок.

Изабелла медленно подходит к Андрею. Свет на сцене гаснет, освещены только Андрей и Изабелла.

АНДРЕЙ. Ты очень красивая, я хотел бы смотреть на тебя долго-долго и никогда не расставаться с тобой. Белка, наверное, я тебя все-таки люблю. Тебе тепло у сердца?

ИЗАБЕЛЛА. Тепло.

АНДРЕЙ. Кто тебя, дуру, кроме меня еще любить будет? Поцелуй меня, Белка.

Изабелла подходит к Андрею совсем близко и целует его.

АНДРЕЙ. У тебя губы соленые. Ты плачешь? Щеки тоже мокрые и соленые. Как же я теперь тебя оставлю? Я теперь отвечаю за тебя. Я мог бы жить для тебя и делать тебя счастливой. Тебе хорошо со мной, Белка? Тебе тепло и радостно? И мне тоже тепло и радостно. Что ты там шепчешь?

ИЗАБЕЛЛА. Меня еще никто никогда не любил.

АНДРЕЙ. И меня. А здорово, что мы встретились, правда? Представляешь, если бы не этот чертов старик, я мог бы не узнать, что такое бывает: и жалко, и тепло, и радостно. Мог бы просто хотеть и обладать всем: деньгами, вещами и женщинами. А теперь вот узнал – и счастлив! И черт с ним совсем, что умру завтра!

ИЗАБЕЛЛА. Нет!

АНДРЕЙ. Что нет?

ИЗАБЕЛЛА. Я тебя не отдам! Я без тебя не смогу! Я не хочу без тебя! Я не хочу, как раньше!

АНДРЕЙ. Это хорошо.

ИЗАБЕЛЛА. Почему ты должен завтра умереть?

АНДРЕЙ. Ты же слышала, что старик говорил.

ИЗАБЕЛЛА. Я не слушала, мне раньше было все равно.

АНДРЕЙ. Старик подарил мне шагреневую кожу, она исполняет желания. После каждого желания кожа сжимается, а вместе с ней становится меньше моя жизнь. В общем, желания я оплачиваю своей жизнью.

ИЗАБЕЛЛА. Зачем?

АНДРЕЙ. Дурак потому что.

ИЗАБЕЛЛА. А ты откажись.

АНДРЕЙ. Поздно, этот договор нельзя разорвать. Я пытался. В общем, я желал так много и неудержимо, что шагрень стала уже меньше ладони. Наверное, завтра конец. Старик предлагает прыгнуть вместе с ним из окна, испытать чувство полета. Сотый этаж, долго лететь.

ИЗАБЕЛЛА. А ему зачем?

АНДРЕЙ. Он предал, его предали. У него свои счеты.

ИЗАБЕЛЛА. Вот пусть он и прыгает. А у тебя, может, еще обойдется. Я буду предугадывать каждое твое желание, вот увидишь, мы этот клочок кожи растянем на целую жизнь! Ты только не прыгай, ладно?

АНДРЕЙ. Ладно. А сейчас я хочу тебя, а ты не угадала, глупая?

ИЗАБЕЛЛА. Здесь старик.

АНДРЕЙ. Давно ли ты стала стеснительной?

ИЗАБЕЛЛА. Сегодня. Я теперь люблю, это другое.

АНДРЕЙ. Он спит, забудь о нем.

ИЗАБЕЛЛА. Нет.

АНДРЕЙ. Я хочу тебя, хочу...

Свет в комнате гаснет.

7 сцена. Гостиничный номер Андрея Петровича.

Андрей Петрович сидит за столом, пьет вино. Андрей потрясенно смотрит на кусочек шагреневой кожи величиной с ноготь. Изабелла молча плачет.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты уходи, девочка, не надо тебе это видеть.

Изабелла качает головой и встает у окна.

ИЗАБЕЛЛА. Андрей, отдай мне шагрень. Я заключу с ней договор вместо тебя. Она женского рода, она меня поймет.

АНДРЕЙ. Не отнимай у меня последние силы, Белка. Просто посиди со мной, я так хочу.

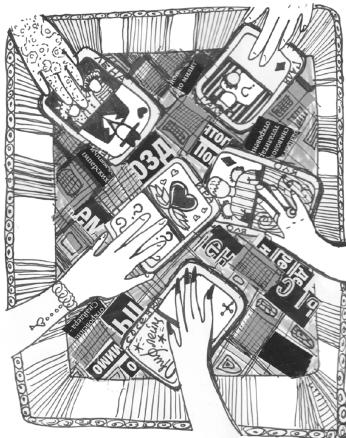
Изабелла присела рядом с Андреем и с ужасом увидела, что шагрень уменьшилась до капли. Изабелла кидается к окну и начинает судорожно открывать его.

ИЗАБЕЛЛА. Я! Я вместо него, слышишь?! Не трогай его, пожалуйста!

АНДРЕЙ. Нет! Не смей!

Андрей подбегает к Изабелле и пытается оттащить ее от окна. Андрей Петрович молча сидит у стола с фужером вина, пьет. Андрей и Изабелла в борьбе перевешиваются через подоконник и летят вниз с сотового этажа. Андрей Петрович ставит на стол пустой фужер, берет чемодан, выходит и закрывает за собой дверь.

III. Ю М О Р И С Т И Ч Е С К И Е М И Н И А Т Ю Р Ы

РЫБАЧКА ТОНЯ
ВИАГРА
ИСПЫТАТЕЛЬ
ДЕФИЦИТ
КЛИЗМА ДЛЯ ТАПОЧКИНА
СВАДЕБНЫЙ МАРШ
ЛЕКАРСТВО ДЛЯ МУЖА
МОЛИТВА
СВЕЧА
РЕЦЕНЗИЯ
УТИ-ПУТИ
ХОББИ
ШАПКА

РЫБАЧКА ТОНИЯ

Миш, это мы здесь, что ли, рыбачить будем? Ты с ума сошел! – здесь даже купаться нельзя! Зато рыбалка хорошая? Ну-ну, посмотрим!..

Миш, ты бутербродик хочешь? А я поем. Ты что это в воду кидаешь? Прикормку? И вот это они едят? Странные они, эти рыбы.

Ты зачем червяка в бутылочку с маслом окунашь, там же холестерин! Ешь потом эту рыбу! Ах, червяк только пахнуть маслом будет... Бедные рыбы, только понюхают. Миш, давай уж мы червяка сливочным маслом намажем, пусть от души поест. Ну, кто? Рыба, конечно. Ну, и червяк пусть тоже поест. Пусть оба поедят перед смертью.

Миш, сколько времени? Полдесятого уже? Самый хороший загар! А ты хотел на рассвете ехать. Кто же загорает на рассвете?! Миш, намажь мне спину кремом для загара. Хорошо мажь, не отвлекайся. Куда ты все время смотришь?! На поплавок? Господи, нашел, куда смотреть! На спину мне смотри!

Ты куда?! Клюет? Дергай скорее! Дергай, говорю! Что ты все эту ручку крутишь?! Ой, кто это? Карась? Это мы за ним сюда приехали? Почему это киты здесь не водятся? Водятся, просто ты не умеешь их ловить. Закидывай удочку правее – во-он к той камышинке. Потому что эта камышинка красивее! Если бы я была китом, я выбрала бы именно эту камышинку. Дергай! Дергай, говорю! Ну, все-таки не карась. Лягушачьи лапки пожарим, как в Париже.

Так, теперь поймай мне вон того гуся. Потому что жареный гусь лучше жареного карася! Ах, это лебедь... В Красную книгу занесен?.. Надо же, а к царскому столу подавали! Книг, что ли, тогда не было?

Молодой человек, какую вам еще путевку? У вас тут санаторий, что ли? Ах, на рыбалку путевку? Мы вашу рыбу натуральным сливочным маслом кормим – и еще платить за это должны?!

Миша, быстро вон того селезня поймай! Затем, чтобы извлечь из этой путевки максимальную пользу! Теперь поди вон ту корову! Кто ж виноват, что у них в пруду вместо китов коровы водятся!

Миша, ты куда опять часы дел? Полдвенадцатого уже? Миша, сворачивай свою рыбалку – в обед загорать вредно. Молоко и утку забирай, а карася обратно выпусти. Сами пусть чешую с кухни выметают.

ВИАГРА

Однажды утром Верка внимательно посмотрела на себя в зеркало и решила, что так больше продолжаться не может. То есть к такому кардициальному решению Верка приходила каждое утро и каждый вечер, но по сути ничего не менялось. Она продолжала существовать с лишним весом, лишними морщинами и лишним целлюлитом, и каждый раз съеживалась под взглядом мужа, не догадываясь, что муж смотрит совсем не на нее,

Верку, а вглубь себя, решает собственные внутренние проблемы. Однако этим знаменательным утром Верка была настроена решительно. И хотя никакого конкретного решения у нее не возникло, но убеждение, что именно сегодня что-то важное случится, созрело в Веркиной намаявшейся душе. Верка подождала чуда до обеда, пообедала, снова подошла к зеркалу, но ничего хорошего там не увидела.

— Под лежачий камень вода не течет, — подумала Верка, — наверное, неожиданное превращение меня в красавицу произойдет не дома.

И позвала мужа прогуляться. Маршрут их прогулки лежал через рынок. А если быть точным, то именно по рынку Верка с мужем и прогуливались. И вот там-то, на знакомом каждым прилавком базарчике ждала Верку судьба. Совершенно невообразимый субъект, никогда раньше на этом рынке не торговавший, позвал Верку (она была уверена, что именно ее, и никого более):

— Подходи, омолодись — в красавицу превратись!

Верка моментально оказалась у его прилавка и впилась глазами в розовое, усатое, с обаятельной усмешкой лицо продавца. В эту минуту женщина почему-то подумала, что продавец ждал ее на этом рынке всю жизнь и знал все про тайные Веркины муки лучше самой Верки. А значит, знал и способ, как Верке от них избавиться.

— Для молодки лучше нет, чем африканского крокодила секрет, — пропел продавец Верке в самое ухо, и Верку бросило в жар, черт его знает от чего: то ли он наглого взгляда продавца, то ли от его щекочущих Веркину щеку усов, то ли от растущей надежды на перемены.

— А что делать-то надо? — почему-то прошептала тоже в ухо продавцу Верка.

— На ночь ты намажься мазью — утром лучше всех ты станешь, гляже, чем лягушки жопка, и стремительней, чем пробка, — ухмыльнулся продавец.

— А вечером? — совершенно зачарованная его тарабаршиной, ахнула Верка.

— Хорошеесть с каждым днем, дьявольским горя огнем, красна молодца ты встретишь, раны старые залечишь, — все ближе наклонялся к Верке продавец.

— А мазать-то что? — не сводила глаз с продавца Верка.

— С головы до самых ног — вот тогда лишь будет прок, — еще раз пощекотал Верку усами продавец.

— Значит, от всего помогает? — уточнила Верка, отодвигаясь от продавца и складывая в сумку 10 волшебных пузырьков.

Но продавец уже повернулся к Веркиному мужу, заинтересованно разглядывавшему чудодейственное средство для мужской потенции.

— Женившись на молодой, гладкой, сочной и худой, — блестя зубами, пел продавец.

— А старую куда девать? — удивился Веркин муж.

Продавец уже тянул из его рук хрустящую купюру, но Веркин муж вдруг заартчился:

— Нет, ты мне скажи, старую-то куда девать?

Верка, открыв рот, наблюдала, как мужчины тянут, каждый к себе, купюру. Ей казалось, что это продолжалось целую вечность, пока, наконец, Веркино терпение не лопнуло. Верка открыла купленный только что пузырек чудодейственного средства и стала яростно намазываться, не оставляя никаких шансов морщинам и целлюлиту. Вскоре перед обалдевшим Веркиным мужем предстала юная, совершенно обнаженная ведьмочка, блестевшая целебной мазью, оказавшейся почему-то очень жирной. Верка схватила выставленную в витрине метлу и лихо пролетела над рынком. Потом поднялась высоко в небо, продемонстрировала потерявшим дар речи посетителям рынка мертвую петлю, спикировала к прилавку и застыла, нагло покачиваясь на метле вверх и вниз, перед самым носом мужа, все еще державшего вместе с продавцом денежную купюру достоинством в 100 рублей.

Народ на рынке еще не вышел из ступора, как вдруг Верка подмигнула продавцу, спрыгнула с метлы, подошла к мужу и буднично взяла его за руку. Муж сунул в карман сторублевку и заспешил вслед за женой.

ИСПЫТАТЕЛЬ

Мужики, не знаю, как вы, а я твердо решил: никогда не женюсь. Не родилась еще такая баба, которая меня до загса доведет. Если, к примеру, какая-нибудь сильно понравится, я сразу ее испытывать начинаю. На предмет полезности. Сможет, например, она своими наманикюренными пальчиками мужику рыбку к пиву почистить? Чистили, конечно, рыбку, получалось у некоторых. И сами ее съесть норовили.

А Нинка... рыбку мне в рот положила...

— А помнишь, — говорит, — как ты меня в школе за косички дергал?

— Нет, — отвечаю, — не помню.

— Как же, — спрашивает Нинка, — ты не помнишь? Ты же отличником был!

— Ты мне так тогда портфелем по голове заехала, что я больше ничего не помню!

Нинка уставилась на меня своими глазищами и смотрит так, что у меня рука сама — дерг ее за косичку! Вернее, за то, что от нее осталось. Основную массу Нинкиных волос я еще в школе повыдергал. А Нинка ничего, смотрит на меня и улыбается.

Так, думаю, дело не пойдет. И придумал для Нинки новое испытание.

— Дорогая, — говорю, — я уезжаю в командировку. Последи за моей квартирой. Только будь осторожна (ехидно так говорю): там мыши!

Возвращаюсь через неделю: ни одной мыши в квартире не осталось. Нинка их так откормила, что ни одна мышь в щель в полу не пролезала. Чувствую, рука снова тянется Нинку за косичку дернуть. А ей только этого и надо! Уже рядом пристроилась и даже голову наклонила, чтобы мне удобнее дернуть было. Ну, нет! Не дождешься, голубушка!

И придумал ей новое — самое трудное! — испытание.

— Пойдем, — говорю, — в поход! Там гнус, комары...

— Ой! — вскрикнула Нинка.

— ...лягушки, ящерицы... — продолжил я.

- Ой! – снова вскрикнула Нинка.
- и змеи! – зловеще закончил я живописать прелести похода.
- Теперь-то я от тебя избавился! – подумал я, закрывая за Нинкой дверь. Но не успел закрыть, как Нинка явилась с рюкзаком за плечами.
- Ты готов? – спрашивает и смотрит так, как будто хочет меня по голове рюкзаком стукнуть.
- Нинка, – ошалел я, – а как же змеи?
- А я, – отвечает Нинка, – в серпентарии работаю. Для меня змеи – самое милое соседство.

Я изловчился и закрыл дверь перед самым Нинкиным носом. И – слышите, мужики? – лег в кровать, отвернулся к стене да еще уши подушками закрыл, чтобы не слышать, как Нинка в дверь трезвонит. Ни за что не открою!

Вдруг кто-то меня за плечо тронул. Поворачиваюсь – Нинка! У меня рука сама потянулась – перекреститься...

– Что с тобой? – спрашивает Нинка... и наклоняется ко мне. И Нинкина косичка ложится мне прямо в руку. И я не удержался и дернул ее за косичку... И кончилась моя сила...

Так что, мужики, я твердо решил. Никогда не женюсь. Ни на ком. Кроме Нинки.

ДЕФИЦИТ

Морозным зимним вечером на остановке обреченно мерзли двое: мужик с интеллигентными усиками и очкастая тетка с авоськами.

Когда на пустынном горизонте показалась долгожданная маршрутка, оба стали подпрыгивать и размахивать руками, чтобы водитель, не дай бог, не проскочил мимо. Причем тетка активно семафорила сразу двумя увесистыми хозяйственными сумками. Газель остановилась. Интеллигент и очкастая кинулись к ней наперегонки. Очкастая примчалась первой, но интеллигент изловчился, оттер ее сильным мужским плечом и влетел точно на единственное свободное место. Очкастая влезла следом и замерла на ступеньке, держа авоськи на весу, чтобы не задеть ими пол машины. Потом ехидно заметила:

– Мужчины нынче один вежливее другого! Джентльмены! Защитники Отечества! С праздником, кстати, вас! – кивнула она усатому. – Чуть не снес меня, защитничек!

– Вы хотите об этом поговорить? – поудобнее устроился на сиденье интеллигент и уставил на тетку добрые, внимательные, все понимающие глаза. – Я вас слушаю. Я практикующий психолог, готов дать вам консультацию.

– Бесплатную? – обрадовалась тетка и тоже удобно уселась на ступеньке газели, аккуратно сложив на коленях авоськи.

– Что вас беспокоит? – участливо спросил психолог.

– Мужики! – живо откликнулась тетка.

– Пристают? – ахнул усатый.

– Наоборот, не замечают, – пожаловалась очкастая. – Можно сказать, пробегают мимо и не притормаживают.

– И давно не притормаживают?

– Шут их знает, – задумалась очкастая. – Лет пять, наверное.

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – оценивающе окунул ее взглядом усатый. – Я думаю, не больше четырех.

– Может, и не больше четырех, – согласилась очкастая. – Но я так, знаете ли, соскучилась по мужскому вниманию, что кажется: уже больше пяти лет не притормаживают! Измельчал мужик!

– Ну, знаете, нельзя перекладывать ответственность за свои проблемы на других! Вы-то что-нибудь сделали для того, чтобы около вас кто-нибудь притормозил?

– А что я могу? – удивилась очкастая.

– Так уж ничего и не можете? – интеллигентно засмеялся психолог. – Ну, хоть самое простое... Подножку, например, подставить пробовали?

– За подножку и по шее схлопотать можно, – испугалась очкастая.

– Да, проблема ваша требует серьезного подхода, – согласился психолог. – За одну, к тому же бесплатную, консультацию ее не решишь. Звоните, договоримся о гонораре, – протянул он очкастой визитку и протиснулся к выходу. – Главное, помните: неразрешимых проблем нет.

Усатый ободряюще улыбнулся и навострился выскочить из маршрутки, как вдруг споткнулся о ловко выставленную ножку очкастой.

– А ты хорошая ученица, – потрясенно взглянул на нее психолог.

– Я быстро схватываю, – кивнула очкастая.

– Звони, продолжим занятия, – усатый пополз к выходу, но снова наступил на чью-то женскую ножку. Он удивленно поднял голову: целый батальон женских ножек преграждал ему путь!..

КЛИЗМА ДЛЯ ТАПОЧКИНА

Эй, дома есть кто-нибудь? Отнесите сумки на кухню – и меня вместе с ними, и дайте пожрать! Я тоже хочу отдохнуть с газетой на диване – и уснуть под ней! Я тоже хочу поиграть в машинки – и уснуть среди машинок! Я с любым из вас с удовольствием поменяюсь местами. И на работе тоже – со своими пациентами!

Какая жизнь у меня начнется! Я отдухаю на заслуженном больничном – а больные вокруг меня бегают! Степанова из 3-ей палаты каждый час мне давление меряет. Царева из 1-ой – вообще от меня не отходит, выслушивает жалобы на всю мою разнесчастную жизнь. А на Шмелева из 4-ой я жалуюсь самому Главному – пусть выговоры за меня получает! Тапочкин делает мне клизму – а потом все за мной убирает. А когда Синицын придет делать мне укол – я буду укладываться поудобнее часа полтора, не меньше, с мученической улыбкой и идиотскими извинениями. Пусть подождет, куда ему торопиться – он же на работе!

Вот так я отдухаю, а они все вокруг меня стоят: Степанова с градусником, Синицын со шприцем, а Тапочкин с клизмой наготове. Пусть стоят и

вспоминают, как я стояла вокруг них всех одновременно!

Что, Женечка, ты убрал все свои игрушки на место? А ты, Саша, налил мне чай с лимоном? Какие вы у меня молодцы! Нет, я совсем не устала на работе, только капельку! У меня замечательные больные. Царева мне стала как родная, я знаю всю ее жизнь. А Синицын такой смешной — он боится уколов, представляешь? Переживаю за них, конечно. Надо будет Степановой утром давление померить...

СВАДЕБНЫЙ МАРШ

У Андрюхи было хобби: уводить невесту со свадьбы. Первую он увел, потому что влюбился. Прямо на свадьбе. Бывает такое. Любовь с первого взгляда называется. Вторую — на спор. А третью — по привычке. Как потом невесты со своими женихами разбирались, Андрюха не интересовался.

Сам же он после каждой свадьбы бывалбит. А потом его на свадьбы звать перестали. И негде стало Андрюхе свое мастерство оттачивать. Зажил он скучной размеренной жизнью, в которой не было места празднику. И от скучки заделался Андрюха философом. Философствовал он на тему: жениться или не жениться.

— Не женюсь, — говорил обычно Андрюха, отхлебывая пиво. — Не верю я в слабую женскую породу. Какое ей может быть доверие, если ее со свадьбы увести можно?

— А с другой стороны, — рассуждал Андрюха, — кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Андрюха еще раз отхлебнул пиво и решил:

— Женюсь!

Но извечный дух авантюризма бурлил в Андрюхе и толкал его на необдуманные поступки.

— Не буду Андрюхой, если не уведу невесту с собственной свадьбы! — решил он.

Что это была за свадьба, скажу я вам! Андрюха в белом чинно вышагивал рядом с невестой. Андрюха в черном рассыпался перед невестой мелким бесом. У невесты глаза разъезжались в разные стороны: она не знала, какого Андрюху ей выбрать!

Гости устроили тотализатор: делали ставки на Андрюху в белом и Андрюху в черном. Ставки росли. Страсти разгорались. Невеста, казалось, вот-вот лишится чувств, лишь бы не делать выбор между двумя Андрюхами. Но гости, сделавшие ставки, настаивали.

Андрюха в черном донес до самого низкого бесстыдства: обещал невесте золотые горы, клялся в вечной любви. И невеста не устояла, выбрала Андрюху в черном.

Дальше началось совсем невообразимое. Андрюха в белом вызвал Андрюху в черном на дуэль. Из гостей были выбраны секунданты. Андрюха в белом стоял против Андрюхи в черном. Невеста заламывала руки.

— Я не позволю тебе превратить собственную свадьбу в фарс! — поднял руку с пистолетом Андрюха в белом.

Андрюха в черном рассмеялся в ответ и прицелился в самое сердце Андрюхи в белом.

Оба выстрела раздались одновременно. Андрюха в белом и Андрюха в черном упали к ногам невесты.

Андрюха поднялся с земли и, вздрогнув, шагнул назад. Три невесты — в красном, желтом и зеленом — шли к нему с разных сторон, обступали плотным кольцом...

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ МУЖА

А у вас хорошая аптека? И лекарства есть всякие-разные-любые — по потребности? Потребности у меня — о-го-го!

Мне надо лекарство от косоглазия. Для мужа. Чтобы глазами по сторонам не шарил, а смотрел только на меня. Имеется такое? Давайте.

Еще мне надо сильнодействующее средство от мужского шопинга. Я его мужу буду в день зарплаты давать, чтобы он на пивной магазин даже не оглядывался. Имеется такое? Беру. Нет, от женского шопинга мне лекарство не требуется. Женский шопинг для организма даже полезен.

Еще мне надо лекарство от спины. Это тоже для мужа. Нужно такое специальное лекарство, чтобы спина мужа не выносила лежания на диване с пультом от телевизора. Требовала от хозяина, чтобы встал и кран починил или палас пропылесосил. Или вместо пульта меня рядом с собой положил — у меня тоже есть кнопочки, на которые нажать требуется.

Так, всем необходимым я запаслась. Теперь главное лекарство. Есть у вас лекарство для возвращения мужа обратно в семью? Такое лекарство не придумали еще? Объявите, пожалуйста, по все стране СПЕЦИАЛЬНУЮ ПРЕМИЮ ЗА ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ МУЖА ДОМОЙ.

Думайте, шевелите мозгами! ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ПРОСИТ — фармацевтика должна ответить: есть.

МОЛИТВА

Господи, почему я маленькая и толстая? Ну, почему я маленькая и толстая?! Не отвлекайся, Господи! Слушай внимательно! Это Верка из 42-й квартиры длинная и худая, как жердь. Ты нас все время путаешь! Ее сажаешь на диету, а меня отправляешь в круиз со шведским столом, где голодная толпа оставляет мне только сдобные булочки. Это я хочу на диете, Господи! Низкокалорийную, из стройных куропаток и пирожных для желающих похудеть в шоколаде.

Господи, а каких женихов ты мне подсовываешь?! Я прошу у тебя не толстого с тощим кошельком, а наоборот. Выполню хотя бы второе условие, а вес и фактуру жениха можешь оставить на свое усмотрение.

И еще, Господи, сделай так, чтобы я непременно выиграла этот конкурс красоты... потому что первым призом там будет огромный торт, а никто

так не любит сладкое, как я! И когда я буду стоять на подиуме в короне Королевы и с шикарным тортом – вот тогда все на свете женихи меня заметят! И на меня обязательно обратит внимание Вовка из соседнего подъезда! Он прямо к сцене подъедет на своем велике и скажет: угости тортиком! А я ему отвечу: фиг тебе! самой мало!

И мы с Вовкой будем долго-долго кататься на велике и есть торт... А Верка из 42-й квартиры будет смотреть на нас и глотать слюни!

СВЕЧА

Муж ввиду свалившегося на наши головы кризиса объявил строгую экономию. То есть это для меня кризис свалился неизвестно откуда, а муж еще со времен перестройки живет в полной боевой готовности. Как комсомольцы 30-х годов. «Если завтра война, если завтра в поход...» Сухари сушит, патроны пересчитывает. Подъем по команде, одеться за 45 секунд. Взвыла я от такой жизни – романтики захотелось.

– Давай, – говорю, – устроим романтический ужин. Зажжем свечи, нальем в бокалы французское вино...

Выбрала в магазине самую толстую свечу за 90 рублей – чтоб романтики до утра хватило. Мужу так понравилась симпатичная продавщица, что он забыл про экономию и не сопротивлялся. Расчувствовался, как верблюду перед цветущей колючкой.

– Сейчас, – говорит, – зажжем свечу, будем на нее смотреть и представлять, как горит сторублевая купюра.

В общем, до винного отдела мы с ним не дошли. А с 90-рублевой свечой мы переживем этот кризис и все грядущие. Будем много работать, еще поднатужимся, подтянем пояса – и войдем в светлое будущее. Разожжем большой костер, посадим вокруг него своих детей и внуков. И правнуков. «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

– Это все для тебя, любимая, – скажет мне муж.

– Я знаю, любимый, – отвечу я ему и крепче прижму к себе 90-рублевую свечу.

РЕЦЕНЗИЯ

Вчера мы с классом ходили в театр. Это вам прикольно, а нас училка заставила рецензию писать. Сказала, кто не хочет «Войну и мир» читать, тот пусть деньги на театр сдает. Специально для нас в класс и Войну, и Мир притащила – не поленилась. Мы посмотрели – если она нам это пересказывать начнет, это ж сколько мы ее слушать будем?! Она, наверное, тоже так подумала и решила свой личный вечер на театр потратить. Краткий пересказ текстов по литературе нам тоже показался длинным – и мы решили в театр пойти.

Я лично потратила на билет в театр бабло, отложенное на колготки в сеточку, Светка – на кино, а Сонька – на школьный завтрак, но она все равно на диете, ей меньше всех жалко было. Потому что родители нам

деньги не дали, сказали, что у них с нами сплошной цирк, театр уже лишним будет.

Больше всего мне запомнилось, что нас не пустили в зал с чипсами и колой. Мы и не пошли, остались в буфете. Кроме чипсов и колы, там были еще коньяк и бутерсы с икрой. Но на них бабла, оставшегося от колготок, не хватило. Пришлось взять еще чипсы и еще колу.

Спектакль не произвел на меня большого впечатления. Ничего особенного, даже немножко скучно. А по мнению тех, кто прошел в зал без колы и чипсов – ваще полный отстой. Прикиньте, там был Пьеро без уха. И даже без Мальвины и Буратины! Что там было смотреть? Еще были эти, из анекдотов, Андрей Болконский и Наташа Ростова. Да если бы училка нас предупредила, что достаточно прочитать анекдоты про них, мы справились бы с рецензией без театра, а у меня были бы новые колготки уже на этой неделе, не дожинаясь маминой получки. Правда, рецензия была бы короткой, могла не пройти по объему. Потому что в буфете было еще мороженое, которое нам на спор купил Санек Воробьев (если короче – Воробей), одну порцию на пятерых. Мы поспорили, что он не сможет выкурить сигарету в женском туалете. И он проспорил. Он бы, конечно, смог. Потому что, во-первых, это ему по приколу. А во-вторых, он за порцию мороженого что хочешь сделает. Но его охранник засек.

В общем, если бы училка предложила нам прочитать «Войну и мир» в анекдотах, мы бы, конечно, в театр не пошли. Ну, так, ваще, в театре прикольно, особенно когда Воробей мороженое проспорил.

УТИ-ПУТИ

Я человек серьезный, без всяких там… ути-пути… и требую серьезного к себе отношения как к женщине. И это все чувствуют и относятся ко мне с должным уважением. Иваныч мой, например, по молодости и глупости подошел ко мне, попросил закурить. А я ему в ответ:

– Ну, все, милый, теперь не отвертишься – обязан жениться.

Иваныч посмотрел на меня… с должным уважением, видит, женщина серьезная, деваться некуда – женился. И ниче, живем не хуже других, без всяких там ути-пути.

А на днях застукала его с соседкой – у лифта. Стоят, улыбаются, воркуют: ти-ти-ти…

Ну, я серьезно так говорю соседке:

– И где же в такой ответственный момент находится твой муж?

Она мне отвечает без всякой серьезности:

– Отсыпается после ночной смены.

– Муж, значит, отсыпается – а ты – к лифту! – поймала я ее.

Тут как раз лифт подошел, Иваныч мой посмотрел на меня с должным уважением – и уехал. А соседку я за руку – хват!

– Все, – говорю, – милая, не отвертишься: на дуэль тебя вызываю!

Соседка тоже так уважительно на меня глянула:

— Отсталая, говорит, ты, Федоровна. За это сейчас на дуэль не вызывают. Наука доказала, что «ЭТО» полезно для женского здоровья. По-научному это флиртом называется. А флирт на работе способствует умственной деятельности.

— Так то на работе, — все еще не верю я, — а ты у лифта.

— А это, — отвечает соседка, — разминка перед работой.

Ну, я женщина серьезная, умственная, научные открытия игнорировать не могу. Проводила соседку, постояла немного у лифта, но сосед так и не вышел, видно, все еще отсыпался. Поехала на работу — в детский сад. Думаю, без флирта не обойтись. Вхожу в ворота, а там ясельную группу перед завтраком выгуливают. Ну, я не растерялась: Ситникову козу сделала, а Семенову подзатыльник дала, чтобы девчонок за косички не дергал.

Вроде все по науке, но чего-то не хватает для женского здоровья. Попшла к Петровичу, нашему сторожу. Сначала справа на него глянула, потом слева. Обстрел глазами называется, соседка научила. Петрович уважительно так на меня посмотрел, даже немного испуганно:

— Федоровна, — говорит, — неуж выпить хочешь?

Тут уж я испугалась:

— Что ты, — отвечаю, — Петрович, после этого жениться надо, а у меня уже Иваныч имеется.

В общем, эта область науки, видно, еще до конца не изучена. Я так соседке и сказала, чтобы, значит, она перестала поправлять свое женское здоровье с моим Иванычем. А безответственным научным деятелям я серьезно заявляю:

— Вы сначала до конца изучите эти свои ути-пути, а потом уж экспериментируйте на женщинах!

ХОББИ

Разрешите представиться. Я — уникальный человек. У меня редкое хобби: я обожаю ходить в больницу. Уже в больничной очереди чувствую себя значимой личностью. Устанавливаю порядок: кто за кем, старики и с острой болью — без очереди. Подробно выслушиваю, у кого что болит, даю советы. Многие внимают с интересом, к врачу уже не идут, лечатся по моим рецептам. В назначенное мной время приходят на следующий прием. А есть такие больные, с которыми надо просто поговорить — особенно со стариками и женщинами — психотерапия называется. Бесплатная, между прочим. Людям приятно — а для меня хобби.

Наконец, к концу рабочего дня, подходит моя очередь на прием к врачу. Я вхожу в кабинет, внимательно смотрю на доктора, спрашиваю:

— Как себя чувствуете?

Даю совет сначала врачу, потом медсестре, они подробно записывают. Благодарят за то, что больные к ним в кабинет входят практически здоровыми, а главное — ни капли не нервничают, настроены благодушно.. Так что во вверенной мне поликлинике полный порядок!

А если в вашей — большие очереди — я иду к вам!

ШАПКА

Товарищ кондуктор, скажите, пожалуйста, сколько времени? Ох, я опоздала! Ах, у вас часы на 5 минут спешат? Тогда, может, еще успею. Знаете, заболтаясь на остановке, три автобуса пропустила. Знакомую встретила. Важный вопрос обсуждали. Она к депутату ходила... к этому, как его... от партии этого, как его... который обещал, что мужиков на всех женщин хватит. Даже если на трех по мужику дадут, все равно не так обидно, как если кому-то все, а кому-то ничего. А если еще и выбирать можно будет...

Это моя остановка была? Ну, ничего, проеду еще, потом на обратном маршруте вернусь. Важный все-таки вопрос обсуждаем. Так вот, если выбирать можно будет, я выберу настоящего, чтобы кран починил. А то, знаете, вызвала сантехника, а он говорит: у всех из крана капает, но все терпят, по пустякам не беспокоят. Я сантехника уже три месяца вызываю, он за мои деньги ту одну штуковину купит, то другую, а кран как капал, так и капает. Но все-таки общение.

Или вот, например, купила я норковую шапку, а у нее через месяц мех протерся. Я в магазин: зачем, говорю, брак подсовываете? А они мне: всем брак подсовывают, и ничего, терпят, по пустякам не беспокоят. На экспертизу послали. Не меня, шапку. Пусть выясняют на своей экспертизе, кто виноват, что мех протерся: я или шапка? Зима уже закончилась, но это ничего, я все хожу к нему, жду решения. Я и сейчас туда еду. У меня время есть, я не спешу. Опять же общение.

Мужик, говоришь, при чем? Где шапка – и где мужик? Я же тебе объясняю, как важно общение! Разве стала бы я столько времени с тобой по маршруту кататься, если бы меня мужик дома ждал?

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

ВРУША.....	4
С ЧИСТОГО ЛИСТА.....	10
КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА.....	16
ТОТ, КОГО СТОИТ ЖДАТЬ.....	22
СОМНЕВАЮСЬ.....	28
ПОМИНКИ.....	35
ЧАЙКА.....	42
ПЛЮС И МИНУС.....	49
ДОН КИХОТ СЕДЬМОГО УЧАСТКА.....	55
С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ.....	61

ПЬЕСЫ

ДЕВИЧНИК.....	66
НЕНОРМАЛЬНАЯ.....	79
ХОЧУ.....	83

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

РЫБАЧКА ТОНЯ.....	96
ВИАГРА.....	96
ИСПЫТАТЕЛЬ.....	98
ДЕФИЦИТ.....	99
КЛИЗМА ДЛЯ ТАПОЧКИНА.....	100
СВАДЕБНЫЙ МАРШ.....	101
ЛЕКАРСТВО ДЛЯ МУЖА.....	102
МОЛИТВА.....	102
СВЕЧА.....	103
РЕЦЕНЗИЯ.....	103
УТИ-ПУТИ.....	104
ХОББИ.....	105
ШАПКА.....	106

САФРОНОВА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

Д Е В И Ч Н И К

рассказы, пьесы, юмористические миниатюры

Художник М. Шилехина
Макет, верстка В. Мисюк

Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 20.06.2013.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 6.75

Тираж 200 экз.